

ГРАФ КАРБУРИ —ШЕВАЛЬЕ

Татьяна
Сергеева

«Приключения
авантюриста»

PETRO GRIMO
SATHARINA BESCUBA
MBCCLXXXV

Татьяна Сергеева
Граф Карбури – шевалье.
Приключения авантюриста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68938482

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот роман повествует о русском периоде жизни французского ваятеля Этьена Мориса Фальконе, создавшего монумент Петру Великому, о муках его творчества, о повседневной жизни Петербурга второй половины восемнадцатого столетия, в котором он провёл долгих двенадцать лет. Это вечная история о том, что рядом с выдающимся художником всегда появляются некие личности, без всякого стеснения приписывающие себе достижения чужого таланта и, подобно Герострату, оставляют навсегда в истории своё имя.

Татьяна Сергеева

Граф Карбури – шевалье.

Приключения авантюриста

Эта старинная история началась прекрасным днём лета 1766 года. Тот день был такой прекрасный, что, казалось, весь город сиял улыбкой под высоким солнцем, грелся под ним и мурлыкал весёлую добрую песню. А солнце, солнце вовсе забыло, где оно светит так долго и ярко, словно не над пасмурной северной столицей, а где-нибудь над далёкой загадочной Грецией обнимало оно влажным теплом берега какого-нибудь острова Кефалония...

И в это самое время через наплавной мост с Васильевского острова к Адмиралтейству направлялся молодой человек. Был он строен, ловок и красив, только удлинённый нос да большие чёрные глаза выдавали в нём иноземца. Но в те далёкие времена иноземцев в Петербурге было видимо-невидимо, и потому внимания к себе он совершенно не привлекал. С собой у него был только один увесистый саквояж, который он иногда перекидывал из одной уставшей руки в другую. По одежде его трудно было определить, к какому сословию принадлежал её владелец. Сукно кафтана было недёшево, но парик поседел от старости, и башмаки давно не чистились от пыли. Судя по всему, это был какой-то приезжий:

он удивлённо и радостно оглядывался по сторонам, незамеченный мужиком, перевозившим кирпич, заскочил в его телегу, и часть пути по мосту проехал прямо за его спиной. Затем иноземец долго шёл красивыми прямыми улицами, с восторгом рассматривал сияющие купола церквей, богатые дворцы и фасады новых трёхэтажных домов. Постоял недолго подле гранитчиков, трудившихся над Невскими набережными, и направился напрямик через Царицын луг...

– Пади, пади, берегись!

И молодой иноземец едва успел отскочить в сторону. Мимо него торжественным цугом проехала дорогая расписная карета. Верховые, сопровождавшие её, «вершники» на передних парах лошадей и лакеи на запятках – все были в лифвах, обшитых золотом по всем швам. Молодой человек успел хорошо разглядеть холёное лицо вельможи за раскрытыми занавесками. Вельможа этот только слегка скользнул рассеянным взглядом по его лицу и тут же вновь углубился в свои мысли. Карета проследовала ко дворцу на берегу Невы подле Летнего сада и остановилась. Слуги выскочили из дома навстречу своему господину. Вельможу сопровождали до дверей, и все исчезли вместе с хозяином, только кучер, задержался, поправляя в карете сбившийся бархатный ножной коврик.

Молодой человек подошёл к нему.

– Скажи мне, любезный, как имя твоего хозяина?

По-русски говорил он прескверно, в короткую фразу

успел ввернуть несколько французских слов, но кого в те времена можно было удивить дурной русской речью? А кучер, изрядно поднаторевший на подобной абракадабре среди гостей и родственников своего хозяина, только пожал плечами.

– Ну, сразу видать – Вы не здешний, сударь... Барин мой после императрицы, можно сказать, один из первых будет... Звать его Иван Иваныч Бецкой...

– Что он богат и знатен, то я и без тебя вижу. – Продолжал иноземец. – А можешь ты мне сказать, чем он при дворе царском ведаёт? За что перед императрицей отвечает?

Кучеру эти расспросы не понравились, тем паче, что имел он на этот счёт строгие предупреждения.

– Чего ты пристал, сударь, как слепой к тесту? Шёл бы своей дорогой... В дела барские мы не лезем, наше дело – сторона... Отвёзём, куды барин велит, и домой чин-чином доставим...

– А куда барин ехать велит? – не дрогнул парень.

– Да на кудыкины горы, вот привязался, Господи прости,... Где мы за день только не бываем – и во Дворце, и в Конторе строений, и в Институте благородных девиц, что в Смольном монастыре сейчас, и в Воспитательном доме, и в Академии Художеств на Васильевском... Про Царское село и не говорю... Да мало ли дел у нашего благодетеля, всего не перечислишь... А ты ступай, ступай, а то ненароком Фёдор-дворник выйдет, тот без всякого разговору – зашибёт и

всё...

И хотя такая перспектива мало привлекала молодого иноземца, он всё-таки успел ещё спросить мужика, где найти ближайший французский пансион, и быстро зашагал в указанную сторону, вполне удовлетворённый рассказом кучера.

Как и положено в природе, весёлое и быстрое лето сменила унылая и затяжная осень. Короткие пасмурные дни становились всё тоскливее. Беспреданно моросил холодный Петербургский дождь, в домах рано зажигались свечи, а фонарики на улицах начинали суетиться сразу после обеда. Но жизнь в северной столице была ключом даже в самые ненастные дни. В этом городе всё было молодым – сам Петербург, его жители, императрица...

Но наступал вечер, и в столице заканчивался присутственный день. Постепенно затихала жизнь и возле Почтамта: уходил на Москву последний почтовый дилижанс, и только несколько ямских троек оставались у подъезда... Один за другим покидали присутствие почтовые чиновники. За ними перлюстраторы, копиисты и архивариусы из самого «Чёрного кабинета», поёживаясь, ныряли с крыльца прямо в хлюпающую под ногами осеннюю грязь.

Только один чиновник частенько задерживался на своём месте за длинным конторским столом, на котором возвышалась тяжёлая стопка дипломатических писем – последнюю почту приносили поздно.

Вот и сегодня ему пришлось остаться: во-первых, остава-

лось много неразобранных писем, а во-вторых – поступило распоряжение ожидать позднего гостя, частенько посещавшего «Чёрный кабинет», – самого Ивана Иваныча Бецко-го, доверенным лицом которого он считался с очень давних пор...

Перекрестившись, чиновник взял в руки очередное письмо и приступил к священнодействию. Опытными тренированными пальцами он аккуратно сломал сургучную печать и специальным костяным ножом вскрыл конверт. Почти не раздвигая его, он вытащил тонкие листки письма и разложил на столе. Мерцающее пламя свечи плохо освещало написанное, чиновник встал и зажёл ещё одну. Потом внимательно прочитал письмо, придвинул к себе чистый лист бумаги и принялся переписывать чужое послание, тщательно сверяя с оригиналом каждое слово. Закончив писать, он точным движением факира вложил письмо обратно в конверт и очень долго выбирал среди множества разных печатей на полке в глубине комнаты ту единственную, которая была нужна. Здесь же в углу жарко топилась печь, на ней в специальной площадке плавился сургуч, распространяя по всей конторе свой вязкий горьковатый запах. Теперь оставалось только капнуть этой коричневой смолы на конверт и приложить печать. С первым письмом было покончено.

Чиновник протянул было руку за следующим, но вдруг требовательно и звонко зазвонил колокольчик. Он засуетился, схватил свечу, и толкнул плечом дверцу одного из боль-

ших шкафов, стоявших вдоль стен. Шкаф оказался вовсе не шкафом, а потайной дверцей, которая легко и беззвучно открылась.

Вернулся он скоро, высоко держа перед собой ярко горящую свечу. За ним шёл никто иной, как Иван Иванович Бецкой.

– Сюда извольте, Ваше высокопревосходительство...

– Я хоть и редко к вам захоживаю, но дорогу пока не забыл...

Бецкой был сегодня в добром расположении духа: слава Богу, разрешилась эта бесконечная канитель с выбором создателя монумента Петру Великому. Императрица, наконец, приняла решение: в Петербург выехал известный во Франции ваятель Этьен Морис Фальконет, руководитель скульптурной мастерской Севрской мануфактуры, создатель знаменитых «Милона Кротонского», «Купальщицы» и «Амура», наделавших шуму даже в Петербурге, тот самый Фальконет, которому в своё время покровительствовала сама маркиза Помпадур. Рекомендовал его государыне не кто-нибудь, а сам Дидерот, переговорами занимался русский посланник в Париже князь Дмитрий Алексеевич Голицын, вкусу которого вполне можно было доверять. Все условия договора были приняты обеими сторонами, и для Ивана Ивановича как директора Конторы строений это означало, что начинается большая интересная работа во славу императрицы и дорогого Отечества.

– Присесть изволите, Ваше высокопревосходительство? Сюда, пожалуйста, это кресло у нас для самых почётных гостей...

– Ну, довольно Лукич! Пока мы вдвоём, в приватной беседе называй меня просто по имени-отчеству, без церемоний... Всё трудишься, я вижу?

– А как иначе-то, Иван Иванович... Переписки дипломатической ныне вона сколько! Скоро двадцать лет в «Чёрном кабинете» тружусь – никогда прежде столько не писали. Пока всё перечтёшь, да все экстракты сделаешь – другой раз и заполночь домой уйдёшь...

Бецкой свободно расположился в предложенном кресле. Всмотрелся внимательно в полумрак кабинета и совсем другим тоном сказал, слегка понизив голос.

– За усердие хвалю. И начальнику твоему велю тебя отметить... Только речь сейчас не про то... Я к тебе так поздно не зря пожаловал: поручение у меня от императрицы есть, государственной важности дело... Должен ты мне через вашу картотеку человечка нужного найти...

Чиновник с готовностью наклонился к нему.

– Человечка? Какого человечка? Из каких он будет?

Иван Иванович вздохнул.

– Этого я тебе сказать не могу, поскольку и сам пока не знаю... Ваша Секретная экспедиция, много пользы делу государственному принесла, авось, и ныне Отечеству нашему послужит... Ты мне вашу картотеку предъяви, мы там нуж-

ного человечка и сыщем...

Чиновник, совсем было растерявшись, засуетился.

– У нас, Иван Иванович, картотеки разные, и каждая сама по себе весьма важная... С которой начать-то не знаю... – Он подошёл к ряду длинных шкафов, тянувшихся вдоль стен. – Здесь вот – «Главная». В ней поименованы все персоны, кои встречаются в перлюстрированных нами письмах... Желаете познакомиться?

– Уволь, уволь... Далее что?

Лукич с упоением посвящал Иван Ивановича в святая святых «Чёрного кабинета». Он пел, словно соловей на ветке, и сам наслаждался своим пением. Впрочем, для Бецкого песни эти были не внове. Знал он и про другие картотеки, о которых говорил сейчас Лукич, например, про ту, что разбита по странам, королевствам, империям, султанатам, то есть по всем государствам, куда пишут русские люди и откуда получают письма... Знал, что именно за стенами этой конторы перлюстрируются письма самых важных персон государства, генерал-губернаторов, губернаторов, сенаторов...

– А вот здесь, – продолжал Лукич, – здесь, Ваше высокопревосходительство, люди сами по себе малоинтересные, но для охраны и интересов государственных весьма важные. У нас в «Чёрном кабинете» эту картотеку называют «Групповой». Здесь всё, касаемое до преступных групп, будь то какие-нибудь заговорщики, фальшивомонетчики или карточные шулера...

Бецкой устало махнул рукой.

– Вот эта картотека мне и нужна... Слушай, Лукич, ищу я человека простого звания, лучше иностранца, ни с кем из важных персон несвязанного, это надо специально проверить, не оплошай... Пусть он будет беден, но ловок и смыслён... Найдёшь такого – через меня императрице весьма угодишь, а за мою благодарностию дело не станет...

Чиновник склонился в поясном поклоне.

– Я всегда готов служить государыне нашей, а Вам, Иван Иваныч – особенно, всею своею душой... – Он вытащил ящик с карточками и начал быстро просматривать их. – Этот? Нет, не пойдёт... У этого – ума маловато... Этот – всем хорош, прохвост, каких свет не видывал, да сын побочный весьма важной персоны... И этот не годится... Разве что вот... Грек...

– Отчего же и не грек? – протянул руку за карточкой Иван Иваныч.

Внимательно изучив всё, что имелось в картотеке про того самого грека, Бецкой засобирался домой, но проходя в тесную дверь, маскированную под шкаф, вдруг замешкался и как-то неловко спросил:

– А скажи-ка, Михал Лукич, на меня что ли, тоже карточка есть?

Чиновник смутился, растерялся, не зная, что ответить.

– Не извольте гневаться, Ваше высокопревосходительство...

Бецкой вздохнул.

– Есть значит... И все мои тайны, до моего дома относящиеся... Впрочем, мне скрывать нечего, всю жизнь старался во славу Отечества служить...

Утром следующего дня он пришёл с докладом к императрице. Словно навёрстывая потерянное в молодости, Екатерина, казалось, искала повода посмеяться. Вот и сейчас хотела так, будто отводила душу. Бецкой едва улыбался, но был доволен настроением императрицы.

– Ну, насмешил, Иван Иванович... Не помню, когда так много смеялась... Значит, наш «засланный казачок» – беглый грек?

– По сведениям «Чёрного кабинета» три года назад был он бакалейщиком на острове Кефалония, да бежал оттуда от полиции... Что натворил – неведомо... Как в Россию попал и где до сей поры болтался неизвестно, но родных и знакомых ни в Петербурге, ни в России нет... Хитёр, умён, ловок и беден...

Екатерина хлопнула в ладоши.

– Довольно. Зови!

Бецкой дёрнул бархатную сонетку. Тотчас в кабинете императрицы появился тот самый молодой иноземец, что так настойчиво приставал с расспросами к кучеру Бецкого. Поклонился низко, да так и застыл в поклоне.

Екатерина поморщилась.

– Распрямись-ка, парень! В таком поклоне и спину сломать недолго. – Сказала она ему по-русски.

Но грек стоял, низко опустив голову. Императрица обошла его кругом, рассматривая словно статую. Удовлетворённо взглянула на Бецкого, кивнула.

– Ну, что ж... Погляди-ка на меня!

– Не смею, Ваше Величество! – Ответил он ей тоже по-русски.

Императрица усмехнулась.

– Отчего же так? Неужто и предо мною провиниться успел?

– Ни помыслами, ни делами, Ваше Величество...

– В таком разе голову подними. Я люблю, чтобы мой собеседник мне прямо в глаза смотрел. А что, Иван Иванович? Гляди-ка: взгляд ясный, что у ребёнка, и нос – орлиный, как у истинного грека. И фигура... Что ж... Хорошо сложен, ничего не скажешь... Так чем изволишь заниматься в Петербурге нашем?

– Учителем французского нынче... В пансионе...

– Неужто? – Екатерина опять засмеялась, спросила ядовито, повернувшись к Бецкому. – Что же ты, генерал, не похвастаешься, что недорослей твоих столь завидные учителя иностранному языку обучают? Или то есть часть плана твоего просветительского?

Бецкой не обиделся. Только вздохнул.

– Ах, матушка, – сколько лет всё учим, учим, а своих учи-

телей так и не хватает.

– Да, да... – Отозвалась государыня серьёзно, продолжая давний спор. – Про то я немало слышала... У тебя инспектором классов в кадетском корпусе бывший камердинер моей покойной матушки назначен, а директором – бывший суфлёр французского театра... – И снова повернулась к греку. – Значит, на французском говоришь... Слушай внимательно, парень... Улыбнулась тебе нынче фортуна. Знаешь, как мы русские говорим: «Доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал»... Понял ты слова мои или на французский перевести?

– Понял, Ваше Величество...

Императрица удовлетворённо кивнула.

– Беру я тебя на службу к себе. Знаешь ли ты сего важного мужа?

Грек впервые поднял голову и, взглянув вскользь на Бецкого, заговорил скороговоркой, путая русские слова с французскими...

– Кто не знает Ивана Ивановича Бецкого? Генерального директора Конторы строений, президента императорской Академии художеств, главного попечителя императорского Воспитательного дома, главного директора Шляхетного корпуса, Главного попечителя Общества благородных девиц....

Императрица замахала руками.

– Довольно, довольно! Хитёр, всё узнал... С сегодняшнего дня Иван Иванович для тебя и начальник, и отец родной...

– Здесь она намеренно перешла на французский язык, чтобы грек совершенно точно понял то, что ему предназначено сделать в будущем. – А нужен ты мне вот зачем. Жду я к зиме ваятеля знаменитого из Франции, будет он по заказу моему в Санкт-Петербурге монумент Петру Великому сооружать. Едет он сюда надолго, дело его трудное, хлопотное... Отвечает за сей проект Иван Иванович, и ты промеж ним и ваятелем тем, Фальконетом его звать, будешь, как бы это сказать... В общем, должен генерал про все дела его сведения иметь... Любое слово его, любой поступок, кому написал, с кем поссорился, с кем дружбу водит – всё доподлинно должно быть Иван Ивановичу известно. Фальконет, говорят, – человек резкий, много лишнего говорит, он француз... А французы – известные вольнодумцы, мне и своих баламутов хватает... Понял ты меня?

В глазах иноземца вдруг вспыхнул огонь. Весело и восторженно он упал на колени перед императрицей.

– Понял, Ваше Величество!

– Ну, и слава Богу, что понял. Отныне, будешь ты себя называть «шевалье де Ласкари»... Чтобы люди наши тебя узнали, поначалу послужишь несколько в полевых войсках в чине капитана... Немалый чин, между прочим, поскольку у нас в армии порой капитаны состоят в этом чине с последней прусской войны... А после ты, Иван Иванович, его к себе в адъютанты возьми... И приставь его к своим механикам академическим, пусть его своему делу поучат... Должен он и

руками кое-чего уметь...

Бецкой понятливо закивал.

– Приставлю, Ваше Величество... Есть у меня в мастерских парень один, воспитанник полковника Мелиссино Петра Иваныча... Вот уж воистину – голова и руки из чистого золота... Он и в Придворных театрах механиком служит, всякие провалы и превращения придумывает...

– Значит, приставишь к нему шевалье нашего, а сам проверяй почаще, многому ли научился механик твой новый...

– И продолжила, обращаясь к Ласкари, словно и не видела, что он по-прежнему стоит перед ней на коленях. – Жалованье будешь согласно чину своему получать. Хорошо будешь служить – чин быстро расти будет, я своих людей не обижаю. Ну, а пока у тебя в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается, сыщу тебе невесту из богатой семьи купеческой. Сама тебя просватаю – мне не откажут... Коли будешь исправен и ловок – всё хорошо будет. Ну, а провинишься чем, али сболтнёшь чего лишнего – пеняй на себя.

– Понял, Ваше Величество.

У него даже голос срывался от счастья.

Неприхотливый и неизбалованный французский ваятель Этьен Морис Фальконет собирался в Россию недолго. Он только очень боялся забыть что-нибудь нужное или потерять что-то по дороге. Мари Анн, его весёлая юная помощница, посмеивалась над его страхами, но внимательно следила за

сборами, сама бережно упаковывала и мелкую скульптуру учителя, и его рисунки, и даже личные вещи. Получилось немало – целых двадцать пять ящиков. Впереди была неведомая страна, незнакомые люди, чужой язык, и – необычная работа, ведь Фальконет до сих пор занимался только декоративной и камерной скульптурой. Да и само путешествие в Россию было делом нешуточным. Ехали долго, очень долго, но рано или поздно любая дальняя дорога подходит к концу.

Две дорожные кареты – мужчины впереди, женщины следом, а позади повозка, доверху гружённая ящиками и сундуками, – это и был поезд Фальконета.

Поздняя осень уступать дорогу зиме не хотела: мокрый снег, падая на землю, тотчас же таял. Разбитая дорога не позволяла ехать быстро, колёса то одной кареты, то другой увязали в грязи, кучера объединяли усилия, а попутчики терпеливо дожидались друг друга, чтобы снова двинуться в путь.

В первой карете ехал сам Фальконет. И хотя он был возбуждён, ожидая окончания долгого пути, всё же с опаской поглядывал в окно, отодвинув тяжёлую занавеску. По обеим сторонам дороги тянулся густой хвойный лес, у подножия которого сцепился голыми ветвями непролазный кустарник, дорожная колея тянулась на запад, а впереди опускалось к земле большое осеннее солнце.

Из лесу вышел огромный лось, он стоял у самой дороги и спокойно смотрел на проезжавший поезд.

Первым заметил его Фальконет.

– Поглядите, друзья мои! До чего красив, не правда ли?

Но его помощник, скульптор- резчик Фонтен, вскоре по приезде бесследно исчезнувший из Петербурга, тихо про- бормотал себе под нос:

– Хорошо – лось... А ведь тут сколько медведей да волков водятся... А коли выскочат – куда денемся?

Второй попутчик ваятеля усмехнулся и успокоил обоих иноземцев:

– Я думаю, господа, самое страшное уже позади... Мы вот- вот доедем до Риги, там таможня, а от неё до Петербурга – рукой подать...

Вторым попутчиком Фальконета был никто другой, как известный русский актёр Иван Афанасьевич Дмитревской. Он возвращался из Парижа, где обучался актёрскому искусству, был прекрасным остроумным собеседником и обая- тельным человеком, к тому же русским, и Фальконет был необыкновенно счастлив, получив его в спутники.

В другой карете, следовавшей за первой, сидела юная лю- бознательная особа, которая также не отрывала взгляда от окна. Это была ученица Фальконета мадемуазель Мари Анн Колло. Она тоже увидела застывшего лося, и, схватив каран- даш и листок бумаги, заполненный какими-то рисунками, которые она делала на всём протяжении пути, тут же легкой рукой набросала портрет лесного красавца.

Её пожилая компаньонка, сидя напротив, спала, то всхра- пывая, то сопя с присвистом. Мадемуазель Колло взглянула

на неё, тихо засмеялась, и тут же стала рисовать её портрет, слегка утрируя черты лица, придавая им ещё большее комическое выражение...

А со стороны Петербурга по пустынной разбитой дороге навстречу ваятелю ехал верхом шевалье де Ласкари. Он ловко сидел в седле, красная лента офицерского шарфа стягивала его тонкую талию, и новенький мундир капитана очень шёл ему. Он был в прекрасном расположении духа и полон радужных надежд. Не портили ему настроения даже комья грязи, которые частенько вылетали из-под копыт его коня и порой попадали ему в лицо. Всего-то несколько месяцев прошло с тех пор, как стоял он, испуганный, на коленях перед императрицей. Бог мой! Как сказочно изменилась его жизнь! «Шевалье де Ласкари»? А почему бы и нет?! Он оказался прекрасным учеником: учился всему с готовностью, рьяно постигал придворную жизнь и этикет, научился делать реверансы и ловко манипулировать шляпой – на поле треуголки спереди надо было положить два пальца сверху, а три прочих прижать снизу, и тогда можно её легко снимать и свободно держать в руке... Подумаешь, велика наука! Гораздо труднее было запоминать все столичные сплетни и пытаться понять что-либо в дворцовых интригах... Ласкари исправил свой скверный французский, потом долго искал, у кого бы взять за образец умение изъясняться по-русски. Ему посоветовали поучиться у молодого Фон-Визина, секретаря самого Ивана Перфильича Елагина. Человек услужливый и

любезный, Денис Иванович, слывший в Петербурге опытным литератором, не отказал во внимании человеку, о котором так хлопотал сам Иван Иванович Бецкой. Грек был умён, трудолюбив и прилежен, и молодому Фон-Визину даже лестно было, что он обратился за помощью именно к нему. Не забывал новоиспечённый шевалье и о своём прямом назначении – быть помощником французскому ваятелю. Он часами просиживал в мастерской подле Андрея-самоучки, перенимая прямо с рук его сноровку и опыт... Правда, Андрей оказался человеком непростым, наблюдательным и острым на язык, кое-что он в Ласкари понял, а чего не понял, о том догадывался, в общем, отношения у них складывались сложные, но шевалье готов был стерпеть не только насмешки мастера... Как старался он во всём услужить Бецкому, как внимательно прислушивался к его беседам с придворными и чиновниками, скромно стоя где-нибудь в тёмном углу кабинета! Он был у него не только адъютантом, но и чем-то вроде мальчишка на посылках, не гнушался ролью простого курьера и почтальона и, в конце концов, как-то совсем незаметно стал генералу совершенно необходим... В общем, Ласкари вполне преуспел, преуспел настолько, что именно ему, адъютанту Бецкого, капитану было поручено встретить Фальконета с обозом на Рижской границе. Императрица в ту пору была в Москве, Бецкой неотлучно находился при ней, и шевалье была предоставлена полная свобода действий. Но у ловкого удачливого грека был ещё один интерес в этом путешествии.

Он хорошо помнил обещание императрицы женить его при случае, чтобы вытащить из нищеты. Но женитьба на купеческой дочке, которую имела в виду государыня, мало прельщала его. Почувствовав вкус придворной жизни, он посчитал, что достоин лучшей доли, начал выспрашивать, разведывать, узнавать про богатых петербургских невест дворянской крови, и нашёл... Господи! Какое же сокровище он нашёл! Впрочем, об этом позднее...

Он выехал на встречу с Фальконетом в сопровождении трёх солдат, которые скакали за ним след в след, разбрызгивая комья грязи во все стороны. Миновали Петербургские окраины, затем всё реже и реже стали попадаться барские дачи и мызы... Но у поворота к одной из последних усадеб он остановил коня и спросил у солдата, гарцевавшего за его спиной.

– Чья усадьба, знаешь ли?

– Так это дом полковника Мелиссино...

Ласкари кивнул и поскакал дальше, вполне удовлетворённый ответом.

Доехав к утру до таможни, он велел стряпухе накормить солдат, и после короткого отдыха, отправил их назад в Петербург, дав необходимые наставления, куда явиться и кому доложить о своём возвращении. Сам же, растянувшись, не раздеваясь, на постели в чистенькой светёлке для приезжих, стал ждать. Но вокруг стояла тишина, усталость с дороги давала себя знать, настроение было великолепное, и Ласкари

не заметил, как уснул, с блаженной улыбкой на лице...

Перед старым зданием таможни дорогу перегораживала рогатина, и кареты путешественников остановились. Офицер, выскочивший навстречу поезду, приоткрыл дверь первого экипажа.

– Таможня, господа... Кто едет?

– Ваятель Фальконе из Франции со своим помощником, а также со своей ученицей и её компаньонкой... – возбуждённо ответил художник.

Дмитревской добавил из глубины кареты.

– Я – артист Иван Дмитревской, возвращаюсь из Парижа после обучения там актёрскому ремеслу...

Офицер почтительно поклонился.

– Вам всем придётся выйти, господа... Необходимо проинформировать кое-какие формальности, записать подорожную Вашу, багаж досмотреть... Но вам у нас скучно не будет: шевалье из Петербурга вас тут вторые сутки дожидается.

Фальконет обрадовался.

– Вот так новость! Какая приятная неожиданность!

– Егоров, – крикнул офицер солдату, – позови капитана!

Почти тотчас же на крыльце таможни появился Ласкари. Фальконет, утопая в грязи, поспешил ему навстречу.

– Я – Морис Этьен Фальконе...

Ласкари поклонился почтительно, как его успели научить.

– Моё имя – шевалье де Ласкари, я – адъютант генерала Бецкого, директора Конторы строений её императорского

величества домов и садов. Мне поручена почётная миссия сопровождать Вас и Ваших спутников до Петербурга...

Фальконет просиял.

– Весьма рад... Это так любезно со стороны генерала Бецкого... Я очень тронут...

– Мсье Фальконет, – обратился к нему офицер, – я советовал бы Вашим спутникам пройти в дом, там они найдут всё необходимое для отдыха, в том числе и горячий самовар... Шевалье, быть может, Вы возьмёте на себя заботу о дамах? Мсьё Фальконет присоединится к вам позднее... Мы проведём некоторое время возле Вашего багажа, мсьё Фальконет... Вас не затруднит дать мне некоторые пояснения...

– Конечно, конечно, – с готовностью ответил ваятель, и зашлёпал по грязи обратно к карете.

Ласкари с удовольствием подал руку весёлой мадемуазель Колло, помог выйти из кареты и её спутнице с несколько помятым после сна лицом. Помощник Фальконе и Дмитревской тоже поспешили в дом вслед за дамами, с трудом передвигая затёкшие от долгого сидения ноги...

А Фальконе и офицер толкались в липкой грязи вокруг груженной подводы.

– Здесь нет ничего, что могло бы вызвать Вашу тревогу, господин офицер... Всего двадцать пять ящиков, в них личные вещи, а также всё, что мне необходимо для работы... Вот здесь книги, тут мои небольшие скульптуры, боюсь, что часть из них не выдержала дороги и разбилась... А

вот здесь...

Он долго и подробно рассказывал, что лежит в его ящиках и коробках, где его личные вещи, а где вещи мадмуазель Колло и его помощника.

Теперь, когда встреча с Фальконе состоялась, Ласкари, стал думать о другом. Он передал приезжих на попечение стряпухе, которая тут же начала хлопотать о молодой девице и мадам. На длинном деревенском столе в гостиной пыхтел самовар, стояли живописной кучкой простые чашки. Стряпуха и гости шумно переговаривались, каждый на своём языке, смеясь и пытаясь понять друг друга. Ласкари незаметно выскользнул за дверь.

Выйдя на крыльцо, он убедился, что офицер и Фальконет заняты беседой и ходят вокруг телеги, груженной ящиками, а кучера, оживлённо переговариваясь, пошли к дверям, ведущим в людскую. Лошади с хрустом жевали сено из мешков, повешенных на их морды, и от удовольствия прикрывали умные большие глаза.

Ласкари пошарил под кучерскими козлами, достал какую-то поддёвку и бросил её в грязь под карету. Придерживая двумя руками треуголку, боясь запачкать парик, он забрался под экипаж, улёгся на эту кучерскую поддёвку и начал что-то мудрить с колёсами. Колёса были на пазах, и конструкция имели весьма примитивную. Работа была сделана быстро, и шевалье собрался вылезать из-под кареты, но вдруг услышал чьи-то чавкающие по грязи шаги и замер. Это

был солдат. Он подошёл совсем близко к карете, потоптался, и вдруг прямо на шляпу Ласкари потекла длинная жёлтая струя.

Шевалье боялся пошевелинуться, но жёлтая жидкость стекала по загнутым полям треуголки и слегка брызгала ему в лицо. Он крепко зажмурился, беззвучно шепча проклятия. Наконец, солдат ушёл, и Ласкари выбрался из-под кареты. Он долго и брезгливо встряхивал шляпу, с омерзением попытался надеть её на голову, но потом передумал, взял подмышку и вошёл в дом. Солдат уже мирно сидел под образами в углу и прихлёбывал горячий чай. Шевалье с ненавистью посмотрел на него и направился было к рукомоёйнику, но едва он повернулся спиной к сидевшим за столом, мадемуазель Колло громко расхохоталась: как ни старался он аккуратно лежать на поддёрвке, всё, что было ниже спины, представляло собой ужасное зрелище.

– Бог мой, шевалье, что с Вами случилось?

Ласкари разозлился.

– Ничего такого, над чем можно было бы смеяться, мадемуазель... Я поскользнулся и упал в грязь...

Колло никак не могла сдержать смех. С этого мгновения Ласкари проникся к ней откровенной неприязнью. Мари-Анн кроме чисто женской интуиции обладала также чутьём художника и безошибочно угадывала в Ласкари человека неискреннего, себе на уме. Но в тот момент она просто радовалась, что дальняя дорога осталась позади, а впе-

реди ждала новая жизнь в незнакомой таинственной стране. Непонятным образом запачканная одежда капитана её, и в самом деле, очень рассмешила.

– Ах, простите, шевалье! Я не хотела Вас обидеть! Я думаю, у наших мужчин найдётся лишняя одежда для Вас, чтобы Вы могли переодеться...

В этот момент в дом вошёл Фальконет и услышал конец её фразы.

– Я охотно предложу Вам что-нибудь своё, не расстраивайтесь, капитан... Конечно, Вы не сможете в моей одежде ехать верхом, но у нас есть место в карете, я, думаю, мы прекрасно устроимся...

Когда вновь отправились в путь, начало смеркаться. В мужской карете стало на одного пассажира больше. Ласкари рассказывал, а Фальконет и его помощники внимательно слушали.

– Нынче в Петербурге конкурс объявлен на выбор лучшего места для монумента, пока что решения нет... Квартиру Вам сняли у Вашего соотечественника купца Мишеля. Дом его подле бывшего дворца государыни Елизаветы Петровны... Дворец давеча разобрали, а на его месте строят для Вас Портретолитейный дом... О прочих условиях тоже не извольте беспокоиться: стол Вам заказан на три серебряных куверта два раза в день, две бутылки бургонского и красного бордо ежедневно, дров, восковых и сальных свечей – всего будет достаточно... И, конечно, кухарка будет, а также эки-

паж с ливрейным кучером... Мною Вы можете располагать круглые сутки – я промеж Вами и генералом Бецким связным человеком определён, готов хоть сейчас к своим обязанностям приступить...

– Мне для работы много чего надобно: инструменты, глина, маска, снятая с усопшего Петра... – беспокоился Фальконет.

К концу следующего короткого осеннего дня поезд Фальконета, наконец, приблизился к окраинам Петербурга.

Ласкари, продолжая беседу, в тоже время пристально смотрел в окно кареты. Лес внезапно кончился, вдали показалась усадьба полковника Мелиссино, к которой вела хорошо накатанная дорога. Незаметно приоткрыв дверцу экипажа, Ласкари просунул руку под ступеньку и что-то там нащупал. Но голос его нисколько не изменился, он говорил ровно, повернувшись к Фальконету, лицо которого едва угадывалось в сумерках.

Наконец, незаметным для других, но резким движением Ласкари что-то оторвал под ступенькой и с облегчением вздохнул. Он плотно прикрыл дверцу кареты, она проехала ещё немного и, сделав пару беспорядочных толчков, наклонилась вперёд и встала.

Французы заволновались.

– Вот неприятность-то какая!

Шевалье вышел из экипажа, заглянул под ступеньку, повернулся к кучеру.

– Ну-ка взгляни, Ванька, чего там у тебя стряслось?

Кучер, кряхтя, встал на колени прямо в грязь, полез под карету.

– Я тут не при чём, барин... – Скоро вылез он обратно. – Мы в такой путь не собираемся, чтобы всё как есть не проверить... Это такая штука... она сама, ну, никак сломаться не могла... Так разделать её только руками можно...

Ласкари сердито замахнулся на него.

– Пошёл вон!

Кучер, обидевшись, покачал головой.

– Зря ты, барин... Мы тут не виноватые... Это нарочно кто-то вредительство сделал...

Подъехала женская карета, за ней повозка с ящиками. Мадемуазель Колло выглянула в окно.

– Что случилось, профессор Фальконе?

Три возницы стояли рядом с зарывшейся в топкую землю каретой и что-то бубнили, обсуждая происшествие. Ласкари воодушевился.

– Господа! Есть только один выход, господа... – Пока всё шло по задуманному им плану. – Вон там, видите? – Он показал рукой на усадьбу, в окнах которой понемногу загорался свет. – Это мыза полковника Мелиссино. Он человек радушный и гостеприимный... Думаю, что Вас, профессор Фальконет, он с радостью приютит на ночь... Я Вас к нему сопровождать буду... А дамам потесниться придётся, чтобы вместе с помощником Вашим благополучно до Петербурга

добраться. Я думаю, господин Дмитревской не откажет в любезности сопроводить Вас в Петербурге до самого Вашего дома...

Фальконет, расстроенный происшествием в самом конце пути, совсем растерялся.

– Не знаю, что сказать, шевалье... Мы полностью Вам себяверяем... Распоряжайтесь нами, как считаете нужным...

Иван Афанасьевич Дмитревской с готовностью согласился сопровождать именитых иноземцев до самого указанного адреса. Ласкари заторопился, вполне удовлетворённый таким ответом.

– Тогда не будем тянуть время, господа... Я помогу вам переместиться в дамскую карету... Ты, Ванька, здесь останешься и в своей карете заночуешь, утром я пришлю сюда людей... В путь, в путь, господа... Думаю, на сей раз вы без приключений до ночи достигнете Петербурга... Прощайте, господа...

Карета, а за ней повозка с ящиками и вещами вскоре исчезла в сумерках. Кучер стоял у сломанной кареты и что-то ворчал. Фальконет растерянно стоял возле Ласкари, который не мог скрыть своего удовольствия. Первый акт задуманного представления благополучно завершился, теперь надо было переходить ко второму.

– Вперёд, профессор Фальконет... Здесь не более полутора вёрст, мы дойдём быстро, Вы даже не успеете устать...

Фальконет испуганно оглянулся.

– Стыдно признаться, шевалье, но я ужасно боюсь медведей...

Ласкари громко рассмеялся.

– Думаете, я их не боюсь? Только возле усадьбы они давно не водятся. Пётр Иванович Мелиссино – артиллерист, он не только из пушек стреляет, но и выплавляет их также и в этом лесу испытания им проводит. И всех медведей здесь он перестрелял... А если и не перестрелял, то распугал... Идёмте, профессор Фальконет... Идёмте, вот и луна вышла, дорога, как на ладони...

Он торопливо сорвался с места и ушёл было вперёд, но Фальконет, сделав за ним несколько шагов, вдруг закричал.

– Бог мой, шевалье! Я провалился в грязь!

Ласкари, думая о своём, даже не оглянувшись, только бросил через плечо.

– Ну, так что из того? Выбирайтесь на сухое место...

– Я стою на сухом... – Жалобно заныл Фальконет. – Только... У меня всего один башмак... Второго нет...

Ласкари, наконец, остановился.

– Этого только не хватало! – Пробормотал он и крикнул ваятелю. – Стойте на месте, я сейчас...

Он вернулся к Фальконету, который виновато стоял посреди дороги на одной ноге, поджимая вторую, испачканную насквозь в грязи...

Шевалье вздохнул, понимая нелепость случившегося и проклиная бестолковость Фальконета. Поразмыслив немно-

го, он махнул рукой.

– Делать нечего... Кареты я Вам предложить не могу. Могу предложить Вам только свою спину...

– Ни в коем случае! – замахал руками Фальконет.

Ласкари обозлился.

– Профессор Фальконет, Вы хотите ночевать в грязи на дороге?!

– О, нет... Простите меня, шевалье, я такой неловкий...

Фальконет влез на спину Ласкари и тот, насколько возможно быстро, пошёл с ним по дороге. Окна усадьбы светились впереди ярко и приветливо. Ласкари был человеком неслабым, а Фальконет – негрузным, от того они продвигались довольно быстро. Фальконет даже задремал было, замученный дорогой. Но вдруг он открыл глаза и закричал.

– Медведь!

Ласкари вздрогнул от неожиданности и едва не сбросил своего седока. Фальконет сполз с его спины и стоял на земле на одной ноге, как цапля.

– Вы оглушили меня, профессор Фальконет... Я мог уронить Вас...

– Там... Там медведь!

– Где? Это дерево упало... Хотите посмотреть? – Он еле сдерживал раздражение.

– Нет, нет... В другой раз...

– Нам осталось немного. Садитесь.

Он снова посадил Фальконета себе на спину, но ваятель

больше не хотел спать. Он задавал вопросы, а Ласкари односложно отвечал, понемногу начиная уставать. Но, чтобы не показаться знаменитому гостю совсем уж неучтивым, он задал какой-то случайный вопрос по поводу монумента, и тут же пожалел об этом.

Фальконет ожил, заговорил вдруг громко и воодушевлённо.

– Знаете, шевалье, я решил – мой монумент будет совсем простым... Пётр Великий – сам себе сюжет и атрибут, его остаётся только показать... Мой царь не будет держать никакого жезла, он будет простирать свою благодетельную руку...

Фальконет, увлёкшись, решил показать, как будет выглядеть эта благодетельная рука, и отпустил шею того благодетеля, который тащил его на себе. Они опять чуть не упали.

– Профессор Фальконет, – Ласкари заметно устал и с трудом перевёл дух. – Не могли бы Вы оставить свои рассуждения о будущем монументе для более подходящего общества? Я мало понимаю в Вашем деле, я всего только помощник Ваш по технической части...

Он сердито подбросил своего седока повыше на свою спину и решительно зашагал вперёд.

Усадьба была совсем близко. Фальконет, извинившись, замолчал, и до ступеней барского дома они добрались без приключений.

Дарья Дмитриевна была сегодня счастлива. Правда, счаст-

лива она была и вчера, и позавчера, и вообще ей трудно было припомнить день, который бы вызвал её неудовольствие, но сегодня она была счастлива особенно. Во-первых, самую большую радость причинил ей обожаемый дядюшка Пётр Иванович, который приехал третьего дня из действующей армии, не уведомив её предварительно. Правда, приехал он всего-навсего на неделю, но и того было достаточно, чтобы Дарья Дмитриевна бегала по всему дому, по его комнатам и лестницам с различными строгими распоряжениями, оглушая прислугу своим звонким голосом и появляясь в самых неожиданных местах от кухни до дворницкой. Так уж случилось, что столь же любимая ею тётушка в те дни ещё не вернулась из Малороссии, где вместе с малолетним сыном гостила в имении своей матушки. И всё хозяйство огромного дома лежало на узких плечиках её племянницы, которая жила в доме полковника Мелиссино с малолетства, поскольку осиротела на первом году жизни. Конечно, если сказать правду, хозяйством Дарья Дмитриевна интересовалась мало, и без того целый день был заполнен множеством полезных и нужных занятий. С утра сразу после завтрака в доме один за другим появлялись учителя, и прилежная ученица усердно занималась сначала французским, затем немецким, а после, хоть и поверхностно, но итальянским языком. А потом доходила очередь и до русского... Учили Дарью Дмитриевну истории и географии, кое-чему из математики и даже астрономии... Полдня с перерывом на чай пролетали незамет-

но. Затем бывал обед и дневной краткий сон, а вот после... после начиналось самое интересное. Дарья Дмитриевна обучалась у лучших мастеров Петербурга танцам, пению и музыке, и на этом самом поприще достигла небывалых успехов. Дядюшка Пётр Иваныч домой приезжал редко, но когда приезжал, неизменно устраивал самые серьёзные испытания знаниям своей племянницы. Сам он был человеком весьма образованным, свободно говорил на русском, французском, итальянском языках, а греческий особенно любил, поскольку батюшка его, служивший лейб-медиком при Петре Великом, был потомком древнего греческого рода, жившего когда-то на далёком острове Кефалония... Учителей для самых изящных дамских наук – пения, музыки и танцев дядюшка тоже сам определил, поскольку в тонкостях этих искусств весьма основательно разбирался.

А что до хозяйства, то в отсутствии господ им серьёзно и обстоятельно занимался воспитанник Петра Ивановича Андрей, которого Мелиссино ещё в отроческом возрасте присмотрел в мастерских Академии художеств. Паренёк оказался таким толковым и сообразительным, а голова его так была напичкана всякими техническими фантазиями, что полковник Мелиссино, весьма охочий до всяких механических фокусов и алхимии, тут же забрал его к себе в дом и после ни разу не пожалел об этом. В глубине усадьбы Мелиссино, за огромными липами, скрытая густым кустарником находилась большая мастерская со всеми нужными мастеров-

вому человеку вещами. Рядом с ней была кузня и здесь же небольшая плавильная печь. Пётр Иванович был большим выдумщиком и фантазёром. Чем только не занимались они с Андреем! И химией, и металлургией, сами изобрели совершенно новый состав бронзы, Мелиссино передал его в Арсенал, где по этому составу долгие годы отливали пушки для артиллерии. На фейерверки, кои они вдвоём устраивали на Рождество на поляне подле барского дома, съезжался поглазеть весь Петербург. Андрей был круглым сиротой, и потому особенно сильно привязался и к своему воспитателю, и к его домочадцам, а в отсутствии хозяина умело содержал в порядке и дом, и усадьбу...

Так что Дарья Дмитриевна хозяйством вообще-то не занималась, но сегодня день был особенный: нынче стукнуло ей немного-немало пятнадцать лет. И дядюшка приехал без предупреждения, чтобы обрадовать её, и тётушка должна к выходным вернуться, вместе с маленьким кузенком Алёшенькой, а в воскресенье в честь сего радостного события приглашены были гости, и будут танцы. Ещё не минуло и года, как дядюшка на Рождественском куртаге представил её императрице. Государыня Дарью Дмитриевну приласкала и потом непременно отмечала её участие в балетах и спектаклях, которые давались в разных известных домах... А ещё сегодня в дом Мелиссино приехал никто иной, как Денис Иванович Фон-Визин. Дарья Дмитриевна не могла и припомнить, сколько лет знала его: Денис Иванович был воспитанником гимназии

при Московской Академии наук, коей директором служил родной брат её дядюшки Иван Иванович Мелиссино. Иваном Ивановичем он был и представлен в их доме как любимый ученик и весьма положительный человек. Дарья Дмитриевна и Фон-Визина полюбила крепко, ну, как было не полюбить такого смешного и толстого щеголя и модника, обожавшего кружева и манжеты, сытную и жирную еду, и таявшего от блаженства, при поглощении неимоверного количества всяких сладостей и десертов! А сколько новостей Денис Иванович приносил в их дом! Как остроумен и весел он был, как без натуги смешил её до упаду, изображая в лицах всякие комические истории, случившиеся при дворе! Его ехидные и колкие стишки носились по Петербургу и Москве, и обратной дорогой залетали в дом Мелиссино, и очень веселили всех домочадцев. Служил он секретарём при Иване Перфильиче Елагине в Кабинете «при собственных его величества делах, у принятия челобитен». Ну, а как назначен был Иван Перфильич директором императорских театров и музыки (чиновников у государыни было не столь много, и все они соединяли в себе деяния министров различных ведомств в самых неожиданных сочетаниях), то Денис Иванович настолько этим делом заинтересовался, что и Дарью Дмитриевну заразил, и Андрея в театр привлёк, чтобы на сцене всякие превращения и провалы делать.

И приехал он сегодня не с пустыми руками: Денис Иванович привёз, наконец, черновик своей пьесы «Бригадир». Дарья

Дмитриевна давно его просила об этом, да Фон-Визин всё отшучивался, да отговаривался, а сегодня вот в честь её рождения принёс. Она сидела на софе в гостиной и слушала его, почти перестав дышать. Вошёл Пётр Иванович, за ним, словно тень, Андрей. Дарья Дмитриевна вскочила, потащила за руку, усадила дядюшку рядом с собой.

– Вы только послушайте! Рассказывайте, Денис Иванович! Ну, пожалуйста!

– Извольте... – послушно продолжал Фон-Визин. – У того Бригадира и Бригадирши сынок есть. Тем и знаменит, что в Париже побывал... Но славны бубны за горами, а кто своих ресурсов не имеет, тот и в Париже проживёт, как в Угличе... И приезжает семейство это в гости к Советнику с Советницей, да не просто так, а сватать Сына своего за дочь Советникову... Помилуйте, Дарья Дмитриевна, ничего глупее нет, чем свои пиесы пересказывать! Давайте лучше представим дядюшке Вашему те сцены, что уже написаны, хотите?

– Конечно, хочу! Сейчас мы быстро всё устроим... – Дарья Дмитриевна вскочила, закружилась вихрем по комнате. – Только Вы, дядюшка, в это кресло садитесь, мы с Денисом Ивановичем тут встанем... А ты, Андрей, рядом с дядюшкой устраивайся, тут каждое слово ловить надобно, в каждом свой смысл имеется... А сейчас мы так сделаем... Я буду, женские роли представлять, Советницу да Бригадиршу, а Вы, Денис Иванович, – мужские...

Фон-Визин в знак покорности приложил руки к своему

сердцу.

Ах, как любила Дарья Дмитриевна эти представления! В балетах и спектаклях, что она устраивала для родных, разве что мыши, которые в изобилии водились в домашних чуланах, не участвовали... Другой раз она и всех дворовых тащила в гостиную, которая превращалась ею в театральную сцену. Дядюшка не препятствовал ей в этом, вспоминая и свои спектакли в Шляхетном корпусе, которые давались воспитанниками для увеселения императрицы Елизаветы Петровны. Он и в театре знал толк, а племянница его в деле этом так преуспела, что её и в другие дома стали приглашать при постановках всяких представлений, коими тешила себя столичная знать, изображая на импровизированной сцене жизнь греческих героев или всяческие моралите...

Еле сдерживая смех, Дарья Дмитриевна читала за Советницу.

– Не правда ли, душа моя, что во Франции живут по большей части французы?

Фон-Визин отвечал в тон за Бригадирского Сына.

– У Вас необычайный дар отгадывать! Всякий, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в их число затем, что он уже стал больше француз, нежели русский.

– Скажи мне, жизнь моя, можно ли тем, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

– Совсем нельзя. Это не такое малое несчастье, которое

скоро в мыслях могло быть заглажено...

Представление довольно быстро закончилось – Денис Иваныч набело написал только первое действие.

Пётр Иваныч всё ещё громко хохотал.

– Ну, молодёжь... Уморили Вы меня!

– Как жаль, Денис Иваныч, – вздохнула Дарья Дмитриевна, – что Вы только одно действие написали! А дальше-то, что будет?

– А вот не скажу! – Отмахнулся Фон-Визин.

– А отчего же не скажете?

– А оттого, что и сам пока не знаю.

– Бог мой! – Вздохнула Дарья Дмитриевна. – До чего же это счастье – на сцене представлять!

К тому времени в гостиной стало совсем темно. Мелиссино хлопнул в ладоши, тотчас же в зале появился лакей и торопливо начал зажигать свечи в дорогих медных канделябрах и жерондолях, расставленных по всем углам.

А как только заиграли свечи в окнах гостиной, во дворе усадьбы началось оживление. Несколько мужиков, прихватив лестницы, стали зажигать один за другим масляные фонари на витых чугунных столбах, которые тесным хороводом окружили барский дом и тянулись по накатанной дороге к воротам господской усадьбы. Два мужика с лестницей, продвигаясь от фонаря к фонарю, всё дальше и дальше подступали к воротам, как вдруг тот, что был наверху, увидел весьма странную фигуру с какой-то непонятной поклажей на

спине.

– Гляди-ка, Васька, идёт кто-то... – Сказал он сверху, взглядываясь в темноту.

– Померещилось тебе, – отмахнулся его товарищ снизу. – Кто в такую пору по дороге может шастать? Разбойников тут отродясь было не видать...

– Так ей-же-ей! Еле плетётся, ноги узлом завязывает...

Верхний слез с лестницы, и оба мужика застыли в ожидании, глядя на дорогу. Луна светила ярко, странник приближался к воротам усадьбы, вскоре его можно было рассмотреть, как следует. Один из мужиков присвистнул.

– Глядь-ка! Он ведь на себе другого тащит! Случилось поди что, несчастье какое... Ну-ка, пойдём, подмогнём...

И оба заторопились навстречу распаренному от трудов Ласкари, на спине которого трясся от холода вконец заледневший Фальконет.

А в гостиной было тепло.

– Ну-ка, Андрей, – повернулся хозяин дома к своему воспитаннику. – Узнай-ка на кухне, отчего нам до сих пор ужин не подают? – Мелиссино взглянул на тёмное окно, которое лакей задёргивал шторой. – Вот и осень на дворе... Вы, Денис Иваныч, и не думайте домой собираться – ни за что не отпущу! Кучер у Вас новый, неровён час заплутаете. А останетесь до утра – вечер длинный, авось ещё с Дарьей Дмитриевной чем-нибудь меня посмешите...

Проходя через большой вестибюль с огромными во всю

стенами зеркалами, Андрей усмехнулся, заметив старого швейцара, дремавшего у дверей. Отдав необходимые распоряжения насчёт ужина, он направился было обратно. Швейцар по-прежнему посапывал и похрапывал у входа, как вдруг кто-то так громко забарабанил в широкие дубовые двери, что он встрепенулся и вскочил. Андрей удивлённо остановился.

– Что за новости такие?.. Ну-ка, Кузьмич, отвори...

Швейцар отодвинул тяжёлые засовы, выглянул за дверь, за ней загалдели мужики, что-то ему объясняя и растолковывая. Андрей подождал немного, окликнул.

– Что там стряслось, Кузьмич?

Швейцар посторонился, пропуская шевалье, Фальконета на руках внёс один из фонарщиков. Швейцар ловко подставил стул, а мужик тут же исчез за дверью. Узнав Ласкари, Андрей присвистнул.

– Какими судьбами, шевалье? И кто это с Вами?

Делая вид, что не замечает его ехидной усмешки, Ласкари скоро рассказал о дорожных приключениях. Андрей заспешил, выражая самое большое участие Фальконету. Вокруг ваятеля закружились лакеи и горничные, его тут же отвели в комнату, переодели и обули, не остался без внимания и Ласкари – он вновь был в чужой одежде. Но на этот раз она сидела на нём исправно и ловко.

– Ужин готов, – доложил Андрей, через некоторое время вернувшись в гостиную. – Но к Вам гости, Пётр Иваныч...

– Гости? – Поразился Мелиссино. – В такой час? Кто такие? Я никого не жду.

– Шевалье де Ласкари, адъютант генерала Бецкого, ну, тот самый, что ко мне на обучение в мастерских академических был приставлен, а с ним ваятель французский, профессор Этьен Морис Фальконет.

– Этьен Морис Фальконет... – Обрадовался Фон-Визин. – Вот так удача! В Европе он весьма известен и рекомендован государыне самим Дидеротом...

– Какими ветрами их занесло сюда?

– У них оказия случилась, Пётр Иваныч... – Пояснил Андрей. – Карета по дороге сломалась, они пешком две версты шли... Профессор Фальконет в грязи увяз, башмак потерял... Ласкари всю дорогу его на себе тащил... Ему-то жарко было, а Фальконет совсем озяб...

Дарья Дмитриевна, не сдержавшись, фыркнула. Ласкари был ей хорошо знаком. Он появлялся на всех званых вечерах, куда она бывала приглашена с дядюшкой и тётушкой, он садился по возможности близко у сцены, если она участвовала в домашних спектаклях, преданно ловил её взгляд, пытался завести разговор или без стеснения вмешивался в её беседу с приятельницей или каким-нибудь кавалером – в общем, он был так назойлив, что скоро начал вызывать у Дарьи Дмитриевны раздражение и досаду. Впрочем, некоторым дамам молодой красивый шевалье пришёлся по вкусу, они всю кокетничали с ним, пытались привлечь его внимание,

но он неотступно следовал за Дарьей Дмитриевной, проникая вслед за своим патроном генералом Бецким даже на придворные куртаги. Конечно, здесь Ласкари вёл себя осторожнее и никогда не забывался. Иногда он ловил на себе холодный пронизывающий взгляд императрицы, от которого хотелось поёжиться, но если на куртаге была Дарья Дмитриевна, то она была для него единственной целью: охота за деньгами неожиданно превратилась для него в... Вряд ли теперь он мог определить, чем стала для него Дарья Дмитриевна!

– Так чего ты стоишь, Андрей? – Спыхватился хозяин дома.– Зови!

Андрей вышел, и тут же вернулся с гостями.

– Проходите, проходите, господа! – Пётр Иваныч радушно встретил их на пороге.– Рад видеть Вас в своём доме, шевалье. Нынче при дворе только и разговору, про то, что Вы отправились в Ригу для встречи знаменитости французской... Весьма рад знакомству, профессор Фальконет... Да Вы, я вижу, не согреетесь никак... Прошу к огню поближе... – Он развернул кресло к камину.– У нас тут так весело было, что мы и не слышали, как Вы позвонили...

– Мы от Риги ехали без приключений, – скромно потупившись, пояснил Ласкари.– Но у самого поворота к Вашей усадьбе не выдержала иностранная карета дороги Российской – развалилась... Слава Богу, другая карета цела осталась. Спутники профессора Фальконета далее в ней поехали, а мы вот к Вам, нежданно гостями.

– Ну, не ночевать же на дороге! – Откликнулся радушный хозяин. – Сейчас ужин подадут, винца французского выпьем, враз согреетесь!

Он склонился к перепуганному и всё ещё застывшему Фальконету и продолжал успокаивать его теперь уже по-французски, Дарья Дмитриевна и Фон-Визин дружно вторили ему.

– Удобно ли Вам, профессор Фальконет? Грейтесь, грейтесь... Может, велеть принести шубы? У меня есть великолепные медвежьи шубы, завернём Вас по уши – тотчас тепло станет!

– Медвежьи? – Откликнулся Фальконет и засмеялся. – Нет, нет, благодарю Вас, мсьё... Мне пока ещё трудно произносить русские отчества... Вы мне позволите пока называть Вас просто мсьё? Вы не обидитесь?

– Какие могут быть обиды! Ничего, поживёте в России, научитесь и отчества произносить. Но отчего Вас так насмешили мои шубы?

– Дело в том, любезный Пётр Иванович, – вмешался в разговор Ласкари, – что профессор Фальконет, отправляясь в Петербург, премного наслышан о дикости и варварстве России, его просто запугали волками да медведями, что бродят по улицам столицы. Пока мы те полторы версты одолели, наш гость каждую вторую кочку и каждый третий пенёк за медведя принимал и до смерти пугался...

– Шевалье смешно, а мне и правда, страшно было, – Сму-

ценно улыбнулся Фальконет.

– Врать – не устать... Было бы кому слушать... – Склонившись к Ласкари, сквозь зубы прошептал Андрей. – Так-таки карета и развалилась?

Ласкари ответил также тихо.

– А тебе-то что?

– Так выходит плохо Вы обучились делу нашему, коли с каретой справиться не могли.

– Меня нынче твоё мнение мало интересует. Фальконет приехал – я теперь при нём неотлучно буду. А коли для создания монумента понадобится умение механиков Академических, стану тебе главным начальником...

– А мне-то что? – Парировал Андрей. – Я своё дело знаю. Мне, что Вы – начальник, что кто-то другой, всё одно...

– Андрей! Ужин-то где же?

Андрей дёрнул сонетку.

Заскрежетали, заскрипели механизмы, раскрылись металлические створки на полу и снизу стал подниматься накрытый стол. Сверху на цепях спустился самовар, какая-то столовая посуда.

Мелиссино гордо взглянул на гостей.

– Удивляетесь, господа? Я всегда считал, что, чем меньше прислуги болтается промеж господами, тем лучше.

– Как ловко придумано! – Восторженно произнёс Фальконет.

– Наши механики для государыни таких столов несколько

сделали, ну, и мне Андрей решил такой же соорудить... Он у нас в Конторе строений первым умельцем слывет... Разберётся Андрей с каретой Вашей. Как рассветёт, возьмёт помощников из людей моих, да починит, не извольте сомневаться... А пока – к столу, к столу, господа! Час поздний, да у вас дорога с приключениями... Поедим, да на боковую... Утро вечера мудренее... Так у нас говорят.

Усадив гостей и каждому определив своё место, дядюшка притворно строго прикрикнул на Дарью Дмитриевну.

– Ты это что, дорогая племянница, встала руки в боки, глаза в потолки? Потчуй гостей!

Дарья Дмитриевна засуетилась вновь.

– Я тотчас исправлюсь, дядюшка... Не хотите ли попробовать расстегай, мсьё Фальконет? А это вот грибки маринованные, в нашем русском лесу собранные...

Фальконет совсем отогрелся и был растроган столь радужным приёмом.

– Сижу я меж вами, господа, и кажется мне, что я давным-давно в России! Меня здесь ждали, я здесь известен... – Он благодарно взглянул на Мелиссино. – Как погляжу на Вас, мсьё, и чудится мне, что это сам Пётр Великий за столом рядом с нами сидит – высокий, громогласный...

Не только Фальконету показалось, что Пётр Иваныч похож на императора, о том не умолкали голоса в Петербурге. Был полковник Мелиссино могучего телосложения, широк в плечах и громогласен. А что до внешности его – то древние

старушки крестились, ненароком увидя его в церкви.

А Фальконет тем временем продолжал.

– Я сейчас о Петре денно и ночью думаю, а после вина, тепла и сытной еды мне кажется, что Вы, мсьё, и есть Пётр Великий...

Он с трудом договорил длинную фразу и замолк на полуслове. Тяжёлая дрема, навалившаяся на него после дальней дороги, доброго вина и тепла от камина, сморила его наповал.

– Дядюшка! – понизила голос до шёпота Дарья Дмитриевна – Профессор Фальконет совсем спит... Его надо положить в кровать... Позвать Степана?

– Пусть пока здесь будет. Принеси-ка, Андрей, мою медвежью шубу, да укрой его. А Степану вели подле остаться. Коли проснётся, проводит пусть в угловую комнату, там ему хорошо будет... Да и нам спать пора. Денис Иваныч, Ваша комната, как всегда, наверху. Иван поможет Вам ко сну отойти. В соседней комнате пусть шевалье расположится, И ты, матушка, ступай к себе. Пора всем на покой. Доброй ночи, господа! Андрей, гаси свечи...

Андрей занялся жирандолью. Денис Иваныч, от чрезмерной сытости едва оторвавшись от стула, побрёл к лестнице, ведущей на другой этаж. Там наверху уже стоял лакей, держа в руках большой канделябр, свечи которого ярко освещали ступени. К себе в комнату направилась было и Дарья Дмитриевна, но тут Ласкари крепко схватил её за локоток.

– Где я смогу иметь счастье видеть Вас снова, Дарья Дмитриевна?

Дарья Дмитриевна возмущённо вырвала свою руку. Андрей, услышав какую-то возню за своей спиной, оглянулся было, но тут же обжёг пальцы о пламя свечи и вновь повернулся к светильнику. Но теперь ему казалось, что у него на спине выросли уши.

– Вы слишком смелы, шевалье!

Но Ласкари был настойчив до наглости.

– А коли у меня другой минуты не будет? Думаете легко было карету Фальконетову незаметно развалить? Да две версты на себе ваятеля тащить, только бы к Вам в дом попасть!?

– Так Вы это нарочно?!

– Уж это верно – нарочно! – Он заторопился, боясь, что ему не дадут договорить. – Я буду и впредь искать встречи с Вами... Жаль, Ваш дядюшка открытый стол не держит, я бы на каждый обед приезжал в надежде с Вами повидаться...

Дарья Дмитриевна, наконец, пришла в себя от неожиданности. К ней вернулось её умение говорить колкости неприятным людям.

– А какая для Вас экономия была бы, только подумать! Но мне это всё равно. А если Вы мне сейчас не дадите пройти, я дядюшку позову... Или вон Андрея кликну. – Прошипела она.

Возможно, увалень Фон-Визин тоже кое-что услышал, потому что сверху из темноты послышался его сонный голос.

– Где Вы, шевалье? Я жду Вас! Вы без меня комнаты не найдёте...

Ласкари и Дарья Дмитриевна разошлись в стороны и стали подниматься наверх по разным лестницам. Андрей оставил на всю гостиную только одну свечу, что-то прошептал на ухо вошедшему Степану, тот согласно покивал головой и сел на стуле в углу у камина. Дом погрузился в темноту. А Фальконет, укрытый шубой, сладко спал у горящего камина...

Прошло совсем немного времени после прибытия французского ваятеля в Петербург, а в Портретолитейном доме во всю закипела работа. Ласкари был весь в трудах. Он был представлен инженерам Конторы строений генералом Бецким как первый помощник Фальконета. Было отдано распоряжение по первому его требованию отпускать для Портретолитейного дома всё, что будет надобно ваятелю. Ласкари был чрезвычайно горд своей ролью, он умело прикрывал своё незнание и профессиональное невежество нарочитой уверенностью, развязностью и даже грубостью с теми людьми, кои должны были подчиняться ему. И вместе с тем, он смертельно боялся допустить какую-нибудь оплошность и одним махом потерять всё, что получил даром от Господа Бога. Он очень старался. А поскольку был он человеком от природы смыслёным и ловким, а может быть, даже талантливым, то обучение его происходило очень быстро и достаточно гладко. Кое-что он успел перенять и в мастерских Ака-

демии художеств от Андрея и других мастеровых. Руки его были лёгкими, память цепкой и долгой, его окружали люди талантливые и умелые, и хитроумный шевадьё хорошо понимал, что только его сметливость и разворотливость позволят ему пойти вверх по ступеням той благодатной лестницы, о которой он возмечтал. Он присматривался и прислушивался к Фальконету, изучал его непростой характер, подыгрывал капризам художника, не гнушался исполнения его мелочных и пустяжных поручений, нащупывал его слабости и промахи, пока ещё не очень понимая, зачем это всё ему будет нужно, зачем понадобится, но, догадываясь, что понадобится обязательно – в общем, Ласкари во всю готовил себе будущее. Достаточно быстро он стал необходим ваятелю так же, как был нужен Бецкому.

Фальконет, проехав на его спине две с лишком версты, проникся к нему благодарностью и расположением, что для его характера, вспыльчивого и неуживчивого, было более чем странно. Ему только что исполнилось пятьдесят, он был зрелым, известным мастером и мало умел считаться с сильными мира сего. Зато он умел неистово работать, был совершенно неприхотливым в быту, относился с глубоким уважением к таланту своей ученицы Мари Анн Колло, которую воспитал не только, как художника, но и как человека: она появилась в его мастерской почти ребёнком – чего же боле?

Сначала надо было выполнить Малую модель памятника и представить её императрице. Работа шла споро, уже понят-

на была поза императора, и ваятель тщательно трудился над головой коня...

Постучавшись, вошёл Ласкари, положил письма на край конторского стола в углу мастерской.

– Я привёз Вам почту, мсьё Фальконет... Здесь письмо от сына Вашего, это от Дидерота, это – от самой императрицы...

Фальконет обрадовался, отложил инструмент. Подошёл к рукомойнику, не сразу отмыл руки от вьёвшейся глины.

– Благодарю Вас, шевалье, Вы столь любезны, что иногда и в должности почтмейстера для меня не отказываетесь быть... Пусть не обижаются близкие мне люди, но начну я с письма Её Величества.

Ласкари усмехнулся.

– Если я Вам сейчас не нужен, профессор Фальконет, я отбужу в Контору строений... Вы мне нынче много поручений дали... А оттуда отправлюсь к генералу Бецкому, он прибыл из Москвы всего на два дня, надо успеть у него все наши бумаги подписать... И не забудьте, Бога ради, что Вам тоже назначено... Его высокопревосходительство – человек непростой, капризный...

Но Фальконет не слышал его, он торопливо распечатывал письмо императрицы.

– Постоянное одобрение государыни согревает меня... Я не хочу прослыть неблагодарным... – Он сжал плечо шевалье. – Да, да, мой друг... Я отпускаю Вас... И в Контору

строений, и к Бецкому... Подписывайте все бумаги, требуйте необходимое, начинается настоящая работа...

Ласкари поклонился и ушёл.

Который час придворный художник писал портрет генерала. Бецкой в мундире и орденах позировал охотно, но сказывался возраст, он устал. Ласкари был уже здесь, почтительно стоял в некотором отдалении.

– Ваше высокопревосходительство, извольте плечико на меня развернуть... – Попросил художник.

– Так ли? – Несколько подвинулся Бецкой.

– Точно так...

– Я слушаю далее, шевалье... – Продолжая прерванную беседу, взглянул Бецкой на Ласкари. – Итак, Фальконет приступил к изготовлению Малой модели... Сколь успешна работа сия?

Ласкари подробно доложил обо всём, что случилось с Фальконетом за эти несколько недель. Он ничего не забыл и рассказал обо всём: как устроился ваятель на новом месте, что ест и что пьёт, не умолчал об его недостатках, о вспыльчивости француза и профессиональной самоуверенности... Единственное, о чём он не обмолвился ни словом, так это о том, какими ветрами занесло их в дом полковника Мелиссино, который к этому времени благополучно отбыл в действующую армию.

– Понял ли ты, каковы отношения Фальконета с мадемуа-

зель Колло? Императрица её балует, приняла радушно и засыпала заказами...

– Ничего предосудительного я не заметил, Ваше высокопревосходительство... Они часто обедают вместе, но рассуждают всё более о глине да о мраморе... Правда, давеча мсьё Фальконет простудился слегка, мадемуазель Колло была к нему внимательна чрезвычайно, и чай, и грелки сама изволила приготовить...

Зазвенели карманные часы, Бецкой вытащил брегет, открыл крышку, взглянул.

– Профессор Фальконет не утруждает себя точностью. Придётся Вам, шевалье, и эту миссию на себя взять – обучить ваятеля нашего в назначенное время для доклада являться... – Он повернулся к портретисту. – Замучил ты меня нынче, Василий Степаныч... Пожалуй, на сегодня мы закончим с портретом. Вот вернётся двор из Москвы, сам тебя призову. А нынче много дел неотложных накопилось, императрица меня не более чем на два дня в Петербург отпустила...

Доложили о приходе Фальконета. Художник собрал мольберт, выходя, столкнулся с ним, оба уважительно раскланялись друг с другом – работы французского ваятеля были известны в Российской Академии художеств, с некоторыми русскими живописцами он успел познакомиться по приезде в Петербург.

Фальконет вошёл возбуждённый, радостный, взмахнул

рукой, приветствуя Ласкари, который за спиной патрона делал ему предупреждающие знаки.

– Я должен просить прощения за опоздание, будьте великодушны, генерал... Меня посетило вдохновение, и я с трудом оторвал себя от работы...

Никакой фамильярности Бецкой допустить не мог. Даже для французского ваятеля, коего выбрала сама императрица, (а может быть, именно потому, ведь с ним не посоветовались!). Он не мог допустить приятельства даже для друга Дидерота. Иван Иваныч Бецкой был вельможей Екатерининского двора, а перед ним был, пусть и французский, но простой ремесленник, даже не дворянин...

– По табели о рангах, профессор Фальконет, – сказал он медленно, подбирая слова, чтобы сразу поставить ваятеля на место, – введённого ещё Петром Великим, по должности моей и положению ко мне следует обращаться «Ваше высокопревосходительство», тогда как Вас определено называть «Выше высокоблагородие»...

– Я постараюсь ничего не перепутать, Ваше высокопревосходительство. – Несколько потускнел Фальконет, путаясь в сложных русских словах, но всё ещё пытаюсь найти верный тон. – Замечу, что ко мне более точно и обратиться нельзя – я родился весьма высоко ...

И вдруг заливисто и непосредственно засмеялся собственной шутке, не обращая внимания на выразительные жесты Ласкари.

Бецкой даже не улыбнулся.

– Не понял я Вашего смеха, профессор Фальконет...

– Здесь нет большого секрета, генерал. Я давеча и шевалье рассказывал. Я родился на чердаке...

Бецкой поперхнулся.

– Что такое?

Фальконет легкомысленно пожал плечами, объяснил.

– Я – сын столяра и внук башмачника, и родился на чердаке... Что же здесь удивительного?

Бецкой откинулся на спинку огромного кресла, смерил взглядом небольшого малоприметного французика, поразительно уверенного в себе, что стоял сейчас перед ним. Ему страстно захотелось заставить этого парижского выскочку почтительно затрепетать перед собой, указать ему то место, которое было для него определено им, Иваном Ивановичем Бецким, генеральным директором Конторы строений. Он заговорил медленно, весомо, словно забивая гвозди каждым своим словом.

– Всякий человек, ремеслом владеющий и пользу обществу приносящий, уважения достоин. Но всё-таки при дворе государыни нашей лучше Вам слыть другом Дидерота и Вольтера, чем оповещать всех в Эрмитаже о месте Вашего рождения. Шевалье, – обратился он к Ласкари. – Там на столе заготовлен лист с указаниями моими профессору Фальконету... Да, это тот самый... Передайте сюда, сделайте милость... Здесь, профессор Фальконет, Вы найдёте все

мои распоряжения к созданию монумента Петру Великому. Я прожил в Европе больше половины своей жизни, немало изучил всё созданное гениями человечества... Государыней нашей Екатериной Алексеевной мне доверено соорудить монумент Петру Великому такой важности, чтобы в Европе подобного не нашлось. Здесь, в записках моих есть всё, что ваятелю сего монумента в голове своей держать надобно...

Фальконет взял в руки лист, быстро просмотрел его, быстро подошёл к Бецкому, который так и не предложил художнику сесть, и положил листок рядом с ним на ломберный столик.

– Вот беда! – Сказал он гордо, сдерживая гнев и недоумение. – Я до сего дня смел думать, что в Россию приглашён императрицею для единоличного сотворения монумента Петру Великому...

– Ну, разумеется, его будете сооружать Вы, а не я... – Язвительно заметил Бецкой. – Но Вам немало придётся потрудиться, чтобы понять и осуществить замысел мой...

– Простите, генерал, значит ли это, что я должен быть только исполнителем Вашей воли? Я ни за что не подписал бы контракт на таких условиях! Даже маркиза Помпадур, для которой я столько лет счастливо трудился, никогда не вмешивалась в мои творческие дела!

– Увы, мсьё! Здесь не Париж, и я – не маркиза Помпадур, царство ей небесное... Я как директор Конторы строений по должности своей за сооружениями столицы нашей наблюде-

ние веду. Моими неустанными заботами Петербург строится, дома, дворцы, сады, набережные наши – единственные в Европе... Неужто такое важное дело, как сооружение монумента, который потомки наши лицезреть будут, благословляя государыню нашу, я оставлю чужеземцу на откуп? Бумагу эту, сударь, не комкайте, а возьмите к себе, и внимательно изучите, и впредь распоряжениям моим следуйте неукоснительно!

– Дозволите уйти, Ваше высокопревосходительство? – Скрипнул зубами Фальконет.

– Ступайте, профессор Фальконет... Да крепко подумайте над словами моими.

Фальконет, расстроившись окончательно, направился было к двери, но Бецкой остановил его.

– Хочу ещё кое-что сказать Вам, профессор Фальконет... Государыня наша Екатерина Алексеевна одну присказку любит повторять... Как там... Дай Бог памяти... «Все в старостах будем, кто будет шапки пред нами сымать?».

Был поздний вечер, когда в «Чёрный кабинет» через потайную дверь вошли Бецкой и за ним Ласкари. Шевалье легко проскользнул вслед за генералом, он ступал мягко и тихо, словно кошка. Бецкой теперь вполне доверял ему, он даже привязался к своему «засланному казачку», который был услужлив и предупредителен, не забывал о просьбах и распоряжениях, старался их угадать, а главное, всегда был рядом,

под рукой... Иван Иванович, не вдаваясь слишком в подробности, только вскользь объяснил шевадье, куда они идут. Но Ласкари всё понял и возликовал в душе. На пороге «Чёрного кабинета» их встречал всё тот же преданный Лукич.

– До чего радость Вас видеть, Ваше высокопревосходительство! Чаю или кофею Вам подать?

Бецкой почти падал с ног от усталости – сказывался возраст, но день надо было закончить достойно.

– Ничего не хочу. Ты приготовил для меня, как было приказано, экстракт писем Фальконетовых?

– Не извольте беспокоиться... – Засуетился чиновник. – Сей же час принесу, он у меня для верности в столе заперт.

Он вышел. Ласкари оглянулся с большим любопытством. Бецкой сел в кресло, протянул вперёд затёкшие ноги.

– Вот, шевадье, сие – Секретная экспедиция при Почтамте... Работники здешние её «Чёрным кабинетом» именуют... А знают о том кабинете лишь самые посвящённые люди, иные важные государственные чиновники о нём и не помышляют... А ты удостоился, верю я тебе, коли с собой взял...

Ласкари склонился в низком поклоне, скрывая в сумерках довольную улыбку.

– Клянусь, Ваше высокопревосходительство о том никогда не пожалеет...

Бецкой благосклонно махнул рукой.

– Когда мы без чужих, можешь называть меня Иван Ива-

нычем... И ещё одной царской милостью порадую тебя: с завтрашнего дня будешь ты полицмейстером в Шляхетном корпусе... Смотри, не опозорь меня перед государыней...

– Век буду за Вас молиться, Иван Иванович...

Бецкой опять устало отмахнулся.

Ласкари изобразил смущение, подошёл поближе.

– Дозволите ли ещё одну дерзость допустить... Ещё об одном обещании государыни напомнить?

– Об чём это?

– Обещалась императрица мне невесту найти из купеческих...

– Помню, как же... Коли случай представится, скажу...

Чиновник вернулся скоро с бумагами, почтительно протянул их генералу.

– Пожалуйте, Ваше высокопревосходительство, вот экстракт писем, полученных Фальконетом за последний месяц. Прежние Вы в прошлый раз изучать изволили... Помочь Вам прочитать, или сами знакомиться будете?

– Коли у тебя дела есть – ступай. Нынче у меня свой помощник имеется.

Бецкой открыл поданную чиновником тетрадь, полистал её, отодвинув от глаз, затем приблизив к ним.

– Опять... – Вздохнул он тяжело. – Словно пароксизма какая-то... Застит глаза, ничего разобрать не могу... Нынче за день третий раз уже...

– Не позволите помочь, Иван Иванович?

– Пожалуй... Ты читай, шевадье, а я с закрытыми глазами посижу, авось прояснится взор-то...

Ласкари открыл тетрадь, перевернул лист.

– Здесь письмо от сына Фальконетова, ничего такого, всё дела домашние, в Петербург собирается... Ещё письмо из церкви Святого Рока, где статуи Фальконетовы стоят... А это послание от Дидерота, как всегда, длинное, сил нет... Читать, Ваше высокопревосходительство?

Бецкой не ответил.

Ласкари позвал тихо, не очень настойчиво.

– Иван Иваныч!

Бецкой пробормотал, поёрзав в кресле.

– Читай, читай, что замолчал?

Ласкари подошёл поближе к столу, на котором горела единственная свеча в комнате, и, то и дело поглядывая на своего генерала, повторил.

– Сие письмо от Дидерота, Иван Иваныч... «Вы легко видите во всём дурное, Ваша впечатлительность показывает Вам его в преувеличенном виде... Один злой язык может поссорить Вас с целой столицей»... Ишь, учитель выискался... Впрочем... «Один злой язык может поссорить Вас со всей столицей... Вам необходим постоянный очень снисходительный друг, и Вы его нашли»...

Он вдруг замолчал и задумался. Ему понравилась мысль Дидерота, и он сделал её своей.

– Вы его нашли, профессор Фальконет...

Шевалье ещё раз посмотрел в сторону кресла. Бецкой, всхрапывая время от времени, крепко спал. Ласкари на всякий случай негромко его позвал.

– Иван Иваныч...

Генерал только громко всхрапнул и присвистнул в ответ.

Ласкари осмотрелся. Он увидел в полумраке бесконечный ряд всяких ящичков и полочек, подписанных чьим-то аккуратным и ровным почерком, но прочитывать в темноте что-либо было невозможно. Шевалье взял со стола свечу и склонился над ними, пытаясь прочесть названия.

– Картотека... – Прошептал он. – И не одна... Сколько же их здесь! «Групповая»... Эта – «Страновая»... «Главная»... – Он выдвинул один из ящичков, начал перелистывать одной рукой карточки, другую со свечой держал аккуратно в стороне, чтобы ненароком не капнуть воском на листок или не поджечь бумажки.

Вскоре его поиски увенчались успехом. Он нашёл одну важную персону в «Главной» картотеке. На русскую букву «Б»... Бецкой! Бог мой! Сколько тут было листов! Он принялся лихорадочно их перелистывать. Русский язык шевалье знал ещё скверно, но скоро понял основное. Бецкой – побочный сын князя Трубецкого, оказавшегося в почётном шведском плену и женившегося там на богатой шведке... Родился Иван Иваныч в Швеции, закончил кадетский корпус в Копенгагене... А далее... Далее шевалье нашёл истинный клад, он даже захлебнулся от счастья, закашлялся, испуган-

но оглянувшись на своего покровителя, но тот крепко спал. Бецкой при длительной своей жизни в Европе, – вычитал в листах картотеки шевалье, – был весьма близок с принцессой Иоганной Елисаветой Ангальт-Цербстской... Не просто другом, галантом её был... А через год родилась у принцессы дочь, нынешняя самодержица Российская Екатерина Алексеевна...

Ласкари был потрясён открытием. Слегка замешкавшись, он попытался было поставить все бумаги на прежнее место, но тонкие листы рассыпались, и шевалье, услышав лёгкие шаги за стеной, едва успел рассовать их по карманам камзола. В комнату вошёл чиновник и, увидев спящего Бецкого, стал ступать совсем бесшумно.

Ласкари заспешил заговорить, скрывая своё смущение. Стараясь не шуметь, он прошептал.

– Наш генерал, убаюканный чтением моим, заснул совсем... День у него нынче суетный выдался, где только ни побывали: и за приготовлением кирпича надзирали, и за пережиганием извести... Проверили, как шелковичных червей разводят, и тут же искусственным выведением цыплят занялись... После обеда – чтение у императрицы, потом – спектакль в Обществе благородных девиц в Смольном... Молодой человек с ног свалится, а благодетелю нашему седьмой десяток пошёл.

Чиновник согласно закивал головой.

– И не будите его, шевалье... Пусть отдохнёт... А Вы не

желаете чаю или кофею? Тотчас в соседней комнате приготовим...

– Премного благодарен... С удовольствием кофею по-
пью...

Бросив беглый взгляд на спящего патрона, Ласкари поспешил покинуть кабинет с картотекой. В карманах его похрустывали бумаги, содержащие огромную государственную тайну. Он застегнул поплотнее свой кафтан.

А Екатерина вскоре опять была в Москве.

Она сидела в своей уборной перед большим туалетом с зеркалом в раме из чистого золота. Постоянный парикмахер укладывал её прекрасные волосы в привычную причёску. Волосы были густыми, каштановыми, последняя неубранная прядь почти доставала пола. Парикмахер поднял волосы над высоким лбом императрицы, осторожно уложил за ушами и, оценивая свою работу, последний раз оглядел государыню в зеркале. Она кивнула.

– Спасибо... Я довольна...

Парикмахер уступил место следующим участникам утренних приготовлений к выходу. Екатерину окружили сразу четыре камер-фрау...

Уборная императрицы была полна народу. Прямо за её спиной стояли депутаты из Комиссии по уложению, разгорячённые спором, красные от возбуждения. В комнате находились помимо прочих и Бецкой, и Елагин со своим секретарём.

рём Фон-Визиним, и несколько фрейлин.

Одна из камеристок подала Екатерине на серебряном блюде кусочки льда. Императрица быстро протёрла ими свои щеки и лоб. К ней тут же подступила другая камер-фрау, осторожно приладила на причёску кружевной чепец...

Екатерина через зеркало оглядела депутатов.

– Продолжайте, господа депутаты, я слушаю...

– Я, говорю, Ваше Величество, – начал первый из них, – нам необходимо в городах наших открыть домовые бани... Я всё продумал и обсчитал... Надо брать с дворян и купечества первой гильдии за посещение тех бань по рублю, а с людей всех прочих званий по двадцать пять копеек в год...

Он не успел договорить, с другой стороны к креслу императрицы подступил его оппонент.

– А я, Ваше Величество, утверждаю, что домовые бани вредные для городов строения, ибо по неимению за ними хорошего надзора от них по большей части происходят пожары...

Екатерина через зеркало с сожалением рассматривала своих депутатов.

– Я ещё не слышала Вашего мнения, – Заметила она третьего депутата. – Мне незнакомо Ваше лицо... От какой губернии Вы в Комиссии по уложению?

– От города Енисейска, Ваше Величество... – Склонился в поклоне незнакомец. – Степан Самойлов имя моё...

– И у Вас тоже есть мнение о домовых банях? – насмеш-

ливо спросила императрица.

– Безусловно есть, Ваше Величество. Я могу утверждать, что пожары не всегда происходят от бань, а загораются только такие, которые пришли в ветхость и имеют худые печи...

– А ещё от того они загораются, что там по ночам такое творится... Вот уж действительно – дым столбом... – поставила точку Екатерина.

Камеристки закончили её туалет, она благодарно кивнула своим помощницам и поднялась. Подавив вздох, повернулась ко всем.

– Благодарю Вас, господа... Теперь я хорошо понимаю, какие важные вопросы обсуждает новая Комиссия по уложению... Я думаю, на следующем заседании вы непременно решите, нужны нам бани или нет... – Потом она повернулась к Елагину. – Для тебя, Иван Перфильевич, в кабинете моём бумага приготовлена, твоему секретарю отдадут её, как спросит... Ты в ней поправь орфографию мою, да обратно принеси... Я её в архив пошлю, чтоб видели потомки, с которой стороны справедливость была... Бог нам свидетель, что мы, круглые невежды, не имеем никакой склонности к дуракам на высоких местах... Ну, и довольно о том... Скажи-ка мне теперь, Иван Перфильевич, чем ты нас вечером порадуешь?

– Ныне в Москве комическая опера итальянская, Ваше Величество...

– Ну, и славно, я люблю итальянцев, ты знаешь... А после

нам твой секретарь представление устроит... Он один целого театра стоит... согласишься ли, Денис Иванович?

– Коли Ваше Величество желает, – не смутился Фон-Визин и поклонился.

И обратилась ко всем.

– А сейчас оставьте нас с Иван Ивановичем Бецким для дел наших государственных... И ты, Наталья Петровна, останься пока... – Повернулась она к одной из фрейлин. – Мы с вами скоро увидимся, дорогие мои...

Подождав пока все прочие выйдут, государыня сказала Бецкому, неожиданно повеселев.

– Я тебе сюрприз приготовила, Иван Иванович... Я сейчас тебя веселить буду. Скажи мне, Наталия Петровна, исполнила ты просьбу мою?

– Со всей своей старательностью, матушка... Как ты просила – всё в точности сделала... Привести сюда прикажешь? Екатерина чуть не захлопала в ладоши.

– Привести, привести! Немедля!

Когда фрейлина вышла, Екатерина, смеясь, повернулась к Бецкому.

– Помнишь ли, Иван Иванович, моё обещание женить нашего шевалье на богатой купчихе?

– Помню, матушка... Да и он не забыл...

– Где же купчиху-то искать, как не в Москве! Приготовься, Иван Иванович – это тебе не Институт благородных девиц...

Пока они так беседовали, по анфиладе Кремлёвских покоев быстро шли три женщины. Посередине – Наталия Петровна, по обе стороны от неё – московские купеческие дочери. Наталья Петровна, дама немолодая, была одета сдержанно, подстать императрице. Московские девицы – напротив, – по последней моде. Платья их были вышиты золотом и украшены драгоценными камнями. Необыкновенно широкие юбки на клею топорщились в стороны и страшно шуршали, а со своими длинными шлейфами барышни едва справлялись. Девичьи лица были ярко нарумянены и напудрены, брови насурьмлены неумело: у первой девицы одна бровь шире другой, у второй – брови на разной высоте от глаз... На лицах девиц в изобилии были наклеплены тафтяные мушки. Причёмски, следуя моде, имели квадратную буклю посреди головы, позади – шиньон, а сверху – нечто вроде берета, украшенного в несколько рядов цветами и длинными перьями. Девицы были страшно напуганы, старательно семенили рядом с фрейлиной, путаясь в юбках и шлейфах.

Когда подошли к дверям уборной императрицы, Наталья Петровна строго оглядела девушек, выдернула несколько перьев из причёсок обеих.

– Что Вы делаете, мадам?! – Воскликнули они в один голос.

– Ваши перья выколют императрице глаза, коли разрешит она Вам к ручке своей приложиться... – Строго пояснила наставница.

Ещё раз пристально оглядев подопечных, фрейлина постучалась и, услышав голос государыни, толкнула дверь. Но для трёх широких юбок дверь была слишком узка. Фрейлина толкнула вперёд одну из девиц, та сделала несколько шагов, но с перепугу замешкалась на пороге. Наталья Петровна, не ожидая препятствия, шагнула вперёд, и тут же наступила купчихе на шлейф, который тянулся за ней позади. Они обе упали, издавая невероятный шум юбками. Вторая купчиха рухнула на пол вслед за ними, поскольку Наталья Петровна не отпускала её руки.

Екатерина просто зашлась в хохоте. Женщины возились, не в силах разобраться в своих юбках и шлейфах. Бецкой сдержанно улыбался.

– Иван Иванович, чего сидишь? Помоги дамам, а то они до вечера здесь кувыркаться будут...

Бецкой без особого удовольствия подал руку одной из девиц, но по неосторожности тут же наступил ей на шлейф и упал рядом, исчезнув с головой в дамских юбках.

Екатерина почти рыдала от смеха. Наконец, кое-как разобрались. Бецкой, сдерживая раздражение, отошёл к окну, дамы отдуваясь, стояли перед императрицей. Она, наконец, успокоилась.

– Простите, дорогие мои... Ты, Наталья Петровна, к себе ступай... Успокойся пока... Не сердись на меня, очень уж смешно было, но я тебя обидеть не хотела...

Фрейлина, разгорячённая вознёт по полу, и впрямь, бы-

ла обижена смехом императрицы, поклонившись сдержанно, она вышла.

– А теперь, мои красавицы, давайте побеседуем. – Совсем серьёзно обратилась государыня к купеческим дочкам, когда те, наконец, перевели дух. – Садись, Иван Иванович, на своё место... Нам с тобой предстоит выбор нешуточный... Погляди-ка, невесты какие... Начнём с тебя, милая... Как звать тебя?

– Агафия Иванна, дочь Городецкая, Ваше Величество...

– А скажи мне, Агафия Иванна, чего тебе более всего на свете хочется?

– Так ведь замуж выйти, Ваше Величество... Батюшка говорит, что это моё самое главное дело в жизни... – Выпала первая потенциальная невеста.

– А чему тебя батюшка ещё выучил? Умеешь ли ты расписаться?

– А зачем, Ваше Величество? Батюшка завсегда за меня закорючку поставит, а замуж пойду, так и руки мужа достанет...

– А музыке, танцам учат тебя родители? – Настоячиво и с нескрываемым интересом спрашивала императрица.

– А как же, Ваше Величество... Очень даже учат...

– Ну, и каковы успехи твои?

– Большие успехи, Ваше Величество... Когда я на клави-кордах играю и пою, матушка слёз сдержать не может... А когда к нам гости приезжают, так всё норовят из другой ком-

наты меня слушать. Оттуда, говорят, мои рулады более всего впечатление производят...

Екатерина с трудом подавила смешок, быстро взглянула на Бецкого, внимательно прислушивающегося к разговору.

– А скажи мне, милая... Что модно нынче в Москве? Что за цвет на платье твоём?

– Этот цвет, Ваше Величество, называется «цвет приглушённого вздоха»...

– А этот? – показала она на своё платье.

– Этот цвет – «цвет совершенной невинности»...

Екатерина опять не могла сдержаться от смеха.

– А вот этот – «цвет нескромной жалобы»... – вошла в роль девушка, приняв смех императрицы за поощрение.

Екатерина перестала смеяться, повернулась к Бецкому.

– Слыхал, Иван Иванович, просветитель мой дорогой? – И Поманила вторую девушку. – А теперь ты поближе подойди... Тебя, девушка, как зовут?

Та подошла, присела.

– Тоже Агафия Иванна, Ваша Величество... Карабузина я...

– Ну, Москва... Имен других, что ли нет? А ты, милая, знаешь ли грамоте?

– А как же, Ваше Величество... Я с батюшкой все его амбарные книги читаю... Любую купчую разобрать могу...

Екатерина посмотрела на неё внимательно.

– А ещё что знаешь? Может, книгу какую прочитала, по-

мимо церковных...

– Мы с батюшкой нынче очень интересную книгу закончили... Я ему вечером перед сном каждый день читаю...

– Гляди-ка... Так что за книга-то?

– Книга одного литератора английского... Про человека, который на острове один-одинёшенек остался, много лет там прожил, сам себя поил и одевал... Очень интересная книга, Ваше Величество...

– Знаю, о какой книжке ты говоришь... А может ты и по-французски или по-немецки знаешь?

– Знаю по-английски несколько, Ваше Величество... Батюшка мой всегда сыночка желал, а не пришлось... Вот он меня и обучает, как сына хотел обучить...

– Гляди-ка... Батюшка у тебя, видать, – человек серьёзный, надо мне с ним познакомиться поближе... А не напугаешь ли женихов умом своим? Они умных жён не больно-то уважают...

– Это уж как Господь Бог рассудит...

– Быть может, и я ему подсобить смогу... Слушайте меня, девушки... Родителям Вашим сказано, зачем я Вас к себе призвала... Есть у меня для Вас жених завидный... Одна беда – один он у меня, а вас – двое, хоть вы обе Агафии Ивановны подобрались... Сейчас домой ступайте, да моего решения ждите... Мы хорошо подумаем с помощником моим Иван Ивановичем, и родителям вашим не далее завтрашнего дня я волю свою объявлю..., желаю... садись, атерина протя-

нула руку для поцелуя. Девушки бросились было к ней разом. Но она предупреждающе подняла руку. Они приложились к ручке по очереди. Не смотря на старание фрейлины, некоторые цветы и перья всё-таки попали государыне в лицо. Тихонько чихнув пару раз, она позвонила. Вошёл камер-лакей.

– Пожалуйста, Захар, проводи этих девушек... Прощайте, мои милые...

Девушки ушли, протиснувшись сквозь дверь на этот раз по одиночке.

– Ну, что решим, Иван Иванович? Которая больше шевалье подходит – та, что глупа или та, что книжки читает?

– Ласкари не жена нужна, а деньги её. Ему и глупой довольно будет... – Заметил Бецкой.

– Ты прав, Иван Иванович... А другую девушку я тоже в Петербург заберу... Ей-богу, жалко девку, пропадёт она в Москве... Придумала... Я её к Дашковой пошлю, и велю при себе держать. Она тотчас и лицо ей отмоет, и лишние перья с головы снимает...

Императрица сдержала своё слово: вскоре обе купеческие дочери, обе Агафии Ивановны, отправились с обозом в Петербург. Ласкари ждал невесту с нетерпением. Но едва увидев её, едва не лишился чувств: так сильно были насурьмлены её брови, так сверкала она чёрными зубами, так шуршала клеевыми юбками, словно только что сошла с лубочной картинки, что продавали в изобилии в Петербурге на площадях на Масленицу... Но невеста была сказочно богата, а по кон-

тракту всё её приданное тотчас же переходило в собственность мужа, потому шевалье очень скоро смирился – как говорится, «даренному коню...». Бецкой к свадьбе преподнёс ему ещё один подарок – императрица подписала указ о присвоении ему звания подполковника...

Ласкари поселил молодую жену на самой окраине Петербурга, в солдатской слободе, в небольшом домишке, который купил на деньги тестя. Приставлена к ней была простая крестьянка, работающая и чистоплотная. Агафию Иванну свою он никуда не вывозил и никому не представлял. Она пухла с тоски и скуки, даже служанка была глухонемая, разговаривать с ней можно было разве что на пальцах... Только и радости было, когда изредка заезжала к ней московская приятельница, другая Агафия Иванна – Карабузина. Но заезжала она совсем редко, поскольку жила в самом центре Петербурга, в квартире, купленной и обставленной её батюшкой, специально для того приезжавшего в столицу. Квартира эта была подле дома графини Дашковой, которая по прямому указанию императрицы следила теперь за Агафьиным воспитанием и образованием... Так что удовольствий в Петербургской жизни у молодой Ласкариевой жены было очень мало. Муж её, хоть и был всем хорош – и молод, и удал и красив, своим присутствием девушку не баловал, ссылаясь на дела и заботы при дворе Её Величества. Правда, узнав про слабость своей жёнушки к сладостям и пирогам, стал непременно привозить их в большом количестве, незаметно похи-

щая десерты со столов в домах знатных господ, где ежедневно обедал среди прочих таких же ловкачей и хитрецов. Он с удовольствием следил, как его Агафия Иванна поглощала пирожные одно за другим, запивая их квасом с изюмом, а потом, исполнив супружеский долг, тут же покидал её, только и следов было, что куча лошадиного навоза у калитки...

Вскоре Агафия Иванна, располневшая до невозможности, стала хиреть и чахнуть. Она всё больше спала, лежала целыми днями, отказывалась от еды и питья, и муж почти насильно запихивал в неё пирожные, которые всё также исправно привозил при каждом посещении. Но однажды утром Агафия Иванна сильно закашлялась, из её рта фонтаном хлынула кровь, она даже испугаться не успела, как всё было кончено...

Ах, как плакал, как рыдал неутешный муж на плече прибывшего из Москвы батюшки своей незабвенной жёнушки! Какие пышные похороны он ей устроил! Торжественное шествие печальной колесницы с гробом почившей супруги шевалье видел весь Петербург. Сам он был одет в глубокий траур: шляпа, как положено, с длинным висящим флёром, шпага, обшитая чёрным сукном, на плечах – епанча... Возможно, был тут и некий перебор, но нерусскому человеку его легко простили, на что и рассчитывал предприимчивый грек. ... Глядя в окна своих гостиных, петербургские дамы прикладывали кружевные платочки к своим прелестным глазкам, промокая невидимые слёзы сочувствия... С помощью

известных стихоплётов, поднаторевших на подобных письменах, шевалье сочинил трогательную эпитафию, которую тут же велел выбить на надгробии:

« На сём месте погребена Агафия Иванова дочь, урождённая Городецкая. Монумент, который нежность моя воздвигнула её достоинству, приводи на память потомкам моим причину моих слёз, пускай оплакивают со мной обитающую здесь, приятную разными живо являющимися в ней качествами, скромную и нежную жену. О судьба!»

Очень ему нравилась эта надпись.

Подруга умершей Агафия Иванна Карабузина принимала очень большое участие в шевалье, успокаивала его, как могла, и плакала вместе с ним. Бецкой по приезде купеческих дочек в Петербург, не скрыл от Ласкари, что и вторая девушка также принимала участие в смотринах у императрицы, но была ею отстранена по причине своего ума и образованности. Шевалье об этом не забывал, всё приглядывался к девушке, да присматривался. Графиню Дашкову он побаивался, дама она была строгая и внимательная, провести её было очень трудно. Но довольно скоро он узнал, что Екатерина «малая», как звали её потихоньку, всё больше попадает в немилость императрицы и, дабы избежать последствий этой немилости, срочно засобиралась за границу... Едва только она покинула Петербург, как Ласкари вновь женился. Теперь он жил на широкую ногу в центре столицы, принимал гостей и не прятал свою молодую жену. Пирожных

она не любила, но любила книги, и Ласкари просто заваливал её фолиантами, добывая их по совету Бецкого и Фальконе-та в самых именитых домах и известных библиотеках...

Но вскоре он стал появляться в обществе с трагической миной, не уставал прикладывать к глазам тонкий платок, который скоро становился мокрым от слёз – Агафия Иванна тяжело захворала...

В Александро-Невской Лавре на том же надгробии противу прежней эпитафии появилась новая, не менее жалостливая.

« В сём месте погребена и вторая его подполковника же Ласкари жена Агафия Ивановна дочь Карабузина...».

Состояние шевалье удвоилось. Но он не струсил. Он женился в третий раз.

За третью эпитафию он заплатил всё тому же стихоплёту изрядную сумму. Стихоплёт поначалу упёрся – его обуял суеверный ужас, он чувствовал недоброе и со страхом смотрел на шевалье, но деньги всегда обладали большим даром убеждения.

« На сём месте погребена Елена де Ласкари третья жена, урождённая Хрисоскулеева. Несчастный муж, я кладу в сию могилу печальные останки любезной жены. Прохожий! Ты, который причину слёз моих зришь, возстони о печальной судьбе и знай, что добродетель, таланты, прелести вотще смерти противоборствуют». Так он написал на надгробии своей следующей жены.

Вторая Агафия Иванна, выходя замуж за несчастного вдовца, очень его жалела, возможно, и полюбила даже... А что думала третья невеста, идя под венец с предприимчивым греком? Может быть об его деньгах или о несуществующих успехах при дворе – кто знает...

Узнав о похоронах третьей девушки, императрица задумчиво покачала головой – такой прыти от своего «засланного казачка» она не ожидала. Ласкари не стал вельможей, не стал дворянином, но он был теперь богатым человеком, очень богатым, одним из самых богатых людей в Петербурге.

А Фальконет тем временем неистово работал. Вот и сегодня он стоял у Большой модели, пристально разглядывая её, словно видел в первый раз. Ласкари был здесь же, записывал что-то в большую расходную книгу.

– В Конторе строений требуют подробных отчётов, на что мы тратим деньги. Генерал Бецкой очень придирчив, ему приходится ежегодно держать отчёт перед Сенатом об израсходованных средствах на построение монумента... – Заметил он, не отрывая глаз от своих цифр.

– Читали Вы, что он мне написал? – Встрепенулся Фальконет. – Каких только аллегорий он ни велит у подножия монумента поставить: и Варварство России, и Любовь народа...

– Я желал бы Вас предостеречь, профессор Фальконет... – Осторожно заметил Ласкари. – Генерал Бецкой весьма интересуется Вашей перепиской с Дидеротом, говорит, что в

письмах оных могут и государственные тайны содержаться...

Фальконет вздохнул.

– Микеланджело не выдержал бы и трёх недель при дворе Екатерины ... Впрочем, в Петербурге о Бецком разное говорят, я слышал, он свои немалые средства в дела просвещения вложил... Говорят, Воспитательный дом, казённые училища...

– Так-то оно так, только от средств этих Иван Иванычу такие проценты идут, что можно ещё один такой Воспитательный дом построить или открыть ещё одно общество благородных девиц... – язвительно заметил шевалье.

– Господь ему судья... – Думая о своём, перевёл разговор на другую тему Фальконет. – Я – француз. Мне немало лет, но только сейчас я приступил к главному делу всей своей жизни. И как бы мне генерал Бецкой ни мешал, я выполню его... А Вы, мой друг, – грек, и в деле моём – моя правая рука... Разве не промысел Божий, что мы оба сейчас в России служим?

– В тени чужой славы жизнь проводить – занятие мало весёлое... – мрачно отозвался Ласкари.

– Э, шевалье... Вы молоды... А что может быть лучше молодости! При таком покровителе, как генерал Бецкой, Вы на своём коне намного дальше ускачете, чем мой Пётр Великий, которому генерал пути не даёт... Новый чин, я вижу, Вы каждый год получаете...

– Пустяки! – отмахнулся Ласкари. – У государыни кучер в чине подполковника! Вас, профессор Фальконет, потомки и без чинов не забудут, а я до генерала дослужусь – вряд ли кто вспомнит.....

– Мы сегодня с Вами мрачно настроены, а от дурных мыслей лечит только работа... В моём кабинете на столе, шева-лье, лежит список всего, что нам надобно, чтобы закончить к сроку Большую модель... Проверьте, не забыл ли я чего... И скажите в Контору строений, просите, чтоб не мешкали, а за мной задержки не будет... Экипаж мой можете брать, когда пожелаете... Он всегда наготове у крыльца.

– Благодарю Вас, верхом быстрее будет... Так на Вашем столе список, говорите?

Он ушёл, а Фальконет, вздохнув, вновь погрузился в работу. Он не услышал, как в мастерскую вошёл Пётр Иваныч Мелиссино. Полковник растерянно потоптался у дверей, но спросил громко и зычно.

– Где тут профессор Фальконет?

Фальконет, не сразу оторвался от модели, повернулся к гостю. Мелиссино несколько смутился.

– Не признал я Вас, профессор Фальконет... Простите великодушно...

– Меня в рабочем одеянии, да перемазанного глиной мало кто признать может... Проходите, дорогой Пётр Иваныч! Слов нет, как я рад видеть Вас ...

Фальконет был, действительно, очень рад появлению Ме-

лиссино. Узнав, что Пётр Иванович ненадолго прибыл из армии в Петербург, тотчас же стал искать с ним встречи, а повстречав, обратился к нему с самой нижайшей просьбой. Что было делать? Берейтор, с которым так славно было работать, от безденежья в Москву собрался бежать... Фальконет писал императрице, просил слёзно повесить и жалованье ему, и чин... Неделя прошла – ответа нет, а без натуры ваятель никак не мог...

– Так что ж... – Мелиссино был весьма польщён вниманием знаменитого художника, о котором только и разговору было теперь в Петербурге. – Я домой, и в самом деле, ненадолго, и потому готов приступить к делу, немедля... Каких лошадей Вам императрица из своей конюшни предоставила?

– Кони великолепны! Бриллиант и Каприз, знаете верно? Их так смешно конюхи величают, с французской приставкой «де» – «де Бриллиант» и «де Каприз»...

– Знаю, знаю... Велика честь – любимые лошади государыни... Так мы идём?

Фальконет вытер руки от глины.

– Вы сейчас увидите, Пётр Иванович... – Заторопился он. – Мне сделали специальный помост... Этакую горку... Она имеет такой же наклон, как будет иметь подножие монумента... Вам придётся много-много раз взлетать на этот постамент... Я изучаю, я исследую, зарисовываю, леплю каждую деталь, рассматриваю её сверху, снизу, спереди, сзади, с боков...

– Мне это весьма интересно и не терпится начать...

Они прошли в смежное помещение. Это был просторный сарай с деревянным наклонным постаментом. В глубине сарая конюх едва сдерживал танцующую на месте великолепную лошадь. Мелиссино принял поводья, легко вспрыгнул в седло, похлопал коня по шее. Лошадь, почувствовав опытного наездника, довольно закивала головой. Мелиссино сейчас, и в самом деле, был похож на Петра Великого. Фальконет, стоявший у подножия постамента с другой стороны сарая, невольно залюбовался им. Он дал знак, и полковник, пришпорив коня, взлетел на помост...

И началась кропотливая работа. Фальконет делал эскизы – один рисунок, другой, третий... Мелиссино был неутомим. Фальконет тоже. Ноги коня застывали на мгновение почти над его головой.

А в это время в портретолитейном доме появилась Дарья Дмитриевна. Она, конечно, постучала, сначала тихонько, потом погромче. За дверью была тишина. Дарья Дмитриевна осторожно вошла, огляделась. Прямо перед ней стоял, поднятый на дыбы, великолепный конь. Он был так похож на живого и настоящего, что девушка тихонько охнула, попятилась, а потом стала осторожно обходить его кругом, рассматривая со всех сторон. И тут прямо на неё, уткнувшись в какие-то бумаги, вышел из кабинета Ласкари.

– Профессор Фальконет, Вы забыли записать верёвки, клей, восковые свечи и проволоку... – Он поднял глаза. –

Бог мой, Вы? Здесь? Дарья Дмитриевна!

Дарья Дмитриевна восторженно встрепенулась, приняла независимый и неприступный вид, который постоянно стала напускать на себя при встрече с Ласкари. Он просто преследовал её в последнее время: на всех куртагах, на которые она была приглашена, рядом неизменно был шевалье. Он не давал ей ни с кем танцевать, постоянно закрывал её спиной от кавалеров, за столом его куверт оказывался рядом, и при разъезде гостей, он непременно сам провожал её в карету, рискуя оказаться под копытами бестолково топчущихся шестёрок и четверок, которых лихие кучера стремились первыми подвести к подъезду. Лошади, запряжённые цугом, ржали, поднимались на дыбы, путались упряжи и цеплялись оглобли, оказаться в центре этой давки было очень опасно. Но Ласкари был отчаянно смел и весьма ловок, ему удавалось не только увернуться от копыт лошадей и кнута кучеров, но и усаживать Дарью Дмитриевну в карету одной из первых, вызывая тем самым раздражение и гнев прочих кавалеров.

– Как я рад Вас видеть!

Он крепко схватил её за руку, но Дарья Дмитриевна решительно освободилась, отодвинулась от него.

– Вы слишком дерзки, шевалье! Мне давно следует пожаловаться на Вас дядюшке... Если Вы ещё раз подойдёте ко мне ближе, чем на два, нет, на три локтя, я повернусь и уйду!

– Нет, нет! Не уходите! Клянусь, впредь я буду сдержан, как монах... Что привело Вас сюда?

Дарья Дмитриевна, отодвинулась от него ещё дальше.

– Дядюшка мой, прибыв всего на неделю из армии, вдруг согласился позировать Фальконету... Он должен был приехать сюда в два часа пополудни, и велел мне в четыре здесь его дожидаться. Не видали Вы его?

– Должно быть, они прямо к постаменту направились... Я готов Вас сопровождать, куда угодно, хоть в преисподнюю...

Дарья Дмитриевна снисходительно улыбнулась.

– Ну, уж нет... Туда сами ступайте, коли желаете... А меня к дядюшке проводите.

Ласкари протянул было к ней руку, но она отпрыгнула от него в дальний угол мастерской.

– Три локтя, шевалье!

Ласкари сделал вид, что обиделся.

– Я только хотел подать Вам руку, мадемуазель...

– Благодарю покорно! Мне Ваша рука после куртагов в страшных кошмарах снится! Ещё немного, и сплетни пойдут... Вперёд ступайте, я за Вами пойду.

Они не успели сделать и шага, как дверь портретолитейного дома распахнулась и в мастерскую буквально ворвался Андрей. Увидев Дарью Дмитриевну, он не слишком удивился: племянница его воспитателя на своей лёгонькой двуколке могла в любой момент оказаться в любой части города, он заметил её экипаж у крыльца мастерской. Сказал ему и Пётр Иванович, что согласился позировать французскому ваятелю. Сейчас Андрея занимало совершенно другое.

– Где профессор Фальконет? Я принёс ему замечательное известие! Знаешь ли, Дашенька, Семёна Вишнякова, камениста Петербургского?

Кто не знал в Петербурге Вишнякова? Вся новая Невская набережная была сложена из его камня. Андрей, и в самом деле, принёс Фальконету прекрасную новость: Семён Вишняков нашёл основу для постамента! Это была цельная скала, огромный камень, который лежал в лесу, в болоте близ Конной Лахты. Местные люди звали его «Гром-камень»... Вишняков, знавший Андрея с незапамятных времён, встретив его случайно, рассказал ему о своей находке, попросил известить о том ваятеля, а сам направился со своей новостью напрямиком в Контору строений.

– Ну, ты правильно сделал, что сюда пришёл... – В Ласкари мгновенно проснулся деловой азарт. – Профессор Фальконет сейчас занят, ему твой благодетель нынче позирует... Скажи-ка мне, Андрэ, ты места эти в Конной Лахте хорошо знаешь?

– Как не знать! Мальчишкой по грибы-ягоды частенько бегали в том лесу ... – Андрей сразу понял, о чём думает шевалье. – Только я без Фальконета с места не сдвинусь...

Этот въедливый и язвительный парень постоянно раздражал Ласкари. Видимо, потому, что ничем его нельзя было взять – ни большей ловкостью, ни умом, ни деньгами.

– И что ты за человек такой – всё по-своему тебе надобно делать... Ну, хорошо... Я сейчас Дарью Дмитриевну к дя-

дюшке отведу, и Фальконету о камне скажу... Коли захочет – с нами поедет, а нет, так мы с тобой вдвоём, немедля, в Конную Лахту отправимся... Надо мне по должности своей самому всё наперёд увидеть... Идёмте, Дарья Дмитриевна!

– Вот ещё! – Фыркнула та в ответ, словно кошка. – Вы меня спросили, сударь, чего я-то хочу? Может, я с вами желаю ехать?

– Вы поедете в лес? На болота?

– Так что же? Я наши леса не хуже Андрея знаю.

– Бог мой, так я ведь только рад! Идёмте, я Вас в экипаж посажу...

– Три локтя, шевалье! Три локтя!

Андрей прыснул, Ласкари гневно стрельнул в него глазами.

– Помилуйте, Дарья Дмитриевна! Как в экипаже-то три локтя выдержать?

– Очень просто: у меня экипаж брыкалкой в народе зовётся... Одноместный он...

Тут уж Андрей засмеялся в голос, залиvisto хохотала и Дарья Дмитриевна.

– Вольно же Вам, сударыня, надо мной смеяться! – Холодно произнёс Ласкари, даже не улыбнувшись. – Но сейчас разговаривать некогда, надо ехать...

И запылили лошади по дороге. Впереди – мужчины: Фальконет, Мелиссино, Ласкари и Андрей. За ними – одноместный экипаж Дарьи Дмитриевны. Все были возбуждены,

особенно Фальконет, который то смеялся, то вскакивал от нетерпения. Мелиссино осторожно сжимал его плечо, усаживая на место.

Сколько мучительных ночей провёл Фальконет в думах о желанной скале! Несколько экспедиций отправил Бецкой в леса и на болота вокруг Петербурга на поиски нужного камня. Всё было тщетно. И директор Конторы строений махнул на замысел ваятеля рукой.

– Подобный камень сыскать безнадежно. – Сказал он ему при очередной встрече. – Мною велено вместо одного камня найти штук пять, из которых подножие монументу выложить. Камни эти и без того хлопот много доставят, поскольку немалой величины быть должны...

Фальконет чуть не заплакал.

– Скалу мою на куски разбить – всё одно, что сердце моё дробить...

Но Бецкой ответил холодно.

– Сердце Ваше, сударь, меня мало беспокоит. Пора к делу вплотную приступить...

На том и разошлись, с трудом сдерживая ненависть друг к другу. И вдруг такой подарок судьбы! Только бы Бецкой не упёрся, только бы в Конторе строений его поддержали!

– А отчего он «Гром-камень», Андрэ?

– Люди его так прозвали, когда ударила в него молния и отколола кусок... А старики врут, что сам Пётр Великий на сей камень не раз взбегал, чтоб окрестности оглядеть...

– Вот уж и вправду – врут... – Буркнул Ласкари, оглянувшись назад, где пылила лёгкая повозка Дарья Дмитриевны.

Осень в Петербург приходит рано, и даже в начале сентября трава и листья в лесу были разноцветными. Оставив экипажи на дороге, вся компания пробиралась через болото следом за Андреем. Фальконет спешил, ступал неосторожно, то и дело проваливаясь в воду. За ним, стараясь не замочить ноги, прыгал по кочкам Ласкари. Мелиссино, напротив, легко перешагивал через особо топкие места, крепко держа за руку Дарью Дмитриевну, иногда подхватывая её подмышку, словно куклу-матрёшку. Она только тихонько повизгивала, то и дело отцепляя свои юбки от колючих веток.

– Осторожно, профессор Фальконет... Ненароком опять башмак потеряете... – Не без ехидства произнёс Ласкари.

– Велика потеря – башмак! Да коли и потеряет, я сам теперь ваятеля нашего на руках понесу! – Зычно хохотал Мелиссино, и эхо от его голоса далеко разносилось по болоту.

– Я так воодушевлён нынче, что до скалы этой босиком готов идти...

– Смотрите... – Вдруг тихо сказал Андрей. – Вот он – Гром-камень...

Вся живописная группа остановилась, в восхищении глядя на огромный валун. Он был чудного пепельного цвета, почти правильной геометрической формы, со всех сторон заросший мхом. Время плотно прижало к скале отбитый молнией осколок, но из трещины, засыпанной землёй, кверху тя-

нулись несколько тоненьких берёзок...

Фальконет сначала онемел от восторга, попытался было что-то сказать, но голос его сорвался на петушиный выкрик. Он сел на землю и заплакал.

– Благодарю тебя, Господи! – Громко всхлипнул он. – Ты подарил мне именно такой подарок, о котором я мечтал...

Мелиссино и Андрей легко взобрались на вершину камня. Ласкари поднялся вслед за ними. Скользя по его краю, пошёл вокруг, встал на уступе, огляделся. Панорама была великолепна: тёмная хвоя сосен, желтеющие листья деревьев, пёстрые осенние травы и огромная скала посреди этого осеннего празднества природы заставили сжаться его сердце. Он вдруг забыл, какими нечаянными ветрами занесло его в эту мрачную, холодную Россию, сколько невзгод и несчастий пришлось ему преодолеть, прежде чем стал он тем, кем был нынче. Он всё забыл. Сердце билось часто и сильно. Именно здесь, стоя на вершине дикой заросшей скалы, Ласкари вдруг понял, что наступает его звёздный час. Он не знал, что ждёт его впереди, но почему-то чувствовал, что именно с этой каменной глыбой будет накрепко связана его жизнь и судьба. Задумавшись, он вдруг покачнулся, скользнув по мху, шлёпнулся на живот и сполз вниз в самой нелепой позе прямо к ногам Дарьи Дмитриевны. Она так и зашлась от смеха.

– Ваши ножки словно сошки... Вам, шевалье, ужасно далеко до Петра Великого... Камень этот только русскому человеку в подножие годится...

– Это мы поглядим ещё, Дарья Дмитриевна... Может, и я над кем-нибудь посмеюсь когда-нибудь...

Дарья Дмитриевна осторожно обошла камень, присела рядом с Фальконетом, вытерла слёзы с его лица своим кружевным платком.

– Будет плакать-то, профессор Фальконет... Теперь только радоваться надо... И мадемуазель Колло обрадуется, как расскажете ей про такое чудо...

Фальконет встал, подал руку девушке, поцеловал её в щёку. Слёзы высохли у него на глазах. Теперь в них была только озабоченность. Он обошёл камень кругом, потрогал его руками. Мелиссино наверху попробовал принять позу Петра.

– Так ли я стою, господин ваятель?

– Погодите, Пётр Иванович... Я сейчас коня изображу... – Подскочил к нему Андрей.

Посмеявшись ещё немного, путешественники засобирались в обратный путь.

Уходить от чудо-скалы очень не хотелось, но в лесу стало быстро темнеть, и все заторопились...

Едва только рано утром императрица села за свои бумаги, как секретарь доложил о Бецком.

– Пусть Иван Иванович заходит... – Кивнула она.

Бецкой вошёл, Екатерина подала ему руку для поцелуя. Указала на кресло.

– Садись, Иван Иванович... С чем нынче пришёл? Наперёд

скажу – про «Гром-камень» всё знаю...

Бецкой даже зубами заскрипел от злости.

– Опять, матушка, тебе Фальконет чрез мою голову письма посылает...

Екатерина засмеялась, ей нравилось его дразнить.

– А вот и не угадал, генерал... Нынче я доклад из первых рук получила... От самого Ласкари... Каким ветром нашего шеваляе в Лахтинский лес занесло – никому не ведомо, но отыскал ведь, шельмец, такую скалу, которая ваятелю грезилась...

– Врёт он всё, матушка... Не Ласкари скалу эту нашёл...

Государыня поморщилась.

– А то я и поверила... А что, камень и вправду так хорош?

– Камень красив и велик необычайно... Но мысль, что его придётся с места стронуть, вселяет ужас... Я, матушка, с инженерами Конторы строений скалу эту со всех сторон оглядел да замерил... Вот тебе, государыня, его величины, на этом листе всё точно указано...

Он положил на стол чертеж камня с намеченными размерами. Императрица склонилась над ним, изучив внимательно, распрямилась, подумала и изрекла.

– Пусть скала сия пока на месте лежит... Ласкари донёс, что Фальконет куски начал отбивать, чтобы груз облегчить... Так этого делать не вели... Ты, Иван Иванович, конкурс объяви: тому, кто механику по перетаскиванию камня придумает, семь тысяч обещаю...

– Много будет, матушка...

– Я так думаю – мало... Я не умею награждать и дарить...

То слишком много даю, то слишком мало... Но пусть будет семь, коли сказала... А камень до моего приказа трогать не позволяй... Я должна хорошо всё обдумать... Авось мы с древними египтянами да римлянами потягаемся... А может и Семирамиду позади оставим... Европа ахнет, как узнает...

Прошла зима с метелями и стужами, с весёлым Рождеством и Святками, с катальными горками, куртагами и балами, с домашними спектаклями, операми и балетами. Отгремела, отшумела весёлая Масленица. Большими шагами начал удлиняться день, зазвенели под окнами синицы, и дружно закапала весенняя капель.

Фальконет заканчивал свою Большую модель, которую должен был скоро представить на суд петербургской публике. Тяжело задумавшись, он стоял подле трёх гипсовых голов Петра. Портрет императора не получался. Он очередной раз взял в руки его посмертную маску, как слепой, ощупал все выступы и западения его лица. Сел, задумавшись, опустив на колени перепачканные глиной руки. В дверь постучались, но Фальконет не услышал. Вошёл Ласкари.

– Добрый вечер, профессор Фальконет!.. – Шевалье спохватился, снизил тон.– Хотя вряд ли Вы назовёте его добрым...

Фальконет поднял голову.

– Говорите сразу, друг мой... Что на этот раз сказала императрица?

– Государыня вновь отвергла Вашу модель головы Петра...

– Поглядите сюда, шевалье... Поглядите внимательно... Все эти варианты, действительно, не для моего монумента... Это не мой Пётр... Я что-то потерял, помешавшись на скульптуре коня...

– Это было не зря... Мадемуазель Колло сегодня сказала мне, что Ваш конь – лучший конь на земле...

Фальконет, слегка польщённый, покачал головой.

– Но монумент без головы...

Ваятель внимательно посмотрел на Ласкари. Подумал.

– Послушайте, Марин... Мне не впервые приходит в голову эта мысль... У меня нет больше времени на эксперименты... Мадемуазель Колло делает портреты лучше меня... Пусть попробует она... Императрица прекрасно относится к Мари Анн, я думаю, возражений не будет... Отправляйтесь тотчас же к ней и привезите её сюда...

Спустя некоторое время учитель и ученица стояли подле гипсовых голов императора, жарко обсуждая свои профессиональные секреты. Когда Ласкари приехал за Мари, она уже готовилась ко сну, и лёгкая небрежность причёски делала девушку особенно привлекательной. Шевалье этого не заметил. Он откровенно недолюбливал Мари Анн, но понимал, что на его глазах творится история, и Ласкари желал

быть её участником.

– Учитель, я понимаю, что Вы хотите сказать, – говорила тем временем Мари, – но меня смущает...

– Пусть Вас более ничего не смущает... Я всё беру на себя... Монумент должен быть закончен к сроку, оговорённому в контракте. Я прошу Вас приступить к этой работе сейчас же, не медля... – И попросил внезапно тихо и покорно. – Пожалуйста, Мари...

– Что Вы, учитель... Меня не надо столько просить... Мне самой интересно... Кажется, я понимаю, в чём дело...

Фальконет спохватился.

– Ах, Мари, не слушайте меня! Я совсем потерял голову... Скоро ночь... Это ведь я не сплю ни днём, ни ночью... Я вовсе не хочу мучить и Вас...

Мадемуазель Колло рассмеялась.

– Чью голову Вы потеряли, профессор Фальконет? Мы стараемся её найти! Я сыта, хорошо выпалась сегодня днём, и готова приступить к работе тотчас же... Где Ваш рабочий передник, маэстро? Вы не откажетесь помочь мне, шевалье?

Ласкари встрепенулся.

– Отчего же нет! Только я годен для одной технической работы – принести воды, размешать глину, подержать свечи...

– Этого вполне довольно, шевалье! А кроме того, Вы будете охранять меня от злых демонов, которые посещают мастерские художников по ночам... – И она весело и заливи-

сто рассмеялась. – А вот Вы, учитель, должны пойти спать... Вы, непременно, будете мне мешать... Знаете ли Вы русскую сказку про Царевну- Лягушку, которая совершала чудеса по ночам? Вообразите себе, я та Лягушка и есть... Я прекрасно работаю ночами.

Фальконет перекрестил её.

– Господи, помоги нам! Спокойной ночи, благодетельница моя!

– Лягушка, Лягушка! Спокойной ночи.

И мадемуазель Колло приступила к работе. Наступила ночь. Ласкари зажёл все лампы и свечи, которые были в мастерской... Мари работала по-мужски сильно, твёрдо, энергично. Это было так заразительно, что Ласкари тоже забыл о сне. Он старался быть полезным, помогал в мелочах, а когда был не нужен, садился на подоконник и издали наблюдал за этой девушкой. Он знал, что почти ребёнком, оставшись сиротой, она пришла в мастерскую Фальконета, чтобы остаться там на долгие годы. В чём-то шевалье завидовал ей – она была также бедна и так же, как он, совсем недавно, видимо, голодала, но Господь наделил её талантом, которого не было у Ласкари. За время жизни в Петербурге мадемуазель Колло выросла в зрелого мастера. Сначала ей заказала свой бюст императрица, после чего заказы посыпались, как из Рога изобилия. Успех её сопровождался жужжанием завистников и многочисленными сплетнями – чего только не говорили о них с Фальконетом на кувертах! К тому же ей по-

стоянно задерживали гонорары, что приводило в ярость её учителя. Но она по-прежнему не отказывала заказчикам, и каждая новая работа была для неё праздником.

Когда за окном появилось круглое утреннее солнце, Ласкари затушил все свечи. Голова Петра была готова, и он накрыл её мокрым покрывалом. Мари сидела в кресле, закрыв глаза, устало сложив перепачканные глиной руки на коленях, закрытых жёстким фартуком. Шевалье налил воды в небольшой медный таз, и опустил на пол перед Мари. Он пристроил этот таз на её фартуке и осторожно погрузил в воду сначала одну утомлённую руку девушки, потом другую... Мари так устала, что даже не пошевелилась, только ресницы её слабо вздрогнули – она спала.

Как всегда, на Пасху на Сенатской площади поставили качели. Они были самые разные, расписанные яркими красками, украшенные разноцветными флагами. Народ особенно любил круглые, а ещё были маховые, подвесные... На деревянных горах, расположенных между качелями, тут и там, грохотали по желобам небольшие коляски, на которых с хохотом и визгом скатывались желающие. Со всех сторон гремели весёлая музыка и песни, разносчики, перекрикивая друг друга, на каждом шагу предлагали всяческие бирюльки и лакомства, в цветных шатрах вокруг площади торговали горячительным, а в специально построенных балаганах выступали паяцы, гаеры и фокусники...

– Робыта, робыта, хотите жить богато, покупайте нитки, зашивайте дырки!.. – неслось над площадью.

На бульварах и тротуарах, что тянулись вокруг площади, важно прогуливались люди побогаче, одетые в честь праздника пышно и нарядно. Купцы гуляли с жёнами и детьми, все в дорогих русских одеждах. В дорогих экипажах проезжали самые богатые люди Петербурга. Дети с любопытством высовывались из окон карет. Дамы от них не отставали, утопая до ушей в собственных кринолинах.

Оставив экипаж в стороне, Пётр Иваныч Мелиссино с племянницей, Фон-Визин и Андрей гуляли в праздничной толпе вокруг площади. Дарье Дмитриевне была предоставлена полная воля – она то появлялась рядом с ними, то вдруг опять исчезала куда-то. Андрей, конечно, из виду её не выпускал, старался быть рядом, качался с ней на разных качелях, ловил в толпе... Но, в конце концов, потерял совсем и вернулся к компании мужчин, чинно прогуливающихся по бульвару.

– Бог с ней, Андрей, пускай себе веселится... – Махнул рукой Мелиссино, увидев его обескураженную физиономию.

– Не обидел бы кто...

– А ты что, нашу Дарью Дмитриевну не знаешь?!

А тем временем племянница его стояла перед Дедом-раёшником и с любопытством слушала, как он выкрикивал.

– Все сюда! Горе – не беда! За медный пятак покажу всё и так... « Сказ о том, как грек де Ласкари три раза женился,

да всех трёх жён за неполный год со свету сжил»...

– Что такое? Очень интересно! – Удивлённо вскинула глаза Дарья Дмитриевна.

Народ повалил к балагану, девушку подхватила толпа, и она оказалась совсем близко у балкона... Вскоре началось представление, и оно оказалось таким интересным, что Дарья Дмитриевна забыла обо всём на свете.

Фальконет тоже не усидел в мастерской. За годы, проведённые в России, он полюбил русские праздники, и, как всякий художник, находил в них свои особенные краски и обаяние. Ласкари без видимой охоты вызвался сопровождать его.

– Мне нравится этот русский праздник, я нигде такого веселья не видел... Чтобы так широко, от души... Вон сколько людей смотрит...

– И медведя кучами смотреть собираются... – Буркнул в ответ мрачно настроенный шевалье.

Фальконет, думая о своём, остановился, и внимательно, в который раз за эти годы! осмотрел площадь.

– Неужели, дорогой Марин, мы дождёмся, того момента, когда мой Пётр Великий на этой площади появится? Я совершенно ясно вижу стоит он вот здесь, напротив Сената... Вокруг него не будет никакой ограды, зачем сажать императора в клетку?

– Пока что это только мечты Ваши... – Резонно заметил Ласкари. – Главная задача – Гром-камень сюда доставить...

Фальконет встрепенулся.

– Я нисколько не сомневаюсь в успехе... Дорогой мой Марин, Вы молоды, талантливы, ловки... Умеете людей на дело объединять... Я верю в Вас, как ни в кого другого... Вы просто должны эту злосчастную механику придумать – кроме Вас некому сдвинуть с места мою эмблематическую скалу...

– Сдвинуть три миллиона футов?! Мне?! Русская императрица, совсем сошла с ума: она хочет видеть на этой площади Вашу скалу нетронутой, дикой, поросшей мхами...

Ласкари сегодня был явно не в духе – он и сам думал об этом беспрестанно, но что он мог придумать, не зная даже основ механики!

Фальконет вздохнул.

– Скала хороша сама по себе, она должна придать много характера монументу... Но, коли водрузить моего бедного Петра прямо на необтёсанный камень, будет он чем-то вроде воробья на корове...

Потеряв окончательно в толпе Дарью Дмитриевну, Мелиссино, Фон-Визин и Андрей, не спеша, кружили по площади, ожидая её неожиданного, как всегда, появления.

– Ну, ловка девка! – Громко хохотал Пётр Иваныч. – От трёх мужиков сбежала... Ты чего сегодня такой молчаливый, Андрей? Андрей, слышишь меня? Влюбился, что ли?

Андрей встрепенулся, оторвавшись от своих мыслей.

– Нет, Пётр Иваныч, не влюбился я, задумался просто...

– Ишь ты «задумался»... Думай, думай... Думать-то всегда полезно. – Он повернулся к Фон-Визину. – Вы, Денис

Иваныч, сделайте милость, покарауйте здесь моего умника, а то он такой задумчивый, что тоже в толпе, не ровён час, потеряется... А я пойду Дарью Дмитриевну поищу....

Мелиссино поспешил к балагану, Фон-Визин озабоченно взглянул на Андрея.

– А ты, и вправду, друг ситный, словно не в себе сегодня...
Случилось что?

Андрей резко развернулся к нему.

– Вы помните, Денис Иваныч, как в нашем театре и в Эрмитаже на сцене превращения и провалы делаются? Помните?

– Чего же не помнить? У тебя там всё на шарах катается...

Андрей всё больше оживлялся, начал размахивать руками, объясняя.

– Вот-вот... Если взять жёлоб, запустить в него медные шары, другим таким жёлобом накрыть, то сверху по этим шарам любую тяжесть перетащить можно... Я про Гром-камень думаю... Как считаете, Денис Иваныч?

Фон-Визин рассмеялся.

– Ну, брат, нашёл советчика! Как Англию с Францией примирить, и при том ни с кем из них не поссориться, я, быть может, тебе и присоветовал... А вот насчёт шаровой механики твоей – уволь, мозги не в ту сторону повёрнуты...

Андрей опять притих.

– Здесь надо всё точно рассчитать... Я домой тотчас пойду... Скажите, сделайте милость, Петру Иванычу... Мне на-

чертить всё надобно...

– Ступай, ступай... – Посерьёзнул Фон-Визин. – На Пасху – грех работать, но Господь простит, он нам вдохновение редко посылает...

Андрей почти убежал, думая о своём.

А Пётр Иваныч, проталкиваясь сквозь толпу в поисках племянницы, вдруг увидел Фальконета, за которым плёлся хмурый Ласкари.

– Христос воскрес, господа! – Зычно приветствовал их Мелиссино.

Фальконет даже вздрогнул, но обрадовался.

– Никак не могу запомнить, как по-русски отвечать надобно...

– Воистину воскрес! И ещё трижды целоваться... – Засмеялся артиллерист.

Фальконет с удовольствием облобызал его.

– В этом мы, французы, с русскими похожи – обожаем целоваться...

– Это нас, хлебом не корми... – Мелиссино приложился и к щекам Ласкари. – Не встречали вы племянницы моей? Всё рядом была, на всех качелях перекаталась, а тут народ в балаган повалил, она и потерялась...

Ласкари вдруг оживился.

– Дозвольте, Пётр Иваныч, мне её поискать... Непременно найду!

Мелиссино недоверчиво покачал головой.

– Смешит меня уверенность Ваша, да попробуйте... Мадемуазель у нас – девица особенного склада: как пропадёт – так ищи ветра в поле! Тогда сыщется, когда сама пожелает...

– Я найду, вот увидите...

– Ну, так ступайте, коли есть охота... А мы тут погуляем...

Праздник, я чай, спешить некуда...

Но ушёл Ласкари не сразу. Почти не прислушиваясь к разговору, он всё топтался за спиной у Фальконета, и, улучив момент, незаметно вложил в карман его кафтана какое-то письмо. Движение его руки не ускользнуло от глаз внимательного Фон-Визина. Увидев краешек листа, аккуратно вставленного в карман ваятеля, Денис Иваныч очень удивился, но, повернувшись к Ласкари, спросить ничего не успел – того и след простыл.

Тем временем Дарья Дмитриевна благополучно выбралась из толпы, отхлынувшей от балагана. Она не замечала давки, она была просто потрясена увиденным на представлении. Тут-то её и схватил за руку Ласкари.

– Дарья Дмитриевна! Христос воскрес! – Он попытался её обнять.

– Вы что, шевалье, совсем спятили?

– Простите великодушно, но меня только что Ваш дядюшка русским обычаям учил. Он Вас по всем Качелям ищет... И меня послал за Вами...

– Так ступайте к нему, скажите, что не нашли меня...

Ласкари обиделся или сделал вид, что обижен.

– Так от чего же сразу – «ступайте»! Неужто у Вас для меня и слова доброго нет? Ведь сегодня праздник...

Дарья Дмитриевна смотрела на него задумчивым, пристальным взглядом.

– А скажите, шевадье, Вы представление в балагане видели?

– А зачем? Я не столько русский язык знаю, чтобы речи простолюдинов понимать... Да и скучно это всё...

– От чего же скучно? Мне очень весело было... А если правду сказать, то мне Вас теперь просто жалко...

– Жалко? У меня что – руки или ноги нет? Или я в голову ранен, не понимаю, что делаю?

– Это уж точно не так – Вы отлично понимаете, что делаете...

Сколько времени длилась бы ещё их перепалка – неизвестно, но тут они столкнулись со всеми остальными, и радужный хозяин Пётр Иванович повёз всех к себе на праздничный обед.

– Для Вас, Денис Иванович, специально Ваши любимые пятислойные пироги пекутся... – Особо пообещал он Фон-Визину.

Тот нисколько не смутился: об его страсти к пирогам по Петербургу ходили легенды.

– Ох, и люблю поесть, грешен... Это меня и погубит непременно...

Обед прошёл весело, только Дарья Дмитриевна была за-

думчива и рассеянна, то и дело исподтишка поглядывая на Ласкари с каким-то странным интересом. Андрей тоже к обеду не вышел, хотя Пётр Иванович дважды посылал за ним. Лакей вернулся с извинениями, сказал, что Андрей сидит перед какими-то чертежами, всё пишет, да считает. От него отстали.

Фальконет и Фон-Визин, явно переевший пирогов, возвращались домой в одной карете. Ласкари ехал впереди верхом, предпочитая свежий весенний ветер духоте закрытого экипажа. Ещё в вестибюле, одеваясь, Фальконет, наконец, обнаружил подкинутое им письмо, быстро прочитал его и страшно расстроился. Теперь, сидя в карете рядом с добродушным Денисом Ивановичем, которого мучила изжога, он изнывал от желания поговорить с ним об этом.

– Кто-то подложил мне в карман это гадкое письмо... Это уже третье письмо в подобном роде... – Протянул он листок Фон-Визину. – Хотите прочитать?

Но тот только сочувственно взглянул на него и покачал головой.

– Увольте... Я не любопытен...

Фальконет вздохнул.

– Мне не с кем поделиться... Прочитайте, Денис Иванович...

– Коли так, извольте, я прочту...

Фонарь на карете светил достаточно ярко, текст письма, написанного явно изменённым почерком, был отлично ви-

ден.

– Писано по-французски, но слова некоторые употреблены неверно... И подписи нет... – Покачал головой Денис Иванович. – Не огорчайтесь слишком, профессор Фальконет... Сочинение это писано при восхождении какой-нибудь злой планеты, в те дни, когда бесятся собаки... Так нелепо врать не всякому удаётся...

– Не понимаю, чем я не угодил своим недоброжелателям? Генерал Бецкой делает мне честь, искренне меня ненавидя. На бедную мадемуазель Колло клеветают так же, как и на меня... Какие-то самозванцы приписывают себе её работы...

Денис Иванович не ответил, задумался надолго, не зная, как помочь бедному ваятелю, и уж вовсе не понимая, зачем понадобилось хитрому греку писать подмётные письма подобного рода.

– А скажите, профессор Фальконет, хорошо ли известен Вам помощник Ваш, шевалье де Ласкари? – осторожно спросил он, давно перестав икать.

Фальконет рассеяно пожал плечами.

– Наши отношения связаны только работой... Он следит за нашим делом, всё знает, во всём помогает... Это один из самых умных и деятельных людей, состоящих при генерале Бецком. Но я не живу с ним в особенной дружбе, он слишком молод и скорее годится в друзья Вам, чем ко мне...

– Мошка – крошка, а кровь человеческую пьёт... – хмыкнул про себя Денис Иванович, поглядев в окно на смутный си-

луэт всадника, сопровождавшего карету.

Ещё одно лето прошло в трудах... Но война мышей и лягушек продолжалась. Ласкари исправно играл роль посредника: как он старался выразить сочувствие и понимание такому вздорному, неуживчивому, но бесконечно одинокому ваятелю! Как тонко поддакивал Бецкому и незаметно руководил интригой – то перескажет нелестное высказывание Фальконета о генерале, то, будто случайно, вспомнит об очередном письме ваятеля к императрице... А что до императрицы... У молодого, растущего государства была бездна своих проблем: то война, то неустойчивый мир с турками, то нелёгкий раздел Польши, а внутри страны – чума и чумной бунт в Москве...

А Фальконет всё жаловался, ныл, искал сочувствия государыни от бесконечных нападок Бецкого, постоянные баталии с которым давно перестали её веселить и порядком надоели... Короче говоря, французский ваятель ей, в конце концов, наскучил, и она бросила его на съедение недоброжелателям. На его жалобные письма она теперь отвечала скупой и неохотно, с трудом поддерживая шуточный тон, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

– Я думаю, что климат начинает иметь на Вас влияние, профессор Фальконет... Французы от природы гораздо сговорчивее, гораздо податливее и гораздо более думают о себе, чем Вы. Один только северный воздух может сделать чело-

века так мало снисходительным... – Только и написала она в ответ на его очередное жалобное послание.

Бецкой, почувствовав свою силу и власть, давал художнику самые нелепые указания. Однажды Ласкари, с весьма серьёзным видом вручил ваятелю письменное распоряжение генерала, о том, что будущая статуя должна быть расположена так, чтобы один глаз императора зрил на Адмиралтейство, а другой – на Здание двенадцати коллегий...

А когда Фальконет, прочитав этот приказ, бессильно опустился на стул, шевалье заметил:

– Такое возможно лишь при косоглазии царя, о чём я при самом внимательном изучении его истории нигде не встречал.

Фальконет тут же бросился писать императрице, о чём Бецкой был незамедлительно уведомлен Ласкари. Императрица опять ответила коротко и нейтрально.

– Правый и левый глаза Петра Великого меня очень насмешили, это более, чем глупо. Я уверена – Вы сделаете прекрасный монумент наперекор Вашим недоброжелателям. Зависть к Вам – признак их уважения...

Только и всего...

И очень скоро, едва стала подходить к концу короткая летняя ночь, возле дома ваятеля, совсем рядом с мастерской начались какие-то строительные работы. Грохот забиваемых свай заставил вскочить с постели перепуганного Фальконета. Он выбежал из дома в одном халате и в колпаке. За ним,

позёвывая, вышел и Ласкари, давно проживавший с ним в одном доме.

– Шевалье, зачем здесь эти рабочие? Узнайте, сделайте милость...

Ласкари подошёл к работникам, разглядел в сумерках раннего утра старшего из них.

– Послушай! Поди сюда! Зачем вы здесь и по чьему приказу?

– Нынче генерал Бецкой приказал скрыть вон ту кузницу... Фальконет, подойдя поближе, услышал его слова, чуть не заплакал.

– В этой кузнице я przygotowляю арматуру для бронзы... Рабочий сочувственно взглянул на него.

– Простите, Ваша милость, мы – люди подневольные, как приказано, так и делаем... А сваи вбивают – так в этом месте по плану, государыней подписанному, новое строительство будет вестись... А что именно – нам про то неизвестно...

– Ладно, ступай... – Отпустил его Ласкари.

И земля снова начала сотрясаться от забиваемых свай. Фальконет сорвался с места.

– Бецкой решил свести меня с ума... Я тотчас же еду к нему!

– Профессор Фальконет, остановитесь! – Ласкари с лёгким сочувствием посмотрел на него. – Теперь только четыре часа утра!

– Сей же час и поеду!

Он убежал в дом переодеваться, а Ласкари вновь подозвал старшего рабочего.

– Подойди-ка ещё... Ты вот что, парень... Давеча мне генерал Бецкой план показывал... Вы далеко нынче копать начали...

– Ну, нет, Ваша милость, я при Конторе строений давно тружусь и в чертежах толк имею, меня нарочно сему учили... Мы копать точно в назначенном месте начали, разве что на один вершок просчёт есть...

Ласкари разозлился.

– А я тебе говорю, что надо на два аршина ближе к портретолитейному дому копать!

– Не, Ваша милость, никак невозможно... Да и ваятеля жалко, прямо плачет весь...

– Тебе-то какое до ваятеля дело? Пошёл вон! – Разозлился шевалье.

– Ваша воля, сударь...

А Петербург только начинал лениво просыпаться. Зевая, к воротам богатого дома вышел дворник, по набережной, перепрыгивая через наваленные друг на друга гранитные плиты, торопились работные люди. К дверям Почтамта подъехал первый дормез и несколько ямщицких троек, раскрашенных в жёлтые цвета. В окнах дворцов кое-где мерцали редкие свечи – то ли хозяева не ложились ещё, то ли рано встали... На Сенатской площади было пустынно, только бродячие собаки

искали что-то, пробегая стаей по заросшему за лето бульвару.

Фальконет был зол. Кое-как одевшись в спешке, он растолкал крепко спавшего в передней кучера, неизменно находившегося под рукой, и велел везти к Бецкому. Ярость, досада, ненависть к этому вельможе бушевали в его груди, и он поминутно поторапливал своего Ваньку. Едва поравнялись с домом генерала, он выскочил из экипажа, несколько раз сильно дёрнул звонок у парадного, потом начал стучать ногами в тяжёлые глухие двери... Ему открыл заспанный швейцар с париком, надетым спросонья набекрень.

– Сделайте милость, сударь, не шумите... Его высокопревосходительство спят ещё...

Фальконет оттолкнул швейцара, ворвался в богатый вестибюль с огромными венецианскими зеркалами.

– Зато я давно не могу спать. Буди своего хозяина!

– Никак невозможно, сударь... Его высокопревосходительство вчера плохо себя чувствовать изволили и нынче никого принимать не велели... Тем паче, в такую рань... – добавил он от себя.

Последние слова швейцар произнёс уже достаточно раздражённо. Фальконет больше не успел произнести ни одного слова. На лестнице, ведущей из вестибюля в верхние покои, появился хозяин дома в колпаке и шлафроке.

– Видимо бессонница Вас так замучила, мсьё Фальконет, что Вы по ночам своих начальников тревожить изволите...

– мрачно изрёк он.

Фальконет, несколько не смутившись при его появлении, почти закричал.

– Побойтесь Бога, сударь! Кто кого изволит тревожить?! Разве не могли Вы повести стройку так, чтобы не мешать мне? Зачем Вы постоянно вредите исполнителю дела, за которое отвечаете перед потомками?

Бецкой стоял наверху, а Фальконет глядел на него снизу вверх, не замечая трагикомичности своего положения. Генерал деланно зевнул.

– Мсьё Фальконет, нынче слишком ранний час, чтобы о потомках рассуждать! Коли Вам сказать более нечего, то позвольте мне отправиться в опочивальню и продолжить свой отдых. Для моих глаз весьма вредно раннее вставание...

Фальконет, вдруг понял своё бессилие и совсем потерял голову. Он стал подниматься по лестнице наверх, глядя прямо в полуслепые глаза Бецкого. Швейцар, испугавшись за своего господина, двинулся за ваятелем, готовый в любой момент схватить его за воротник.

– Я знаю, почему Вы меня так ненавидите... – Он более не кричал, он говорил медленно, хрипло, казалось, ещё минута, и он вцепится в генерала. – Мне всё объяснил шевалье... Я не Ваша креатура... Я предпочитаю лишний труд лишнему унижению, и ни о чём Вас не прошу... Ласкари говорил мне, что Вы...

– Господи, ты свидетель – и от ума сходят с ума! – Мрач-

но оборвал его Бецкой. По своей слепоте он почти не видел лица ваятеля и нисколько не испугался. – Мсьё Фальконет... Мой трудовой день чрезвычайно велик и без того, чтобы вставать в столь ранний час. Я оставляю Вас, сударь, напомним, что Вы находитесь в моём доме, и только нежелание будить слуг останавливает меня от того, чтобы не поднять их с постели и силой не выпроводить Вас восвояси...

Бецкой величественно повернулся и ушёл. Фальконет опустил на ступеньку и заплакал. Швейцар, решительно подняв его за локоть, повлёк ваятеля к дверям и несчастному Фальконету ничего не оставалось, как подчиниться. В этот момент ему казалось, что он единственный живой человек на Земном шаре.

Потом опять пришла зима, близились Святки, а на Святках всегда очень весело было в доме Петра Иваныча Мелиссино – путая и смешивая праздники, домочадцы отмечали его именины. В эти дни он всегда старался приезжать из армии домой. С приездом хозяина комнаты оглашались его зычным басом, слуги начинали сновать по всем лестницам и залам, устраивался сразу открытый стол, человек этак на пятьдесят, и двор тут же заполнялся многочисленными каретами, запряжёнными цугом шестёрками и четвёрками.

В такие дни Ласкари неизменно появлялся в доме Мелиссино. Шевалье на обеды не тратился: он прекрасно знал, кто из петербургских вельмож держит открытый стол, у кого по-

вар – француз, а у кого – немец, где и какие готовят нынче обеды, у кого будут икра и расстегаи с рыбой, у кого на столе нынче баранья нога с горошком. . . Ему полагался также и казённый обед во дворце, он мог пообедать от души и в Шляхетном корпусе, где служил нынче полицмейстером. Ласкари давно забыл о прошлых голодных днях, в тех домах, где случалось ему обедать, он не ждал положенных бесконечных перемен блюд за столом и не любил передать, но в доме у Мелиссино у него был свой значительный интерес. Его появление здесь никого не удивляло: хозяин дома к нему благоволил, а ежегодное повышение в чине – нынче был шевалье уже подполковником, позволяло ему даже приятельствовать с ним.

Нынешних Святков он ждал с особенным нетерпением. Генерала Мелиссино давно не было в Петербурге, скорые именины Петра Ивановича подавали повод для встречи, а встреча была необходима: Ласкари решил свататься.

Его интерес к Дарье Дмитриевне поначалу был вызван только слухами об её богатстве. Эта вздорная, насмешливая девчонка по началу совсем не волновала шевалье. В Петербурге давно устоялось мнение об его безбожном распутстве. И чем больший пост он занимал, чем в более высокие слои общества входил, тем громче разносились слухи о его похождениях, что скорее привлекало к нему дам, чем отторгало. . . Потом к банальным сплетням присоединились какие-то тёмные слухи: дамы, широко распахнув полные ужаса глаза, пе-

рассказывали друг другу страшные истории об отравленных им несчастных жёнах – говорят, даже троих, убиенных ради наследства в совершенно короткий срок, в каких-то два года с лишком...

Но постепенно, сопротивление этой взбалмошной девицы, стало его раздражать. Он перестал думать об её деньгах, тем паче, что ими распорядился до её замужества сам Пётр Иваныч. Её полупрезрительный тон и абсолютное отсутствие интереса к нему задевали его за живое. Он решил, во что бы то ни стало сломить её упрямство, и стал действовать единственным известным ему средством – настырностью, назойливостью и упрямством. Дарье Дмитриевне это было совершенно безразлично. Она по-прежнему холодно здоровалась с ним, и старалась тут же улизнуть, как только он появлялся под каким-нибудь предлогом в их доме. Всё кончилось для Ласкари плачевно – он страстно влюбился. И, узнав о приезде Мелиссино, уговорил Фальконета быть по-русски сватом, отправился вместе с ним в дом Петра Иваныча, едва только зимнее утро осветило дорогу.

Эти Святки для домочадцев Мелиссино были несколько омрачены отсутствием хозяйки дома: едва только Пётр Иваныч прибыл домой из армии после долгого отсутствия, пришло известие о тяжёлой болезни её матушки. Старушке было слишком много лет, надежды на выздоровление было мало, и жена Петра Иваныча тотчас же собралась в дальнюю дорогу, прихватив с собой подростшего за эти годы кузена Дарьи

Дмитриевны Андрюшу.

Но день именин хозяина дома – дело святое. Весь вчерашний день в доме был Денис Иванович Фон-Визин, и по случаю позднего часа остался ночевать – всё репетировали с Дарьей Дмитриевной представление, что должны были нынче дать гостям. И не простое представление, а давно дописанную пиесу Дениса Ивановича « Бригадир». Об ней много толковали нынче в столице. Фон-Визин читал её даже самой императрице, которая, говорят, много смеялась, слушая его. Ну, а после того он только и делал, что по разным домам и собраниям чтением этим занимался. И вот сегодня по просьбе самого полковника они должны были с Дарьей Дмитриевной пиесу эту разыграть по ролям. Андрей помогал советами по организационной части. Кроме того подарил он Петру Ивановичу особые часы с репетициями: часы были каминные, тонкой работы, очень долго Андрей с ними возился. Но секрет был не только в звонком хрустальном бое и безукоризненной точности, а в том, что собачка, которая мирно спала на крышке этих часов, вместе со звоном вдруг поднимала голову и начинала лаять. Пётр Иванович часы эти чуть из рук не выпустил, когда пёсик вдруг загавкал. Все очень долго смеялись! А ещё Андрей под руководством самого хозяина дома готовил фейерверк, ведь лучшего фейерверкера, чем полковник Мелиссино, в Петербурге сыскать было невозможно.

Пётр Иванович встретил Фальконета и шевалье прямо в вестибюле, радушно пригласил их в гостиную.

– Я слушаю Вас, господа... Видно дело у вас нешуточное, коли в такой ранний час пожаловали.

Фальконет долго мялся, подбирая русские слова, не зная, с какой стороны приступить к делу. Ласкари решительно махнул рукой.

– Да что там слова искать! По-русски это называется «свататься»... Нынче Святки, а я узнал, что на Святки к невестам засылают сватов ... Я приехал к Вам свататься, Пётр Иваныч, а профессор Фальконет, значит, будет моим сватом, очень я его просил об этом одолжении ...

Мелиссино зычно захохотал.

– Ах, вот оно что! Такого смешного сватовства я в жизни не видел! Ну, а если серьёзно, господа, то сначала надо бы настроение невесты разузнать... Петербург – город, конечно, большой, но невесты с женихами из хороших домов все на виду... Вы мне нравитесь, шевалье, знаю, что жених богатый. Бецкой Вас любит, Фальконет – обожает... При дворе служите – значит, человек верный... Но наша невеста тоже не из рядовых будет. Вы её достоинства не хуже меня знаете, к тому же – одна из самых богатых в Петербурге... Говорили Вы с ней?

Ласкари потупился.

– Нет, Пётр Иваныч, у нас серьёзного разговора никак не получается – она то бранит меня, то смеётся надо мной. Не могу понять, что она в самом деле про меня думает.

– Это на Дарью Дмитриевну похоже! А Вы-то чего оро-

бели? Подполковником сделали, а к девицам подхода не имеете... Ступайте сейчас к ней, а мы пока в мой кабинет пойдём. У меня там много военных трофеев собрано, думаю, Вам, профессор Фальконет, моя коллекция оружия весьма любопытной покажется...

Ласкари ушёл туда, откуда доносился весёлый смех Дарьи Дмитриевны.

Он нашёл её одну в зале, где должно было состояться представление. Зал был большой, с театральными креслами для зрителей и сценой с тяжёлым бархатным занавесом. Шевалье начал без обиняков.

– Отчего Вы так невзлюбили меня, Дарья Дмитриевна? Когда я в Россию приехал, был никому неизвестный грек без гроша в кармане... А теперь вот – при каких деньгах!

– Ещё бы! – Презрительно дёрнула она плечиком. – Говорят, как только Вы полицмейстером в Шляхетном корпусе стали, у Вас сразу руки выросли с ящичком...

– Как это? – растерялся Ласкари.

– Да так... Про таких говорят ещё: «Взяток не берём, а благодарность принимаем»...

Это была правда. Шевалье не мог обогатиться за счёт трудов Фальконета – ваятель был щепетилен в деньгах до крайности, проверял каждую копейку, отпущенную на создание монумента, а его злейший враг генерал Бецкой проверял самого Фальконета, готовый в любую минуту схватить его за руку, а порой и не гнушаясь прямой клеветой в бездум-

ной растрате средств. В общем, здесь Ласкари пожить не мог, и потому всю отыгрывался в Шляхетном корпусе, пользуясь малейшей возможностью пожить за счёт офицеров и казны, мало обращая внимания на то, что сами офицеры презирали его как безродного выскочку, откровенного взяточника и казнокрада. Об этом, действительно, ходило много слухов в Петербурге.

– Мало ли чего говорят... Ведь и собой я, кажется, не урод... Отчего же с Вами всё не так?.. Я ночами не сплю, мечтаю, да об Вас думаю...

– Однако великая любовь ко мне не помешала Вам трижды за короткий срок на деньгах жениться...

– Так то ж на деньгах... Пустяки это всё... Послушайте, Дарья Дмитриевна, мы ведь с Фальконетом свататься к Вам приехали. А вместо этого я битый час насмешки Ваши выслушиваю...

Дарья Дмитриевна отшатнулась от него, распахнув и без того большущие глаза.

– Свататься? Да Вы с ума сошли! Я замуж вовсе не собираюсь!

– Как это не собираетесь?

– Да вот так! – Она помолчала. Потом, прямо глядя ему в лицо, продолжила медленно, подбирая слова. – А коли откровенности хотите, то извольте: есть у меня тайная любовь, да такая, что Вы себе и представить не можете... Ничего другого не хочу, только бы мне со своей любовью соединиться!

– Мудрено выразаться изволите, Дарья Дмитриевна. Кого Вы этакой необыкновенной любовью любите? Фон-Визина, что ли? Всё Вы с ним по углам шепчетесь, комедии какие-то разыгрываете... Или в Андрея влюблены? Что ж, красив да талантлив, росли вместе, отчего же не полюбить? Видел я, как он на Вас смотрит...

– Ничего-то Вы, шевалье, не поняли. Я Вам про Фому, а Вы мне – про Ерёму... Не о той любви я Вам говорю, про которую Вы думаете. А чтобы Вы навек про меня забыли и даром ни меня, ни себя не мучили, скажу прямо – я о театре Вам говорила. Театр я люблю, и век любить буду. Жизнь свою хочу театру отдать. Занавес буду отворять, да с театральными плотниками да мужиками стулья на сцене переставлять, только бы с театром во век не расставаться. Вам того не понять...

– Куда уж нам! То-то радость для дядюшки Вашего ...

– Дядюшка с тётушкой о мечтах моих не ведают, всё женихов богатых да ладных мне присматривают... Думаю, Вы, шевалье, прослышали, что я после малолетней дочери графа Брюса самая богатая невеста в Петербурге, от того и сватаетесь ко мне?

– Мне до Вашего богатства дела нет. Я теперь и сам не беден. Мне Вы сами надобны. И как человек нерусский, никакими обычаями да предрассудками не связанный, я, быть может, более других Вас понять способен... Коли замуж за меня выйдете, неужели, думаете, не сумею Ваших талантов

оценить?

– Прощайте. – Оборвала его Дарья Дмитриевна. – И оставьте глупости Ваши.

Она рванулась было к дверям, да столкнулась в них с дя-дюшкой.

– Куда это ты, матушка, такая злая? – Дарья Дмитриевна ему не ответила, только сердито рукой махнула и убежала. Мелиссино рассмеялся. – Поругались, что ли? Вот так сговор, ничего не скажешь... Не огорчайтесь, шевадье, племянница моя – девица вздорная, да отходчивая. Если чем обидела – не гневайтесь. Я с ней после потолкую.

– Не скажу, чтобы обидела, но и приятного мало сказала...

– Так что сказала-то?

– Сказала, что замуж вовсе идти не собирается.

– Ха-ха! Вот так язычок! – Захохотал Мелиссино на весь дом. – Как заспорит, так чушь и загородит... Глупа ещё, не обижайтесь...

– Напрасно Вы смеяться изволите, Пётр Иванович. Дело куда серьёзнее, чем Вам кажется. – Злобно сверкнул глазами шевадье. – Племянница Ваша на службу в театр собралась.

– Чего? – Отшатнулся от него хозяин дома. – На службу? В театр?! Совсем сбрендила девица! Кто же её пустит? – И крикнул во всё своё артиллерийское горло. – Дарья Дмитриевна! Ну-ка, изволь в гостиную пожаловать!

Ласкари засуетился, понимая, что при данной сцене ему

присутствовать негоже.

– Вы, шевадье, ступайте пока... – Откровенно гневаясь, согласился полковник. – Но вечером непременно приезжайте. Коли до вечера не передумаете на моей вертихвостке жёниться – при гостях согласие дам... Профессор Фальконет сейчас в кабинете, от моих военных трофеев его не оторвать, да я его до вечера и не отпущу. А Вы ступайте...

Ласкари удовлетворённо кивнул, поклонился и вышел.

– Что случилось, дядюшка? Что так громко? – Смиренно вошла в гостиную Дарья Дмитриевна.

– Это я должен у тебя спрашивать, что с твоей головой случилось? Чего это ты тут наплела шевадье?

– Это он Вам наплёл, а я ему правду сказала...

– Остра на язык... Выучил на свою голову! И пению, и музыке, и танцам...

– Я, дядюшка, Вам по гроб жизни за это ученье благодарна буду!

– Это мы с тётушкой много раз слышали. Только не надолго твоей благодарности хватило. Сядь-ка, матушка, передо мной. И скажи теперь, куда это ты свои ножки наострила? И отчего это ты вообще замуж идти не хочешь?

– Дядюшка, у Вас именины нынче... Давайте завтра поговорим. Очень серьёзный разговор должен получиться, не хочу я сегодня Вам настроение портить.

– Испортила уже. Говори, чего надумала?

Ох, и бурное вышло объяснение! Мелиссино гремел на

весь дом так, что перепуганные слуги разбежались по своим клетушкам и каморкам, словно мыши. Денис Иваныч с Андреем перестали обсуждать, каким образом должен раскрываться занавес на сцене, и замерли, прислушиваясь. Дарья Дмитриевна на вопросы дядюшки отвечала тихо и смиренно, но упрямо твердила своё. Пётр Иваныч, зная её нрав с малолетства, злился ещё больше, и кричал от бессилия ещё громче. Конечно, полковник Мелиссино не забыл, с каким удовольствием ещё в раннем отрочестве, будучи кадетом в Шляхетном корпусе, принимал он участие в домашних спектаклях, забавляя вместе с другими красавицу- императрицу Елизавету, дочь Петрову. Он любил театральные представления и теперь, когда наезжал в Петербург, неизменно посещал все новые спектакли и балеты, имел о них собственное твёрдое суждение, и в доме своём с удовольствием устраивал концерты и музыкальные вечера с приглашением лучших столичных актёров и приезжих музыкантов. Ему нравились театральные увлечения племянницы, но ему и в голову не могло придти, к чему эти упражнения могут привести.

– Так значит, решила ты, разлюбезная моя племянница, в актёрки податься... Ты, племянница полковника Мелиссино, исконная дворянка... А скажи-ка, есть ли сейчас женщины на придворных театрах?

– Есть...

– И сколько же их?

– Двенадцать уже...

– И кто же они?

– Две дворовые князя Голицына, остальные – девушки из Воспитательного дома...

– Так... Дожили... Где Денис Иваныч? Денис Иваныч! – Зычно крикнул он.

Фон-Визин появился мгновенно, словно стоял за дверью.

– Что случилось, Пётр Иваныч?

– Со мной-то ничего не случилось... Спросите, что с Дарьей Дмитриевной стряслось?

– Не пугайте меня, Пётр Иваныч, сделайте милость...

Мелиссино повернулся к Дарье Дмитриевне.

– Что молчишь-то? Вот и расскажи Денису Иванычу, с которым Вы всё комедии представляете, какую комедию ты со своими родными сотворила... – Дарья Дмитриевна молчала, глотая прозрачные слёзы, поэтому её дядюшка пояснил сам. – А решила она, дорогой Денис Иваныч, на придворный театр актёркой идти. Всем женихам дать отворот поворот, и на сцене каждый вечер перед мужиками выламываться...

Дарья Дмитриевна возразила тихо, но твёрдо, почувствовав незаметную поддержку друга.

– Дядюшка, ныне... Самые знатные люди на сцене представляют... Сам Наследник в балетах участвует, императрица для себя зазорным не считает, а графиня Брюс почти во всех спектаклях главные роли разыгрывает...

Мелиссино сердито погрозил ей пальцем.

– Не хитри, матушка! На куртагах придворные от скуки на

все руки, а актёры на сцене за жалование роли представляют. Что, Денис Иванович? Вы запудрили ей мозги своими пьесами да спектаклями, Вам и в чувство её приводить!

Фон-Визин, и в самом деле, растерялся.

– Новость эта, Пётр Иванович, и для меня удивительна. Мы никогда о таком с Дарьей Дмитриевной не говорили. Я только одно могу сказать – талант у Вашей племянницы замечательный. Необыкновенный талант, это все, кто в театральном деле толк имеют, могут подтвердить... Сама императрица её отмечала не один раз...

– Я думаю, что императрица не шибко рада будет, когда у неё все дворянки побросают свои семейства и на сцене представлять начнут... Вы, Денис Иванович, в нашем доме почти что родственник, вот и будете свидетелем решения моего. Коли поручил Господь мне сие дитя неразумное, значит, мне за него и отвечать. Сегодня вечером, коль гостям объявлено, комедию Вашу представляйте чин по чину, чтобы комар носа не подточил, и никто в зале ни об чём догадаться не смог... А вот после – не обессудьте, Денис Иванович, пока я жив, Дарья Дмитриевна на сцене представлять более не будет. Сегодня же о сватовстве кавалера Ласкари гостям объявлю, и замуж сию красавицу выдам незамедлительно. А там пускай муж решает, куда её девать – в глухомань деревенскую везти или на сцену выпускать...

Тут-то Дарья Дмитриевна не выдержала.

– Дядюшка, под Качелями в балагане такое про Ласкари

представляют... Будто он всех трёх своих жён отравил, чтоб их деньги получить... Вы хотите, чтоб я четвертой была?

Мелиссино её слов будто не расслышал. Редко он бывал в столице, к дамским пересудам никогда не прислушивался, после долгого отсутствия в доме и без того было о чём с женой поговорить.

– Мало ли в балаганах дурацких представлений дают... Дураки и дают. Человек он в городе известный, богатый сказочно, подполковник... Знаешь ли, что он ныне директором Шляхетного корпуса назначен? Бецкой его любит как сына, у Фальконета – правая рука...

– Денис Иваныч, заступитесь! – Взмолилась Дарья Дмитриевна.

– Я Ласкари плохо знаю. Только, Пётр Иваныч, коли Вы во мне родню признали, Христом Богом прошу – не спешите с замужеством Дарьи Дмитриевны...

– Я решений своих не меняю. – Твёрдо заключил Мелиссино. – Сейчас более Вас обоих не держу, готовьтесь к вечеру, и чтобы гости довольны были! А ты племянница – благодарствуй, низкий поклон тебе, поздравила с именинами...

Дарья Дмитриевна виновато потянулась к нему, но он отодвинул от себя её руки.

– Прочь с глаз моих!

Денис Иваныч Фон-Визин, разбирая нудные бумаги в ведомстве Елагина, всегда был аккуратен до педантичности.

Но сегодня на улице подметала снег метель, завывал северный ветер, весь день выдался такой мрачный, что опять страшно заболела правая половина головы. Бороться с этой болью было бессмысленно, и Денис Иванович, замотав голову шерстяным матушкиным платком, который он в тайне на этот случай держал в столе, забился в угол своего большого кресла и, постовав тихонько, совсем по-стариковски, в конце концов пригрелся и задремал.

И увидел Денис Иванович себя совсем юным мальчуганом. Увидел, что идёт он по мраморным ступеням Иорданской лестницы Зимнего Дворца, он и ещё несколько таких же испуганных и счастливых мальчиков, которых ведёт за собой любимый их учитель Иван Иванович Мелиссино. А наверху стоит красавец Иван Иванович Шувалов и терпеливо дожидается, пока они поднимутся... И рядом с ним – сама императрица, в необыкновенно красивом наряде, платье у неё всё обсыпано бриллиантами, она смотрит на мальчиков и улыбается приветливо и ласково.

– Ваше Величество, – говорит Шувалов. – Позвольте представить Вам директора гимназии при Академии Наук, Ивана Ивановича Мелиссино... Он привёз в Петербург лучших учеников своих, которые, несомненно, прославят отечество наше...

Елизавета Петровна смеётся, что-то говорит и Шувалову, и Мелиссино, потом наклоняется к детям, которые по-взрослому представляются ей.

– Денис Иваныч Фон-Визин... – Кланяется он и отступает, предоставляя место товарищу.

Но за его спиной никого нет. Мелиссино страшно смущён.

– Я хотел представить Вам ещё одного своего замечательного ученика, Ваше Величество... Это Григорий Александрович Потёмкин... Но он, видимо, потерялся в пути, испугавших такого скопления людей...

Императрица опять хохочет. А кругом такие же весёлые и нарядные дамы и кавалеры, голубые и красные ленты, тысячи свечей, отражающихся в зеркалах, блеск бриллиантов на дорогих платьях, и, наконец, гром многочисленного оркестра...

– Денис Иваныч, – вдруг слышит Фон-Визин ласковый голос Мелиссино. – Денис Иваныч...

Но это уже не Мелиссино, а Иван Перфильевич Елагин тряс за плечо своего секретаря, уснувшего над бумагами.

Фон-Визин проснулся не сразу, смущённо вскочил с места, стыдливо стащил со своей головы матушкину шаль.

– Господи, стыд-то какой! Простите, Иван Перфильевич!

– Так-то Вы челобитными занимаетесь? – Шутливо погрозил тот пальцем. Потом спросил сочувственно. – Опять голова заболела, что ли? Над чем заснули-то?

Елагин взял со стола бумагу, которую переписывал до того Фон-Визин, посерьёзнул.

– Молодо-зелено... Над такой бумагой заснуть мудрено...

– И прочитал вслух – Указ «... О неподавании челобитен

в собственные Ея Величества руки»... А коли подадут, что же? А то, что «те челобитчики наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск...». Что делать? Воля Божья, суд царёв... Да я Вам сейчас настроения прибавлю, у меня такой Указ есть, что Вас непременно обрадует... Назначен я государыней директором императорских театров... Что?! Довольны Вы теперь?

– Доволен ли я?! – Возликовал его секретарь-литератор. – Да о таком счастье можно было только мечтать!

– Нам с Вами нынче такая свобода дана, – сам, радостный и довольный новым назначением, рассказывал Елагин, – любую пиесу переводите, любую пишите – всё на театре представлено будет!

Елагин ушёл, а Денис Иваныч, дописав до конца мрачный императрицын указ, задумался о своём. Давеча в доме у Петра Иваныча Мелиссино, когда разразился скандал промеж ним и племянницей, Фон-Визин впервые услышал, про сватовство Ласкари к Дарье Дмитриевне. Полковник словно с цепи сорвался, так гостям и объявил о сватовстве шевалье, пообещав, что все скоро услышат, когда свадьба будет, как только хозяйка дома вернётся... Фальконет, выполнив непонятную ему функцию свата, был задумчив и печален, так печален, что Фон-Визин не преминул пригласить его в свою карету, чтобы скрасить путь до дома приятной беседой. Фальконет не отказался. В суть домашнего скандала у Петра Иваныча он не вникал, пожалуй, он его даже не заметил, заня-

тый своими мыслями, но всю дорогу не переставал жаловаться на равнодушие к его делу императрицы, на придирки и самодурство Бецкого. И хотя его жалобный тон несколько прискучил молодому и весёлому Фон-Визину, но когда ваятель начал расхваливать Ласкари, называть его единственным своим помощником и деловым партнёром, Денис Иванович вспомнил вдруг о подмётном письме, которое тот подложил когда-то в карман Фальконета, чуть было не проговорился о том, да передумал. Цель этого письма оставалась ему неясной, и, хотя прошло немало времени с той поры, Фон-Визин решил всё для себя выяснить, тем более что похождения шеваляе давно будоражили весь Петербург.

Когда Фон-Визин пришёл в портретолитейный дом, Ласкари сидел над амбарными книгами. Расчёты он вёл грамотно и чётко, почти не совершая ошибок.

– Добрый день, шеваляе... – Поздоровался Денис Иванович. – Могу я увидеть профессора Фальконета?

Ласкари почти не поднял головы.

– Он на своём помосте... Я Вас к нему отведу, если подождёте несколько... Мне надо расчёты срочно завершить...

– Благодарю Вас, шеваляе... Только не следует мешать художнику в минуты вдохновения... Я оставлю для него вот эту книгу, он меня очень просил о ней...

Фон-Визин положил книгу на указанное место, направился было к двери, но остановился в нерешительности...

Ласкари недовольно оторвался от бумаг. Он давно не нуж-

дался в уроках по русской речи и теперь бывший ментор как свидетель его бывшего невежества постоянно действовал ему на нервы.

– Вы что-то ещё желаете, Денис Иванович?

– Пожалуй... – Наконец, решился Фон-Визин и сразу без лишних слов ринулся в атаку. – Я давно желал с Вами поговорить, шевадье, всё искал случая... Наши пути теперь редко сходятся, я бы заметил, к счастью... Дело в том, что я принимаю самое горячее участие в профессоре Фальконете... Скажите, шевадье, зачем Вы так вредите ему?

Ласкари искренне поразился.

– Бог мой! Откуда Вы это взяли? Спросите у самого Фальконета, как он ко мне относится... Я ему, быть может, единственный друг...

Фон-Визин усмехнулся.

– Вы самонадеянны, шевадье... Насколько мне ведомо, у Фальконета в Петербурге друзей нет...

Ласкари отложил карандаш, со злостью отодвинул кресло.

– Не всё Вам ведомо, Денис Иванович... О каком вреде профессору Фальконету Вы изволите речь вести? Заботы о монументе сейчас – моя основная служба.

Но, приняв решение всё выяснить до конца, Фон-Визин не отступал.

– Помните ли, шевадье, как на Пасхальной неделе мы встретились под Качелями? Вы ещё тогда Дарью Дмитриевну в толпе искали?

Ласкари пожал плечами.

– Помню. Ну, так и что?

– Дело в том, сударь, что я видел, как Вы подмётное письмо в карман Фальконету положили... Монумент он создаёт – гениальный, и как человек он мне весьма симпатичен... Зачем Вам надобно его в тоску вгонять? Ему и так в нашей столице несладко...

Ласкари почти не смутился, только криво усмехнулся, искоса взглянув на Фон-Визина.

– А... Вы про то письмо? Ну, что ж... Коли видели, так упираться не стану... И по секрету Вам скажу, что были и другие письма того же рода...

– Так зачем Вам это? Зачем, коли Фальконет Вас самым преданным помощником считает?

Ласкари вновь опустился в кресло, развалился в нём, насмешливо глядя на Фон-Визина.

– Вам это трудно будет понять, Денис Иванович... Но я постараюсь объяснить... Причина в том, что мне, не меньше, чем генералу Бецкому, надобно, чтобы Фальконет совсем один остался. Тогда он во мне не только помощника надёжного найдёт, но и в дружбу мою поверит... А поскольку монумент его – гениальный, как Вы здесь только что заметить изволили, то рядом с его блестящим именем и моё не потускнеет...

– А коли я скажу ему об этом?

Ласкари расхохотался, смеялся долго и зло.

– Вы того сделать не посмеете, дорогой Денис Иваныч... Фальконет Вам, может быть, и поверит, и меня от себя прогонит... Только такой незаменимый помощник, как я, вряд ли для него скоро сыщется. Бецкой тому только рад будет, и дело совсем остановится...

– И всё-таки я скажу ему... – упрямо повторил Фон-Визин.

– Да не скажете!..

– Нынче же возьму и скажу!

Ласкари резко перестал смеяться, поднялся с кресла, подошёл к Денису Иванычу вплотную и почти прошипел ему в лицо.

– Говорите! Только я наперёд скажу Бецкому, что Вы про него сатиры по Петербургу распространяете...

– Какие это сатиры? – остолбенел Фон-Визин.

– Вот такие, например... «О, Клиим! Дела твои велики... Но кто хвалил тебя? Семья и два заики»...

Фон-Визин перевёл дух, вздохнул с облегчением.

– А кто Вам сказал, что это я написал? И вообще... Такая сатира про кого угодно быть может, почему Вы решили, что она о Бецком?

Сатира, конечно, была о Бецком, да и написал её никто иной, как Денис Иваныч, но доказать это было совершенно невозможно.

– Хорошо, допустим... – Согласился Ласкари.– А вот эта как?

« Иван Иваныч Бецкий
Человек немецкий,
Носил мундир шведский...
Воспитатель детский
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур»...

Фон-Визин совершенно успокоился, пожал презрительно плечами.

– С чего это Вы мне, шевалье, всё чужие слова приписываете? Хоть объясните, сделайте милость, «шестьдесят кур набитых дур» – об чём это?

– Будет Вам прикидываться! А то Вы не знаете, что это про выпускниц Смольного института...

Теперь уж Денис Иваныч рассмеялся.

– Заметьте, шевалье, это Вы мне сказали, а не я Вам...

– Ладно, ладно... – Поджал губы Ласкари. – Мне, конечно, в остроумии Вас не перещеголять, комедий я писать не умею... Только если Фальконету про подмётные письма расскажете, то все в Петербурге очень скоро узнают, что Вы в доме друга своего с известной замужней особой наедине встречаетесь... Вы того желаете?

Это был удар, что называется, ниже пояса. У Фон-Визина дух перехватило. Он дёрнулся было к Ласкари, но тот предусмотрительно отскочил в сторону, снова злорадно захохотал.

– Каков эффект, а? Что?! Шевалье де Ласкари, не так прост, как Вы его считали?! Да у меня весь Петербург от последнего извозчика до императрицы – вот где! – И он показал Денису Ивановичу тонкий круглый кулак.

Фон-Визин понемногу приходил в себя.

– Да уж... Не вор, не тать, да на ту же статью... Теперь понятно, кто самый главный сплетник в Петербурге...

– Говорите, говорите... – Ласкари больше его не боялся, вышел из своего угла и спокойно направился к креслу. – Только коли я говорить начну – всем, кто на пути моём встанет, худо будет...

Фон-Визин проиграл. Он пошёл к двери совершенно расстроенный и столкнулся с входящим в мастерскую Андреем. Тот вопросительно взглянул на него, Денис Иваныч только досадливо рукой махнул.

Андрей был занят своими мыслями, и переживаниям Дениса Иваныча он не придал особого значения.

– Здравствуйте, шевалье...

Не один день и не одну ночь просидел Андрей над чертежами механики по перетаскиванию Гром-камня. Принцип её был прост, как колесо. Но это было серьёзное инженерное сооружение, которое требовало такого же серьёзного отношения. Андрей инженером не был, тем не менее, он не только начертил, но даже соорудил небольшой макет своей машины, который работал безукоризненно. Не смотря на военное положение в собственном доме, Пётр Иваныч был весь-

ма доволен занятиям Андрея, всячески его поощрял, отсылал спать по ночам и, оставшись один с его чертежами, внимательно проверял все предварительные расчёты. Много лет назад нашёл он в мастерских при Академии художеств этого парня, который вместе с другими смышлёными малолетками осваивал там азы ремесла. Сам человек одарённый, Мелиссино угадал в нём талант, забрал к себе в дом, сделал воспитанником, обучил различным ремёслам и дал образование – Андрей не хуже своего благодетеля разбирался в химии, а в механике так преуспел, что Пётр Иваныч немало гордился им. Но как ни славно было Андрею в доме у Мелиссино, как ни ценил он то, что ему, одинокому сироте, подарил Господь, всё-таки он хотел жить самостоятельно, иметь свою собственную мастерскую, а может быть, даже собрать артель таких же мастеровых дельных людей. Столица строилась и расцветала на глазах – дома, дворцы, набережные, каналы – везде нужны были умелые руки. Андрей не бедствовал, и хотя жил и питался он в доме Петра Иваныча, выполняя самые разнообразные обязанности по хозяйству, он и своими изобретениями зарабатывал немало. Немало получал он и в театрах за всякие придуманные чудеса с провалами и превращениями, императрица за удовольствия платила щедро. Но для создания своего собственного дела нужны были большие деньги. Услышав про обещанные семь тысяч за механику по перетаскиванию Гром-камня, Андрей загорелся. Месяцы, проведённые над чертежами, прошли не зря. Дело бы-

ло сделано. И, как ни был неприятен Андрею Ласкари, зная, что он назначен главным исполнителем монаршей воли по перетаскиванию подножия к монументу, он, не найдя его в Конторе строений, направился прямо в портретолитейный дом, взяв с собой плотно скатанный рулон с чертежами своей механики.

Ласкари поднял голову при его появлении. На его лице ещё блуждала злорадная улыбка – знак Пирровой победы над Фон-Визиным.

– Здравствуй, коли не шутишь... Скажи-ка мне прежде всего, что в доме твоего благодетеля делается? Что Дарья Дмитриевна?

– Грешно Вам спрашивать, шевалье... Сами дом наш с ног на голову поставили, а теперь вопросы задаёте... Стыдно Вам должно быть, шевалье, так девушку изводить...

Ласкари усмехнулся, снова вальяжно развалился в кресле.

– Ни сколько не стыдно, сама на свою голову беду накликала... Ничего, вот свадьбу сыграем, моя любовь...

– Хороша любовь! Дарью Дмитриевну до Вашей свадьбы под ключ посадили.

Андрей в короткие минуты отдыха бродил по дому с красными от бессонницы глазами и потихоньку навещал опальную Дарью Дмитриевну, которой, как и всем другим, секрета своего не раскрывал. Она же сама была настолько зарёванной и опухшей от слёз, что замечать изменения во внешности других была вовсе не в силах. Пётр Иваныч видеть её

не желал и на днях должен был опять уехать в войска. Кроме Андрея к ней допускалась только горничная, да тётушка Мария Петровна, которая в последние дни тоже много плакала, похоронив свою престарелую матушку. Обедала опальная девица в своей комнате иногда вместе с любимым маленьким кузеном Алёшей...

Ласкари сел прямо и спросил неожиданно серьёзно.

– Так что прикажешь мне делать?

– Я бы дал Вам совет, только Вы меня сразу прогоните, а мне надобно по делу с Вами переговорить...

– Дело подождёт. У Гром-камня ноги не вырастут. Что про Дарью Дмитриевну сказать хотел?

– Да отступитесь Вы от неё, шевалье! Неужто Вам хорошо будет с девушкой, которая Вас терпеть не может?

Ласкари фыркнул, покачал головой. Сказал упрямо.

– Как это Вы, русские, говорите? Учил меня когда-то Денис Иваныч... «Стерпится – слюбится»...

Андрей покачал головой.

– Я Дарью Дмитриевну сызмальства знаю – никогда она Вас не полюбит! И, чем больше досаждать ей будете, тем более ненавидеть станет...

– Ишь, умный какой! Я в Париж её увезу, или в Грецию, на родину свою... Там жизнь совсем другая, чем в Петербурге, и Дарья Дмитриевна другой станет... Никуда не денется – полюбит...

– Никогда!

Ласкари, растеряв все свои аргументы, сердито махнул рукой.

– Пошёл вон! Хотя стой! Чего ты мне сказать хотел?

Андрей насмешливо посмотрел на него.

– Дело-то пустяковое... Я механику придумал, как скалу Фальконетову поднять, да через болота к заливу перенести...

Ласкари даже подскочил.

– Врёшь! Говори!

Андрей спокойно покачал головой и сказал твёрдо.

– Говорить я буду в Конторе строений, меня там все знают. Я за Вами пришёл, коли Вы в этом деле главный.

– А отчего не хочешь здесь говорить?

– Да оттого, что не верю Вам. Человек Вы хитрый, себе на уме: говорите одно, делаете другое...

– Ишь ты... Бецкой с Фальконетом мне верят, а ты – нет...

– То-то и оно! Бецкой с Фальконетом друг друга задушить готовы, над тем весь Петербург потешается, а Вы с обоими дружить успеваете. Как это у Вас получается?

– Подумаешь! Мне по сему поводу ваш Фон-Визин ещё одну поговорку говорил... Ага... «Двое плешивых за гребень дерутся»... А мне по должности своей со всеми дружить надобно! Ты мне про свою механику рассказывай. Знаешь ведь – императрица семь тысяч обещала тому, кто её придумает.

– Всё знаю. От того и не хочу с Вами наедине толковать...

– Думаешь, украду твой секрет? Да у такого разве украдёшь? Глаза выцарапаешь...

– Деньги всем нужны. А заработанный ломоть лучше краденого каравая...

– Деньги? А зачем тебе деньги? Мне вот сейчас и деньги-то не в радость...

Андрей насмешливо присвистнул.

Но Ласкари задумался и вдруг сказал неожиданно искренне.

– Столько лет столице Вашей отдал, а уеду из России – разве вспомнит кто?

Андрей удивился.

– А зачем, чтоб помнили? Господь наши добрые дела знает...

Шевалье спохватился, снова приняв своё обычное выражение.

– Господь... Дурак ты... Мне того мало. Надо, чтобы люди помнили.

Андрей повернулся к двери.

– Если Вы и впредь меня дураком величать будете, я сразу к Бецкому пойду...

Ласкари, наконец, поднялся с места, подошёл к нему, крепко сжал его локоть.

– Ладно, послушай... – Повлёк он парня обратно в мастерскую. – Я про твои таланты знаю... Чтобы ты ни придумал – это всё равно не пустяки... Я у Вашего Фон-Визина

хорошо выучился русскому. Помню, что и маленькая рыбка лучше большого таракана... Продай мне мысль свою... Голову продай...

Андрей опешил, насмешливо спросил.

– Как это Вы представляете – голову свою продать?

Ласкари говорил теперь деловито и спокойно. Он принял решение.

– Я тебе заплачу... Ты – человек честный, цену своей механике знаешь, сколько назовёшь, столько и заплачу... А коли и вправду машина твоя скалу Фальконетову к заливу доставит, то и семь тысяч царских получишь, все до копейки отдам... А мне твоя слава нужна. Понимаешь? Только слава. Вот её и продай!

– Никогда не думал, что человек может так своей гордостью съедаться! – Удивлённо посмотрел на шевалье Андрей. Подумал несколько и покачал головой. – Нет, подполковник! Отчего же и мне подле Фальконетова монумента не прославится, да царское вознаграждение из рук самой императрицы не принять? Не продам я Вам свою голову, шевалье. У крыльца коляска ждёт. Едете Вы в Контору строений?

Ласкари крепко держал его локоть, не отпуская от себя.

– Подожди, Андрэ... – Он начал говорить медленно, взвешивая каждое слово. – Так говоришь, Дарья Дмитриевна под замком сидит? Послушай... А что если я завтра отпишу Петру Иванычу, что отказываюсь от своего слова? Ничего, мол, Ваша Дашенька не любит, кроме комедий своих... А мне до-

ма не актёрка нужна, а подруга нежная... Ну, что-нибудь в таком же роде... Если я от Дарьи Дмитриевны откажусь, хоть и люблю её пуще жизни своей, это и в самом деле правда роковая, – продашь мне механику свою?

Андрей остолбенел. Такого он не ожидал. Он знал Дашеньку с малолетства, когда гулял с ней и нянюшкой в саду, маленькая толстушка всегда крепко держалась за его палец. Вместе читали они первые книжки, вместе учили французский язык... Он растолковывал ей трудные для неё математические задания, которые казались ей какими-то шарадами или ребусами, она учила его танцевать и даже петь, потешаясь над его неловкостью и радуясь успехам... У них был общий дом и общая жизнь. Дашенька для Андрея была просто младшей сестрой, и он принимал самое большое участие в её судьбе. Правда, его попытки поговорить с Петром Ивановичем оказались безуспешными, но ведь и другие заступники посильнее него потерпели фиаско – ни тётушкины уговоры, ни попытки Дениса Ивановича тоже ни к чему не привели... Но... Андрей совершенно растерялся. Расставаться с мечтами о собственном деле, о своей артели как-то вот так, сразу – было несказанно тяжело. Впервые он поверил в искренность шеваляе: слишком серьёзен тот был, не ухмылялся, как всегда, не важничал, смотрел прямо в глаза, а главное – говорил такие странные, неожиданные, но очень убедительные слова...

– Ну, чего молчишь? – Осторожно спросил Ласкари.

– Думаю... – Искренне ответил Андрей.

– Что ж, подумай... – Согласился шевалье. – Дело-то и вправду серьёзное...

Андрей думал: если Ласкари от Дашеньки откажется – осрамит её на весь белый свет. И Петра Иваныча жалко – как бы удар от такого позора не хватил... И всё-таки он, наконец, решился.

– Коли откажетесь – продам Вам механику свою.

Если бы шевалье был немного внимательней, если бы он был более чуток к людям, он заметил бы слёзы в глубине больших глаз Андрея, прикрытых белёсыми обожжёнными у плавильной печи ресницами.

Но Ласкари только подскочил на стуле от радости.

– Всё! Слову моему можешь верить! Давай твои чертежи! Хоть и ноет душа, но откажусь от Дарьи Дмитриевны! Сегодня же слово назад возьму. Вечером к Мелиссино поеду...

– Отпишите ему лучше. – Грустно ответил Андрей. – В гневе и пришибить может... А чертежи – вот они...

Ласкари схватил чертежи, нетерпеливо их развернул...

– Так... Желоба... В них шары... Сверху ещё желоба, на них решётка, на ней – Гром-камень... Господи, до чего же просто...

– А коли так просто, что ж сами-то не догадались?

Ласкари только отмахнулся. Андрей теперь его вовсе не занимал.

– Сейчас еду в Контору строений! – Засуетился он. – Надо

немедля к делу приступать! Затем – к Бецкому... А может быть, сразу к императрице? Нет, тотчас она меня не примет, я прежде всего ей отпишу... Надо только очень хорошо продумать, как написать...

Андрей спокойно положил тяжёлую руку на чертежи.

– Погодите-ка...

Ласкари недовольно взглянул на него.

– Чего тебе ещё?

– Дорога по Лахтинскому лесу – не Невская перспектива... Она и повороты делает... А на поворотах механика другая нужна, та, что на чертежах, – не годится... А вот как поворачивать Гром-камень, я Вам пока не скажу. Не сдержите слово, обманете – сам к Бецкому с чертежами пойду... У меня несколько копий имеется...

Ласкари одобрительно поглядел на него. Такого он от простоватого Андрея не ожидал.

– Хитёр, ничего не скажешь... Ты завтра сюда приходи. Всё ясно будет – сдержал я своё слово или нет. Ты своё сдержи.

– А я, шевалье, никогда болтуном не был, – Андрей спокойно убрал свою руку с чертежей.

Бецкой с докладом к императрице о долгожданной механике опоздал. Его опередил Ласкари, написав государыне короткую деловую записку, что-то вроде технического отчёта. То, что дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки, в которой простояло без малого три года, Екатерину обрадовало. Она

от души посмеялась над разочарованием старого генерала, который поначалу был страшно раздосадован, что пронырливый грек его опять опередил, но вскоре собрался с мыслями и стал подробно рассказывать, как долго пришлось ему объяснять шевалье свой гениальный замысел насчёт шаров и полозьев. Императрица не поверила ни тому, ни другому, но кому, в самом деле, принадлежала эта гениальная идея, совершенно её не интересовало, главное, что механика была найдена.

Что до Ивана Ивановича Бецкого, то, желая как следует прочувствовать пронырливого выскочку, он взял да и поручил именно ему воплощение идей, изложенных на бумаге. Сам-то он с трудом представлял, как организовать эти самые работы, такого масштаба, коего в Петербурге ещё не видывали. Он не мог даже предположить, сколько именно людей потребуется для этого, сколько нужно будет кузнецов и плотников, каменщиков и лесорубов... Конечно, Иван Иванович трусил немало, боясь провалить дело, за которое отвечал перед императрицей, но он крепко верил в профессионализм своих инженеров из Конторы строений, которые до сих пор его никогда не подводили. Он верил в инженеров, но надеялся на провал Ласкари, без которого не мог теперь обойтись, но который постоянно возникал между ним и государыней в самые неподходящие моменты. Но Бецкой ошибся. Провала не случилось. Ласкари легко взвалил на плечи огромную ношу, и достойно пронёс её до самого блестящего финала.

Ах, какая была работа!

Инженеры Конторы строений сначала сделали модель механики в одну десятую величины. Модель прошла испытания великолепно: маленькая механика протащила груз на нужное расстояние. Ласкари был среди испытателей. С ним советовались, он уверенно разъяснял, что-то подсказывал. В чертежах теперь он разбирался безукоризненно.

Потом перешли к изготовлению механизма в натуральную величину. Пётр Иванович Мелиссино указал Ласкари на Емельяна Хайлова, лучшего литейщика в Арсенале. Именно ему поручили отливать шары из бронзы по тому самому составу, который изобрёл когда-то сам Мелиссино. Деревянные желоба обивали медью, и долго катали по ним эти шары для пробы... Кроме того в артиллерийских мастерских отливались гайки и болты для механики, всякие втулки и винты для подъёмных механизмов и воротов...

Лес и болота в Конной Лахте ожили. Зима была с частыми оттепелями, она помогала строителям. Вокруг камня рыли котлован, устанавливали ворота, строили казармы, кузницы, разворачивали походные кухни. Вырубался лес от залива к месту работ. В топкие болота вбивались брёвна и сваи... Делали это всё солдаты и работные люди, число их по подсчётам Ласкари доходило иногда до тысячи и даже более человек...

Шевалье был вездесущ: он находился, казалось, сразу во всех местах. Он торопил старост артельщиков, офицеров

и солдат, что-то заставлял переделывать, что-то укрепить прочнее. От него не отмахивались – его с уважением слушали, ему подчинялись. Это был апогей его славы – он словно летал на крыльях, у него всё получалось, ему нравилось быть главным...

Приезжал Бецкой, много с проверкой не ходил, оставался доволен увиденным, но всё равно торопил самого Ласкари. Тот злился, но соглашался, кивал... Только ранней весной удалось вытащить Гром-камень из земли, в которой он покоился, наверно, не один век, и уложить на решётку, установленную на шарах. На сей раз всё и кончилось: зыбкая болотистая почва расползлась, дорога, накатанная за зиму, раскисла. Только и осталось, что всё лето вбивать в болота огромные сваи, готовя зимний путь к воде...

Пётр Иваныч Мелиссино, получив дерзкую записку от Ласкари, в которой он без каких-либо объяснений отказывался от своих претензий на руку Дарьи Дмитриевны, был страшно разгневан, но встретиться с наглецом не успел – ше-валье уехал выполнять свою новую миссию в леса Конной Лахты, а сам Мелиссино был срочно отозван в действующую армию. Длительная, затяжная война с Турцией требовала его постоянного присутствия в войсках, где ему была доверена вся русская артиллерия, которая так славно отличилась в сражениях под Хитином весной 1769 года. Дарью Дмитриевну, наконец, выпустили из-под замка. Тётушка, выполняя строгие наставления мужа, о котором она страшно беспоко-

илась денно и ночью, участвовать племяннице в домашних спектаклях не позволяла, но на приёмы и куртаги её с собой все-таки возила. Дарья Дмитриевна там часто встречалась с Денисом Ивановичем, который о случившемся очень сожалел, и всячески препятствовал разным досужим слухам и сплетням вокруг имени своей приятельницы. Он часто навещался и в усадьбу Мелиссино, интересовался письмами от Петра Ивановича и всегда привозил самые последние книжные новинки и новые журналы для Дарьи Дмитриевны. Она же за прошедшее время очень посерьёзнела и повзрослела, и решение её связать свою жизнь с театром становилось с каждым днём всё обдуманней и твёрже. От тётушки своих мыслей она не скрывала, но Марья Петровна, которая очень племянницу любила, только тяжело вздыхала и крестилась, и, поцеловав Дарью Дмитриевну в лоб, тотчас же переводила разговор на другую тему.

И вновь наступила зима. Вокруг Гром-камня возобновились работы. С нетерпением ждали морозов, которые должны были укрепить дорогу. Петербург бурлил, во всех салонах обсуждались последние новости из лахтинского леса. Императрица ежедневно выслушивала доклады от Бецкого. Имя Ласкари не сходило с уст столичных дам, иногда он внезапно появлялся в каком-нибудь доме на балу, его тут же окружали, расспрашивали, узнавали последние новости: Гром-камень неспешно двигался к заливу, проделывая то двадцать три сажени в сутки, то целых сто тридцать... К месту ра-

бот началось настоящее паломничество, на санях и верхом, любопытные приезжали посмотреть на движение скалы по медным шарам. Ласкари был на вершине славы, но и этого ему было мало. Однажды он решился и одним росчерком пера вновь, минуя своего патрона, написал императрице. В самых почтительных, самых высокопарных выражениях он пригласил «северную Семирамиду» (однажды удалось ему услышать, что так называл в своих письмах Екатерину сам Вольтер) посетить лахтинский лес, чтобы самой убедиться, как выполняется её монаршая воля. И государыня вдруг согласилась. Усмехнувшись над высокопарным слогом своего «засланного казачка», она вызвала нужных людей, назначила день и велела готовиться к поездке в Лахту. Было у неё ещё одно дело, которое непременно нужно было решить попутно. Все придворные были оповещены, и в назначенный день, не смотря на невиданный мороз, кавалькада двинулась в путь. Императрица своих решений не меняла никогда.

Казалось, в тот день в Лахту направился весь Петербург. За санным экипажем государыни тянулся длинный ряд расписных саней придворных. А далее по гладкой накатанной дороге от самой столицы – сани горожан, самые разные – побогаче и попроще. Ехали целыми семьями, изо всех окон глазели ребятишки, сопровождаемые няньками и гувернёрами.

А вместе с государыней в зимней карете ехали Григорий Орлов, Иван Иванович Бецкой и доктор Димсдэль, вызванный императрицей из Лондона. Доктор был молод и любопытен,

он рассматривал в окно русские зимние пейзажи и мало прислушивался к разговору – по-русски он совсем ничего не понимал.

– Я рад, матушка, – говорил Иван Иванович, – что ты решилась посмотреть на мои труды во славу твою совершающиеся... Люди наши работают не за страх, а за совесть, даже морозов нынешних не страшатся... Только ранняя темнота им служит помехою... Механика по перевозке Гром-камня, под моим руководством созданная, работает исправно...

Екатерина хитро прищурилась.

– Неужто, Иван Иванович, ты и вправду сам сию механику придумал? Ты ведь инженерному делу не обучен...

– Инженерным ремеслом не владею – это точно, матушка... – Упрямо поджал губы Бецкой. – Но ведь надо было только основу положить... Я тебе столько раз сказывал... А далее я своим инженерам передал...

В разговор вмешался Орлов. Он недолюбливал Бецкого и был рад его ушипнуть.

– А мне донесли, Иван Иванович, что основа этой механики твоим шевалье придумана... Ласкари-то, говорят, весьма ловко со всеми делами управляется...

Бецкой в конец обиделся.

– Шевалье де Ласкари только исполнитель воли моей. Дело у него спориться, это верно, только сам он ничего не решает, только моих приказов слушается...

Екатерина пожалела старика.

– Ну, и будет о том, не сердчай... Поговорим-ка с доктором, а то он, нас не понимая, заскучал совсем... – И, повернувшись к нему, спросила по-английски. – Нравятся ли Вам наши леса, доктор Димсдэль?

– Весьма нравятся, Ваше Величество... В Англии такого не увидишь... Дозвольте спросить, долго ли ещё ехать до той деревни, где мы должны принять ребёнка, выбранного для произведения прививки оспы Вашему Величеству?

– Думаю, что скоро совсем... – И государыня приняла вид серьёзный и озабоченный. – Вы, доктор, мне ещё раз должны поклясться, что ребёнок сей от экзекуции Вашей не пострадает и совершенно здоров будет...

Доктор засуетился, заспешил, путаясь в словах.

– Государыня, я столько раз Вас успел заверить... В Англии опыт сей давно распространён, никто ещё ни от прививания оспы, ни от взятия ничтожной капли крови не пострадал...

Ласкари очень нервничал, ожидая поезд императрицы. Всё было готово, четыреста человек солдат и рабочих грелись у костров, готовые к работе. Скрипели ворота, лёгкость их движения проверяли снова и снова... Шевалье устал ждать. Накричав без причины на старосту и пнув по пути солдата, подвернувшегося некстати под руку, он прыгнул в седло своего застоявшегося в тёплом сарае коня, и поспешил навстречу государыне. Он проскакал без малого с десятков вёрст, пока, наконец, увидел впереди длинный поезд с

государевой каретой, которая остановилась у крепкого крестьянского дома, стоявшего у самой дороги. За ней встал и весь императорский поезд, протянувшийся от Лахты почти до самого Петербурга. Ласкари очень удивился.

Не привлекая ничьего внимания, да и чьё внимание он мог привлечь в присутствии императрицы! шевалье тихонько поехал вдоль плотной изгороди вокруг ухоженного крестьянского двора, внимательно прислушиваясь к голосам. Он давно понял, что, находясь на службе при русском дворе, надо знать о происходящем в нём, как можно больше и подробнее. Надо знать и помнить, кто кому что сказал, кто обронил лишнее слово, а кто совершил какую-то неловкость – всё это самым неожиданным образом может понадобиться и сыграть немалую роль в решении важных вопросов. Ну, например, как в споре с Фон-Визиним. В общем, шевалье давно понял, что русский двор наполнен запутанными, коварными интригами, не менее, чем прославленный этим мадридский...

Выглянув из-за угла дома, он увидел, как выбежали навстречу государыне, не успевшие толком одеться хозяин с хозяйкой, за ними несколько работников выскочили из сарая. Все бухнулись в снег перед каретой, из которой с помощью слуг выходила императрица. На крыльцо выбежал и мальчик лет шести, сын хозяина, аккуратно и чисто одетый, но тоже без шапки и полушубка...

– Кланяйся, Федя! В ноги, кланяйся! – закричал ему отец.

Мальчик сбежал с крыльца и упал на колени рядом с отцом.

Екатерина искренне забеспокоилась.

– Встаньте, встаньте все... Нынче холодно в снегу валяться... И добрый всем день... Дозволите в дом войти?

Хозяин с хозяйкой поднялись с земли, вскочил и мальчуган, отряхиваясь, с любопытством разглядывая всех.

– Соблаговолите войти, Ваше Величество... Милость окажете... – Низко поклонился императрице хозяин дома.

Ласкари был заинтригован. Он не понимал, что происходит. Боясь себя обнаружить, он прижался к промёрзшему окну, пытаясь расслышать, о чём говорили в доме.

Государыня, сопровождаемая Орловым, Бецким и доктором прошла в чистый зажиточный дом, села на подставленный стул, и спросила у мальчика, жавшегося к матери.

– Ну, что, Федя, поедешь со мной во Дворец?

Федя ответил, смело глядя ей в глаза.

– Поеду...

Мать его не выдержала, упала с воем к ногам императрицы.

– Ваше Величество! Пощадите малого! Один он у меня, единственный...

Екатерина несколько смутилась, но ответить не успела. Отец мальчика решительно поднял жену с пола.

– Стыдись, мать... Пред тобой – государыня русская... И коли, потребовала бы она моей головы, я бы тому не проти-

вился...

Екатерина привлекла к себе испугавшегося было мальчика.

– Мне ничья голова сейчас не требуется... – Погладила она его по каштановым волосам. – Мне помощь твоя нужна, Федя... А матушку твою – она повернулась к бедной женщине, – я утешу тем, что слово ей своё царское дам. Господь тому свидетель... Никакого вреда мальчику Вашему я не сделаю. Я Вам слово даю, а это вот – доктор, он мне до того его дал... А после, коли согласие Ваше на то будет, оставлю Федю при себе, образование получит, а я сама с маленькими детьми весьма играть люблю... Ему во Дворце у меня понравится...

– Одевайся, Федя, тепло... – На глаза отца навернулись слёзы, он незаметно смахнул их рукой. – Поедешь с государыней, как она велит...

Екатерина с облегчением поднялась.

– Мы с тобой сейчас поедем посмотреть, как люди наши Гром-камень по лесу тащат... Увидишь ты диво-дивное, чудо-чудное... – И, уходя, погладила плачущую крестьянку по плечу. – Не плачь, сударыня, вот увидишь, всё у нас хорошо будет...

Великан Орлов легко подхватил ребёнка на руки. Екатерина, опираясь на его локоть, сошла с крыльца и направилась к карете. У калитки она обернулась и помахала меховой рукавицей испуганным родителям Феди, прижимавшимся

друг к другу на стылом ветру.

Ласкари так ничего и не понял, но разгадывать загадки было некогда: оседлав своего застывшего совсем коня, он резко пришпорил его и поскакал к лагерю, намного обгоняя царский поезд.

Наконец, все прибыли на место. За прошедшие месяцы камень успели оттащить от прежнего лежбища на изрядное расстояние. Огромной глыбой он возвышался на решётке, уложенной на медные полозья. Толпы народа, прибывшие с императрицей, окружили его со всех сторон. Государыня, терпеливо ждала начала действия, она встала впереди всех, но на изрядном расстоянии от Гром-камня, рядом с ней выделялась их толпы крупная фигура Орлова с Федей на руках. Придворные плотно теснились за их спинами, тихо и взволнованно переговариваясь друг с другом. Ласкари мелькал то тут, то там, где-то меж работных людей и солдат, отдавал последние распоряжения. Он дрожал от возбуждения, но не сомневался в успехе – наступил его звёздный час. Бецкой двинулся было к нему, но, поскользнувшись на льду, махнул рукой, и остался подле императрицы.

Барабанщики стояли наготове вверху на гладкой вершине камня, а в небольшой кузне, оборудованной прямо в его расщелине, горел огонь. И вот, наконец, по знаку, данному Ласкари, забили барабаны, давая сигнал к началу работы. Тут же заскрипели два огромных ворота, каждый из которых приводился в движение несколькими десятками рабочих...

Бецкой торопливо пояснял императрице, что происходит, она довольно кивала и с удовлетворением следила за спектаклем.

– В каждом жёлобе, матушка, по тридцать медных шаров... Камень по ним на решётке катится...

– А те люди в санях по бокам – они зачем?

– Эти рабочие, матушка, своими железными шестами содержат шары в порядке, чтобы они в кучу не сбивались...

Вдохновлённые присутствием императрицы, несколько сотен работных людей трудились до изнеможения. Ворота раскрутили, быстрее, чем прежде, натянулись канаты, и Гром-камень стронулся с места. Радостные крики зрителей огласили зимний лес. А потом это фантастическое действие повторилось неоднократно: барабанный бой, скрип ворот, крики толпы...

В этот день чудо-скала была передвинута на целых двести сажень...

Государыня осталась довольна.

Вскоре не только Ласкари, но и весь Петербург узнал, зачем понадобился императрице крестьянский мальчик Федя. День вакцинации против оспы был назначен давным-давно самой государыней. Как ни отговаривали её перепуганные фрейлины и приближённые, она была настроена очень решительно. Вслед за императрицей в тот же день прививки от оспы должны были сделать все мужчины двора. На следую-

ший день наступала очередь дам...

И вот, наконец, роковой день наступил. Толпа придворных мужского пола в волнении ожидала в одной из гостиных Зимнего Дворца. Фрейлины растерянно жались к стенам в другой зале. Было тихо, как ночью. Никто не разговаривал, даже не шептались.

Фон-Визин был бледен и близок к обмороку. Лицо его почти сливалось с белыми кружевами на рубашке. Елагин пошёл к нему, сжал его руку.

– Мужайтесь, мой друг... – Прошептал он. – Вы ненароком упасть можете... Помните, пред нами пример государыни...

Страшно было всем. Было страшно и Ласкари, который, так же, как и другие, был отозван от своих занятий и призван во Дворец для принятия экзекуции. Но он держался лучше прочих, он просто обязан был держаться. Он стоял, прижимаясь спиной к холодной колонне и глотал сырой морозный воздух, пробивающийся с Невского берега через приоткрытое окно залы.

Наконец, дверь соседней комнаты распахнулась, и оттуда вышла весёлая императрица. Она насмешливо оглядела перепуганную мужскую компанию.

– Господа, господа... Опомнитесь! – Пристыдила она сразу всех.

Фон-Визин стал медленно сползать вдоль стены. Екатерина насмешливо фыркнула, повернулась к Елагину.

– Иван Перфильич, спроси-ка у дам, нет ли у кого нюхательной соли? До чего же себя мужчины довести могут! Брали бы пример с меня – никогда в обмороки не падаю...

Кто-то подал Фон-Визину нюхательную соль, взгляд его просветлел.

– Простите, Ваше Величество! – Стыдливо пробормотал он.

В это время гостиная с собранием мужчин огласилась чьи-то воплями. Императрица поджала губы, осердясь. По анфиладе комнат воспитатели тащили Наследника. Он упирался изо всех сил и вопил.

– Не буду! Не желаю! Я знаю, вы все моей смерти хотите! Наследника подтащили к государыне. Увидев её, он несколько притих.

Екатерина вытащила платок, решительным жестом вытерла ему глаза и нос.

– Итак, Ваше Высочество, – начала она строго, – матушка Ваша, самодержица Российская, первая в Отечестве своём, себя от оспы защитила... Теперь Ваша очередь, сын мой... А за Вами эти господа последуют, и все дамы наши... Поглядите на них – вот Денис Иванович Фон-Визин... Он просто жаждет вперёд Вас пойти, и другие тоже... – Она оглянулась и внимательно оглядела залу. Увидела Ласкари и, сдерживая улыбку, произнесла. – Шевалье де Ласкари особо просил меня об этой чести, но Вы ему не позволите этого сделать, не правда ли? Ступайте, сын мой... Доктор заждался Вас...

Наследник тяжело вздохнул, сердито выдернул свои руки от крепко державших его воспитателей, и понуро поплёлся к двери, из которой недавно вышла императрица. Она удовлетворённо улыбнулась и позвала.

– Федя! Федя! Ты где?

Маленький Федя появился неведомо откуда, проскочив под ногами придворных.

– Я тут...

Екатерина широким жестом развернула свой шлейф.

– Ну, так садись!

Федя, видимо, не в первый раз, уселся на шлейф, схватившись обеими руками за юбку императрицы.

Екатерина весело присвистнула.

– Поехали! Но-о-о!

И, ещё раз свистнув, ускоряя шаг, почти бегом она покинула залу.

Вскоре из-за таинственной двери вышел и Наследник. Он почти успокоился, хотя всё ещё шмыгал носом. Цесаревич быстро направился через залу к своим покоям, воспитатели бросились за ним. Но тут Наследник увидел Ласкари, подошёл к нему вплотную и, глядя на него исподлобья, хмуро произнёс:

– Благодарю Вас за храбрость, шевалье...

Ласкари, молча, поклонился.

И, круто повернувшись на каблуках, Наследник скоро исчез за дверью вместе с воспитателями. Придворные вопросы-

тельно смотрели на шевадье. Ему ничего не оставалось, как отправиться на экзекуцию. Ожидавшему своей очереди Денису Иванычу было до невозможности стыдно. Он переkreстился и встал у зловещей двери, чтобы идти следующим...

Славные подвиги Ласкари подошли к концу: в середине весны Гром-камень, наконец-то был доставлен к специальной пристани у залива. Здесь работы были переложены на плечи Адмиралтейств-коллегии, которая восприняла кампанию по перевозке камня как серьёзную обузу. Шла война с Турцией; необходимо было оснащать, ремонтировать и строить новые корабли, воевавшие вдали от России... Людей не хватало, свободные морские рабочие и матросы были заняты на военном строительстве. До монументов ли было в ту пору! Но после длительных письменных баталий с Бецким, его жалоб и докладов императрице, поступило высочайшее указание возложить ответственность за доставку камня на самого руководителя Адмиралтейств-коллегии адмирала Мордвинова...

Но эта отдельная история мало интересовала Ласкари. Свою миссию он выполнил с блеском. Он был подполковником, директором Шляхетного кадетского корпуса, но перед ним встала во весь рост вечная русская проблема – что делать дальше?

С утра у Ивана Иваныча было прекрасное настроение. Запахнув атласный халат, Бецкой быстро просмотрел письма,

лежавшие на столе, но того, что он искал, среди бумаг не было. Он позвонил, тут же появился секретарь.

— Я нужен Вам, Иван Иванович?

— А что, Франц Карлыч, не было ли с последней почтой Альманаха французского?

— А как же, Ваше превосходительство, ещё третьего дня доставили... Вы не спрашивали, так я и не беспокоил...

— Бог мой, Франц Карлыч, — рассердился Бецкой. — Я устал про то спрашивать...

— Напрасно гневаться изволите, Иван Иванович... Альманах сей на Вашем столе с правого краю лежит...

Бецкой сразу подобрел, размяк.

— Вы читали его? Есть ли в нём рассказ о перевозке скалы нашей из Лахты в Петербург? И ничего в рассказе сём не изменено?

Его секретарь-немец пожал плечами: по-французски он понимал слабо.

Бецкой досадливо махнул рукой.

— Хорошо... Вот сюда Альманах положите... Нет, пожалуй, сюда лучше... И тотчас же карету за Фальконетом пошлите, пусть ко мне едет, не мешкая... И призовите ко мне шевалье де Ласкари...

— Он в гостиной давно дожидается...

Вошёл Ласкари, молча поклонился.

— Ну, что, шевалье, Вы принесли мне экстракт последних писем Дидерота к Фальконету?

– Он при мне, Иван Иванович, я взял эти письма у самого Фальконета, он несколько их не скрывает и даже посылает читать императрице...

– Не теряет надежды вернуть её былое расположение... Напрасно. Императрица сейчас государственными делами обременена, не до монумента ей... Да и прискучил Фальконет государыне нашей, слава Богу!

– Читать, Иван Иванович?

– Читай.

– «У нас теперь здесь много россиян, делающих честь своей нации. Пример их государыни внушил им любовь к искусствам, и они возвращаются в своё отечество, нагруженные собранной у нас добычей. Как сильно изменились мы! Мы распродаём наши картины и наши статуи, когда у нас царит мир, а Екатерина их покупает, когда ведёт войну...»

– Что же... Сие весьма лестно слышать от такого критикана как Дидерот... – Как всегда внезапно, у Бецкого помутнело в глазах, и он прикрыл их рукой, откинувшись в креслах. – Я посижу так несколько...

– Опять глаза, Иван Иванович? – Ласкари был сочувственно-предупредителен.

– Ты об том никому ни слова! Смотри! Тотчас по Петербургу сплетни пойдут, что Бецкой совсем к делу непригоден стал... Если правду сказать, пугают меня пароксизмы эти... Коли без глаз останусь, что тогда при дворе делать? Чем буду полезен императрице и Отечеству своему?

– Бог милостив, Иван Иванович...

Конечно, Ласкари меньше всего беспокоило острота зрения патрона. После блестящего завершения всех трудов по перевозке Гром-камня он вдруг остался не у дел. Фальконет готовился к выставке Большой модели монумента – она была завершена. Звезда предприимчивого грека вдруг потускнела: императрица, прекрасно осведомлённая об его подвигах, и не подумала отметить его среди прочих, отличившихся в знаменитой эпопее. Он не получил обещанных семи тысяч за изобретение механики, и ему не вручили, как другим, медаль с памятной надписью «Дерзновению подобно». Шевалье был унижен и оскорблён. При этом он был страшно зол на Бецкого, этого чванливого надутого полуслепého старика, который выдавал его достижения за свои собственные и вечно путал главное с второстепенным.

– Можно ли пока вопрос задать, Иван Иванович?

– Отчего же нельзя? – ответил Бецкой, не открывая глаз.

– Я давно спросить хотел, Ваше высокопревосходительство... Довольны Вы службой моей?

– Доволен... Можно сказать, весьма доволен, и государыне о том говорил...

– Не извольте гневаться, Ваше высокопревосходительство... Коли Вы так мною довольны... Разве не я изобрёл машину по перевозке Гром-камня? Отчего же не удостоился я обещанной награды? Огорчительно было и без медали за свои труды остаться и без вознаграждения...

Бецкой молчал, хотя Ласкари видел, как вздрагивают под его ладонью редкие ресницы.

– Разве не я организовал труды эти великие? В иные дни до тысячи человек работали денно и ночью, каменщики, рубщики, кузнецы... Разве не я расставлял всех по своим местам, разве не по моему приказу каждый раз сдвигался с места Гром-камень?! Сколько народу из Петербурга наезжало, сколько карет, сколько экипажей разных... И вельможи и простолюдины – всякий под присягой подтвердить может, что это действие героическое по моей команде происходило...

Бецкой молчал, ресницы его перестали вздрагивать, и Ласкари окончательно пришёл в бешенство.

– Опять спать изволите, Ваше высокопревосходительство?

Но генерал, убрав руку от лица, неожиданно бодрым взглядом просверлил шевалье насквозь.

– Отчего же спать? Я вовсе не сплю... Я сижу и думаю, до какой же степени наглость человеческая дойти может? И кто это мне в моём собственном кабинете проповеди читает? Кто меня, старика, жизни учит? Ты, друг ситный, совсем забылся, а у нас говорят: «Всяк Еремей про себя разумея»... Монумент Петру Великому по приказу высочайшему я сооружаю, я! А Фальконет и ты, тем паче, лишь исполнители воли моей, а через меня – государыни нашей Екатерины Алексеевны... Какое тебе, наглец, ещё вознаграждение тре-

буется помимо того офицерского, что ты имеешь за свои чины, не по заслугам полученные? У меня в Конторе строений десятки инженеров сидят, умные, образованные, не тебе чета... Какие математические расчёты по перевозке Гром-камня произвели, какой макет твоей машины сделали! И никому из них и в голову не пришло дополнительного вознаграждения за труды просить... Ты кто таков вообще? Шевалье де Ласкари? – Он вполне искренне рассмеялся. – Ты что, и вправду веришь, что, если осла назвать лошадью, он лошадью станет?

Ласкари молчал, еле сдерживаясь.

– Что надулся-то, подполковник? Любишь смородину – люби и оскомину! Понимаю, ты нынче не у дел остался, хотя при Фальконете в должности лучшего друга по-прежнему пребываешь... Монумент ещё отлить надобно, а это дело нелегче перевозки Гром-камня будет, третий год литейщиков ищем... Мог бы и сам ваятель отлить, не велик господин, так упёрся – ни в какую! Это я к тому говорю, что ты и ныне пригодиться можешь...

– Благодарю покорно, Ваше высокопревосходительство!

Сделав усилие над собой, Ласкари поклонился и пошёл было к выходу, но Бецкой слабым движением руки остановил его.

– Стой! Ты всё понял, шевалье? Никакой машины по перевозке Гром-камня ты никогда не изобретал, и вообще... Всё это – уже история... А в истории беглые уголовники из

запредельных стран редко играют значительную роль...

– Я понял, Ваше высокопревосходительство...

Ласкари ещё раз склонил голову в поклоне и тут на краю стола генерала увидел маленькую книжечку. Глаза его злобно сверкнули. Это был Готский календарь, он не сомневался в этом. А с этим календарём случилась прелюбопытнейшая история. Готский календарь подробно описывал важнейшие события в Европе за прошедший год, и Бецкой, распираемый гордыней не меньше, чем Ласкари, решил написать статью о знаменитой эпопее по перетаскиванию камня. Изобретение «механики», организацию работ и все идеи Фальконета по поводу монумента он приписал только себе. Статью в Готский календарь необходимо было предоставить на французском языке, в коем Иван Иванович был не силён. Написав её по-немецки, он велел своему секретарю найти хорошего переводчика. Секретарь, недолго думая, обратился к Ласкари как к человеку наиболее осведомлённому в прошедших событиях. Шевалье, прочитав статью, был просто взбешён и под горячую руку отдал её для перевода самому Фальконету. Как ни странно, ваятель даже не удивился, что в истории создания памятника главными стали события по перетаскиванию подножия под него, а не сам монумент. Будучи человеком обязательным, он добросовестно перевёл статью, после чего она тем же путём вернулась к секретарю Бецкого, который отправил её по нужному адресу. Теперь, увидев на столе у генерала последний Готский календарь, Ласкари

вспомнил, что в передней слышал, как посылали карету за Фальконетом, и криво усмехнулся. Он хорошо представил себе, какая сейчас разыграется комедия, и покинул кабинет своего патрона с ехидной ухмылкой на физиономии.

Вскоре Бецкому доложили о приезде ваятеля.

– Мне передали, генерал, – вместо приветствия сказал тот, входя в кабинет, – что мне велено срочно приехать, и вот я здесь...

– Садитесь, мсьё Фальконет... – Предчувствуя очередную моральную победу над строптивым французишкой, Иван Иванович был миролюбив. – Нет, вот сюда, здесь Вам будет удобнее... – Он указал ему на место рядом со столом, на котором лежал Готский альманах. – Послушайте, я узнал давеча от случайных людей, что Вы опять, не спросясь моего совета, отвергли тех литейщиков, что прибыли к нам из Рима...

В отличие от хозяина кабинета, Фальконет настроен был мрачно.

– В моём ремесле, – ответил он, не поднимая головы, – следует прежде действовать, а потом просить совета... Названные Вами мастера весьма искусны только в чеканке и в контрактах с ними нигде литейное дело не упоминается... Поэтому я принял решение, Ваше высокопревосходительство... Я отолью статую сам без всякого вознаграждения...

Нечаянно взмахнув рукой, Фальконет уронил на пол альманах, быстро поднял его и хотел было положить на прежнее

место, но Бецкой остановил его руку.

– О, мсьё, – словно не услышав в тоне француза скрытой колкости, сказал Иван Иванович, – я должен сделать Вам признание... Этот Готский календарь, что Вы держите в руках... Он только что доставлен из Парижа... Кому-то пришлось в голову напечатать в нём огромную статью о перевозке моей необыкновенной Скалы... Вы знаете, как я строг к проявлению лести и незаслуженной похвалы, и всё-таки мне кажется, что статья недурна... Не желаете прочесть?

Фальконет, небрежно перелистав страницы, положил Альманах на край стола.

Бецкой был разочарован.

– Вы столь нелюбопытны, мой друг?

Ваятель спокойно поднял на него глаза. В самой глубине их прыгали чёртики. Но Бецкой видел плохо и никакой нечистой силы в них не заметил.

– Отчего же... Я в меру любопытен. Но мне пришлось перевести эту статью на французский язык, прежде чем Ваше высокопревосходительство отправили её во Францию.

Увидев потрясённый взгляд генерала, онемевшего от изумления, Фальконет откровенно улыбнулся. Не выдавая Ласкари, он пояснил.

– Ваш секретарь поручил сделать перевод человеку случайному, мало понимающему в нашем деле... А тот обратился за помощью ко мне... Поступок скорее логичный, чем странный... А теперь, Ваше высокопревосходительство, ес-

ли Вам нечего более мне сообщить, дозволено ли мне будет оставить Вас, генерал? У меня много неотложных дел по строительству литейного дома...

Бецкой никак не мог прийти в себя. Фальконет поклонился, и, сдерживая смех, вышел.

Тут только взбешённый генерал вскочил с места.

– Сюда! Франц Карлыч! Немедля! Уволю! Дураки! Кругом дураки! Своих дураков было мало, из Европы наприглашали! Увольняю! Всех!

Как трудно было Ласкари смириться с ускользанием Фортуны! Он ненавидел весь мир, всех русских, Петербург, Бецкого, императрицу... Единственный человек, который ему сочувствовал в этом городе, был импульсивный и вздорный Фальконет. Государыня, вполне удовлетворённая эффектом, произведённым на Европу эпопеей по доставке дикой скалы для подножия памятнику из Лахтинских болот, о самом монументе, казалось, совсем забыла. Но, как человек чести, Фальконет считал себя обязанным заступиться за соратника, с которым проработал бок о бок столько лет. Он написал несколько писем императрице, описывал заслуги своего помощника, превозносил его подвиги по перетаскиванию Гром-камня, подчёркивал его бескорыстие – Екатерина отмалчивалась.

Однажды, когда с раннего утра государыня работала в

своём кабинете, и на Петропавловской крепости пробила пушка, она распрямила усталую спину и позвонила. Вошёл секретарь.

– Шевалье де Ласкари здесь?

– Давно ждёт, Ваше Величество...

– Зовите.

Секретарь вышел, почти тотчас вошёл Ласкари.

Екатерина, встав спиной к окну, пристально его рассматривала.

– Я согласилась принять Вас, шевалье, но у меня сегодня много людей назначено... У Вас дела, касаемые Шляхетного корпуса?

– Нет, Ваше величество... – Дерзко ответил грек. – У меня дела касаемые лично до моей персоны...

– Вот как... – Императрица усмехнулась – Генерал Бецкой предупреждал меня, что Вы не по-русски наглы, но я не придавала тому значения, а напрасно...

Ласкари рванулся к ней. Государыня быстро отодвинулась в сторону, протянула вперёд руку, оставляя его на прежнем месте.

– Выслушайте меня, Ваше Величество!.. На коленях прошу Вас!

– Того вовсе не требуется. Говорите, без длинных вступлений, шевалье, что за нужда у Вас?

– Ваше Величество, – быстро заговорил Ласкари, – у Вас нет причины быть недовольной мною. Я столько лет был при-

ставлен как генералу Бецкому, так и к Фальконету, и старательно исполнял должность и роль свою...

– Да, да... Мне это известно... Фальконет об Вас хлопочет, как о собственном сыне...

– Я сам изобрёл машину по перевозке Гром-камня, сам организовал и проделал всю гигантскую работу...

Екатерина опять насмешливо улыбнулась.

– Неужто? А Бецкой говорит, что это он всё устроил... Что дальше?

Ласкари несколько сбавил тон.

– Я не получил за сей труд ни копейки... Я не получил назначенного Вами вознаграждения в семь тысяч... Мне даже не дали памятной медали...

Екатерина вышла из своего угла, не спеша прошлась по кабинету, словно не замечая согнутой в полупоклоне фигуры молодого грека.

– Велика потеря – медаль! Да на что русская медаль иностранцу?! Не за то ли Вам её давать, что в Шляхетном корпусе офицеры ненавидят Вас, как лягушку, что Ваше распутство и взяточничество известно ныне всему Петербургу? А девицу Агафью Карабузину, которую я из Москвы привезла, и которую Вы из-под носа у Дашковой в жёны себе переманили, я по гроб жизни Вам не прощу... Впрочем, двух других девушек, погубленных Вами тоже жалко...

– В государстве Российском оболгать иностранца ничего не стоит...

Государыня презрительно посмотрела на него.

– Побойтесь Бога, шевалье! Скольких русских оболгали Вы? Конечно, нигде не умеют подмечать слабости и пороки иностранцев так, как в России. Можете быть уверены, что Вам ничего у нас не спустят и не простят... Но ближе к делу, шевалье...

Ласкари поднял голову, прямо посмотрел на русскую императрицу и сказал твёрдо.

– Мне нужна награда за труды, вознаграждение за машину по перевозке Гром-камня, прежде обещанное Вашим Величеством, и памятная медаль «Дерзновению подобно»... Такова моя цена за дела, для блага России содеянные...

Екатерина не ожидала такой наглости, такого тона. Даже самые близкие к ней люди, называя её на «ты» и величая «матушкой», никогда границ не переходили.

– Всего-то? – Она всегда понижала голос, когда выходила из себя. – Цена-то у тебя своя, а весы государевы... Не много ли будет для беглого грека, приставленного к Фальконету «засланным казачком»?

Но Ласкари шёл напролом.

– А коли считает Ваше Величество, что мне того много будет, то у меня весьма важный аргумент есть... У меня в кармане лежит экстрактец один... Из самого «Чёрного кабинета»...

Императрица редко теряла самообладание, только слегка прищурилась, впившись в него взглядом.

– Кто же это тебя в него допустил? Неужто Бецкой оплошал? Совсем тесной стала голова у старика – государственные тайны прощельгам доверять стал...

Грек окончательно осмелел, расслабился, удовлетворённый произведённым эффектом.

– Не в том суть, Ваше величество, что генерал меня в «Чёрный кабинет» допустил, а в тех сведениях, что в сём экстракте находятся...

Ласкари достал из кармана бумаги, помахал ими перед собой. Екатерина следила за ним с некоторой опаской.

– Так что за сведения, коими ты меня пугаешь столько времени? Говори, сей же час! Мне ведь и позвонить недолго... – И она протянула руку к золотому колокольчику, стоящему на столе.

– А сведения те касаются до тайны рождения самодержицы Российской...

Государыня неожиданно ловко вырвала бумаги из его пальцев, быстро просмотрела их, вздохнула с облегчением.

– Ах, вот ты о чём, пустобрёх... Значит Бецкой – родитель мой... – Она с облегчением звонко рассмеялась. – Ты что, этим меня испугать хотел, паршивец? А если я сама с намерением эти бумаги в «Чёрный кабинет» направила, а ты мне помог – по Петербургу сплетню пустил? Ишь, глаза вытаращил... Чего уж тут не понять? Коли я – дочь Бецкого, а он по батюшке своему князю Трубецкому – русский, так, выходит, и я, хоть на четверть, да русская... А мне, чтобы к

своему народу поближе быть, только того и надобно!

Ласкари растерянно молчал. Государыня величественно проследовала мимо него, села за свой письменный стол, подвинула к себе бумаги и только после этого взглянула на него.

– А теперь слушай меня внимательно, Марин Карбури... Ты, кажется, такое имя поначалу в России имел. А как тебя в Кефалонии величали, я и знать не хочу... Ты, видать, из тех людей, с кем честь и совесть никогда не встречались... Должность свою в Шляхетном корпусе сдай сегодня – ты туда по моей ошибке попал... И даю тебе месяц сроку – чтобы духу твоего в России не было! И за что, Господь, ты прогневался на меня, что посылаешь на землю нашу, то шута все-светного обманщика Калиостро, то развратницу подлую Тараканову, то сего наглого мошенника, что сейчас предо мной стоит?! – Она окинула Ласкари презрительным взглядом, и добавила совсем тихим, зловещим шёпотом. – Ишь ты! Государыню Российской шантажировать вздумал! Пошёл вон отсюда! Вон!

Город ещё спал, спал весенний Петербург, залитый утренним солнечным светом. В мастерскую проскользнули Мари-Анн Колло и Дарья Дмитриевна. Мари открыла дверь каморки, забитой всяким хламом.

– Вам придётся набраться терпения и посидеть здесь очень тихо... Я приду за Вами, когда пожелает императрица.

Дарья Дмитриевна поцеловала её в щёку, уселась на какой-то ящик и приготовилась ждать. Колло плотно прикрыла дверь.

В мастерскую пришёл Фальконет. Он почти не спал нынче ночью, не смотря на снотворные пилюли, которые его почти насильно заставила принять Мари. Он ещё раз оглядел Модель, погладил морду коня. Руки его дрожали...

Явился и Ласкари. Взглянув на ваятеля, пожалел его.

– Утро доброе, профессор Фальконет... Успокойтесь, Бога ради... Вы сегодня на себя не похожи... Всем всё равно не угодить...

Колло позвала из открытых дверей кабинета.

– Идите сюда, учитель... Марфа успела вскипятить самовар... Я напою Вас чаем...

На пороге мастерской показался Андрей. С восхищением глядя на скульптуру, он обошёл её кругом.

Ласкари, которого он не заметил, насмешливо преградил ему дорогу.

– Ты опять здесь, Андрэ? Никак налюбоваться не можешь?

– Удивительно... Говорят, Фальконет своим конём превошёл всех древних мастеров...

– Говорят... Коль модель матушке понравится – отливка монумента впереди...

– И Вы, как всегда, самый первый участник будете?

Ласкари разозлился.

– И что Вы, за люди – русские? Одни колкости на уме... Разве мало я сделал для успеха дела Фальконетова?

Андрей ответил миролюбиво.

– Про то спорить не буду: не всякий с такой уймой дел справится... Весь Петербург бурлит... Только и разговору про перевозку Гром-камня...

Ласкари вздохнул, ища сочувствия, пожаловался.

– Теперь Гром-камень к лесной пристани доставлен, моё дело сделано... И вместо благодарности – в опалу попал. Даже у Бецкого. Один Фальконет меня по-прежнему любит. Нет, Андрэ, не ко двору я в России Вашей, нечего мне больше в Петербурге делать. Поеду искать славы на других полях сражений.

– Не падайте духом, шевалье... – Не сдержавшись, съязвил Андрей. – Насчёт славы – Вы счастливый человек, она сама Вас ищет...

– Опять ухмыляешься? Наше соглашение с тобой – любовное, я своё слово сдержал, от Дарьи Дмитриевны отказался... А что императрица обещанных денег не заплатила, так то – не моя вина...

– Бог с Вами, шевалье... Дашеньке не многим лучше сделалось после Вашего отказа, да всё радостно, что не уморили Вы её, как прежних своих жён...

– И ты эти петербургские сплетни повторяешь? Да я Дарью Дмитриевну пуще жизни своей любил и впредь до самой смерти любить буду... Коли захотела бы со мной в Париж

уехать...

Андрей не успел ответить: в мастерской появился Пётр Иваныч Мелиссино. Вчера только приехал он с полей сражений, вызванный в Петербург императрицей. Отвечал он теперь перед ней и Россией за всю русскую артиллерию головой, и матушка-императрица очень была довольна его достижениями. Вызван он был для получения звания генерал-майора и вручения из её рук нового ордена Святого Георгия 3-ей степени. Едва повидавшись с домочадцами, расцеловавшись с женой и заметно выросшим сыном, он тотчас же отправился к опальной племяннице, которая сидела в своей комнате с душой, ушедшей в пятки. Он учинил ей строгий допрос про её мысли. Она отвечала тихо, скромно и виновато, но стояла на своём, чем сразу вывела его из себя. Пётр Иваныч ушёл от неё, громко хлопнув дверью, и велел не показываться ему на глаза. Вечером с поздравлениями новому генералу приехали Фальконет и мадемуазель Колло. Мари Анн, будучи не намного старше Дарьи Дмитриевны по годам, но по жизненному опыту и положению в обществе её превосходившая, любила её как старшая сестра и очень ей сочувствовала. Поскольку Пётр Иваныч не разрешил племяннице покидать свою комнату в его присутствии, то Дарья Дмитриевна не посмела выйти к гостям. Мари Анн еле уговорила хозяина дома позволить ей посетить арестантку, которая несказанно обрадовалась подруге. От неё Дарья Дмитриевна узнала, что Фальконет не спит которую ночь, так как зав-

тра при демонстрации Большой модели должна быть императрица со всей своею свитой. Если модель памятника будет ею апробована, то наступит едва ли не самый ответственный момент в создании монумента – отливка статуи... Дарья Дмитриевна слушала приятельницу внимательно, очень сочувствовала Фальконету, но думала о своём: а если попытаться счастья, броситься с прошением в ноги императрице?.. Она тут же обсудила это с мадемуазель Колло: завтра она раньше всех придёт в мастерскую, где-нибудь спрячется и будет ждать императрицу. А когда та появится... И хотя Мари Анн сильно сомневалась в успехе этого предприятия, преодолев свои колебания, она пообещала, что постарается помочь Дарье Дмитриевне осуществить свой дерзкий план.

На короткий срок наезжая домой, Пётр Иваныч, оскорблённый отказом Ласкари, всё никак не мог повстречать его, чтобы по-солдатски взгреть, как следует, этого выскочку и обманщика. Многочисленные петербургские сплетники не раз передавали шевалье угрозы Мелиссино, и неудачливый жених понимал, что встреча с новоиспечённым генерал-майором не сулит ему ничего хорошего. Увидав его в мастерской, Ласкари мгновенно спрятался за монумент.

Мелиссино, заметив Андрея, обрадовался.

– Это хорошо, что ты здесь... Вечером непременно дома будь. Надо нам домашний совет держать, всем вместе решить, что с Дарьей Дмитриевной делать... Совсем ума лишилась с театром этим. Упёрлась – пойду в актёрки! – и всё

тут...

И, хотя Пётр Иванович был с самого начала самым, что ни на есть активным участником творческого процесса создания монумента, он начал внимательно разглядывать статую, рассматривая её со всех сторон, словно увидел её заново. Ласкари пятился от него задом, но споткнулся вдруг о половецу и с грохотом повалился на пол.

– А это ещё кто тут? – Удивился Мелиссино. – Неужто ты, шевалье? Не надо и беса, коли ты здесь... И не боишься на глаза мои показываться, мерзавец?!

Ласкари проворно вскочил, живо отряхнулся.

– Послушайте, генерал...

Но Мелиссино загредел на весь портретолитейный дом, не давая ему договорить.

– Я-то генералом стал за раны свои, в боях полученные... А вот ты за что подполковник – никому в России не ведомо!

Ласкари совсем растерялся, не зная, как ускользнуть от этой несколько задержавшейся расплаты.

– Я прошу Вас... – Угрожающим тоном произнёс он, вытянув вперёд дрожащую руку.

Мелиссино расхохотался.

– А что? Неужто драться со мной будешь?

– Может и буду! – Ласкари пытался говорить твёрдо, но голос его вибрировал.

– Ты? Со мной?! Боевым офицером? Ха! Казнокрад! Взятчик! Распутник!

Мелиссино схватил Ласкари за грудки, тот с трудом вырвался, отскочил в глубину мастерской. Оттуда послышался его сорвавшийся от страха голос.

– Я взяточник? Я казнокрад? А кто у меня из Лахты по полсотни солдат забирал на строительство дачи своей на Каменном острове? Кто?!

Он попытался было проскочить мимо генерала к двери, но Пётр Иваныч ловко подставил ему ножку. И несчастный шевалье вновь растянулся на полу, чем воспользовался Мелиссино, рывком подняв его за шиворот. Вот тут-то Ласкари завопил во весь голос.

– Господи ведь убьёт! Ей Богу, убьёт!

Вырвавшись, наконец, от Мелиссино, проворный грек выскочил из мастерской. Пётр Иваныч бросился за ним.

Зрителем этого спектакля был только Андрей, он хохотал во весь голос.

Из кабинета вышел Фальконет, махнул рукой, и служитель, стоявший наготове, распахнул тяжёлые ворота мастерской, в которые хлынули зрители. Каких только персонажей не было тут! Кто не спеша и важно обследовал монумент, кто созерцал его быстро, кто внимательно рассматривал одни детали... Четвёртый день выставлялась модель, и Фальконет метался между зрителями, ревниво прислушивался к репликам, всматривался в непроницаемые лица, пытаясь понять, что думают горожане о его творении.

До него долетали только отрывки фраз.

– Я, матушка, сколько раз говорил тебе, – слышал он с одной стороны, – что нельзя с утра столько жирного кушать! От того так громко и бурлит в животе, что жирного много с утра ешь...

– А граф Куракин-то, гляди, мой друг, цугом прикатил... – Доносилось с другой стороны монумента. – И как он теперь с князем Репниным, да с Бибиковыми разъезжаться будет? Не опоздать бы поглядеть...

– А вчера-то, вчера после куртага у графини Долгорукой при разъезде какой-то каретой кучера насмерть пришибло... Вот когда смеялись-то!

– А, знаешь ли, душенька, указ государыни вышел, чтобы причёски в театр делать не выше двух вершков всего, дабы сцену сзади сидящим не застиласть...

– Да неужто? Это ведь и не по моде совсем!

Фальконет встал в угол мастерской, отвернувшись от своего Петра и закрыл уши руками. Здесь его и нашёл Фон-Визин.

– Что с Вами, профессор Фальконет? На Вас просто нет лица... Здоровы ли Вы?

– Денис Иванович! Дорогой! – Ваятель уткнулся лбом в его плечо. – Да что же это? Зачем эти люди пришли сюда? Они смотрят на мою Большую модель и говорят о погоде!

– Успокойтесь, профессор Фальконет... – Прошептал Фон-Визин, стараясь не привлекать внимания зрителей. – Вам ли не знать, что встреча художника с публикой никогда

без синяков и шишек не обходится... Вы представить не можете, какие я муки претерпел со своей комедией! Иной хвалит, другой молчит, зато хулителей – пруд пруди... Вам давно успокоиться пора... Давайте-ка просто по зале погуляем.

Фон-Визин взял под руку ваятеля, повёл куда-то в сторону от модели.

А Дарье Дмитриевне наскучило сидеть в чулане. Она тихонько приоткрыла незапертую дверь, проскользнула в мастерскую, и, прижавшись к постаменту, повернулась спиной к публике. Но в то же время и Ласкари осторожно просочился с улицы, надеясь незаметно затесаться в толпе. Прячась от знакомых, они столкнулись почти под самым лошадиным хвостом.

– Пардон! – Буркнул несколько помятый директор Шляхетного корпуса.

– Ой, пардон! – Дарья Дмитриевна подняла голову и удивилась. – Неужели это Вы, шевадьё?

– Вы? Здесь?! – Последовал встречный вопрос.

– Как видите... Вы дядюшку моего не встречали случайно? Ласкари криво усмехнулся.

– А как же! Имел удовольствие... Он меня сейчас на Большой Морской ловит... До того по Фонтанке бегали...

Дарья Дмитриевна подавила смешок.

– Я должна потихоньку поблагодарить Вас, что отступились от меня... И как это Вы решились? Совести послушались?

– Оставьте это! – Досадливо отмахнулся он. – Дамские это понятия – совесть! Послушайте, Дарья Дмитриевна... Дело своё закончил, Фальконету, сколько сумел, помог...

– Это правда. – Дарья Дмитриевна была девушкой справедливой. – Мне тётушка говорила, Вы очень талантливую машину для перевозки Гром-камня изобрели... Работы ловко организовали, да и вообще много полезного для России сделали...

Ласкари презрительно фыркнул.

– Простите великодушно, только если правду Вам сказать, то я не для России старался, а для себя более, и, быть может, для Вас несколько, чтобы Вы меня поменьше презирали, да плутом и мошенником не считали...

– Достоинства Ваши я признаю, а кем я Вас считаю – это моё дело! Продолжайте, Вы что-то сказать хотели?

– Сказать я вот что хотел: вскоре я покину страну Вашу. Думаю, было время о моём предложении подумать... Забыли? Едемте со мной во Францию, сударыня! Там женщины живут свободно, ни перед кем отчёта не держат... Коли замуж за меня не хотите, и без венчания обойтись можно. Будете в театре служить, я препятствовать не стану... И нужды ни в чём не будет – слово дворянина! Денег у меня много...

Дарья Дмитриевна такого вытерпеть не могла. Вспылив, она выхватила из ящика подле монумента кусок глины и швырнула его в Ласкари. Мягкая глина залепила его камзол, брызнула и в холёное самодовольное лицо. Дарья Дмитриев-

на тут же испугалась.

– Ой, простите меня, шевалье!

Ласкари, кусал губы и хрустел песком на зубах, сердито счищая с себя глину.

– Что за страна! Какое варварство! Что за люди! Дядюшка за мной по Петербургу гоняется, а племянница швыряет глину в лицо!

Фон-Визин и Фальконет, прогуливаясь, остановились у окна мастерской. Двор её был весь забит каретами. Сюда от самого Невского проспекта доносилось ржание лошадей и переругивание кучеров.

Фальконет всё жаловался.

– Мне кажется, что весь Петербург ополчился против меня... Говорят, я похож на Сократа... Я жду, что мне вот-вот преподнесут чашу с цикутой...

Фон-Визин, как всегда, пытался его утешить.

– Дорогой профессор, дозволено ли будет младшему товарищу дать Вам совет?

– Конечно, Денис Иваныч... Я выслушаю его с благодарностью...

– Попробуйте поступать по-моему, – ласково проговорил Денис Иваныч, – я взял себе правило никогда на скотов не сердиться и не рваться на то, чего нельзя переделать... Не ссорьтесь Вы ни с кем, ради Бога! Сократ целый месяц спокойно ждал яду, а Вы просто напрашиваетесь на эту самую чашу с цикутой...

Подошёл Ласкари, он успел переодеться. Новый подполковничий мундир сидел на нём великолепно.

– Профессор Фальконет, Вас спрашивает обер-прокурор синода...

– Зачем я ему понадобился? – Тяжело вздохнул ваятель.

Ласкари насмешливо пояснил.

– Он хотел высказать Вам своё мнение о монументе... Обер-прокурор возмутился тем, что статуя вдвое больше ростом, чем был сам император... И очень сожалел, что Вы с ним не посоветовались...

Фальконет беспомощно взглянул на Фон-Визина. Денис Иваныч только с улыбкой пожал плечами.

Улучив момент, мадемуазель Колло решив провести приятельницу, заглянула в чулан, и только покачала головой, никого там не обнаружив. Вернувшись в мастерскую, поискала Дарью Дмитриевну глазами, но вместо неё увидела грустного Фальконета рядом с Фон-Визиным. Мари Анн поспешила к ним.

– Здравствуйте, Денис Иваныч... Удаётся Вам отвлечь профессора Фальконета от грустных мыслей?

Фон-Визин поцеловал руку Мари Анн.

– С трудом, мадемуазель Колло...

Мимо них прошла ещё одна группа созерцателей, которые внимательно рассматривали Большую модель и громко её обсуждали, вовсе не замечая стоящего рядом ваятеля.

– Знаешь ли, друг мой, как взгляну на этот монумент, так

и сразу вижу, что содержание величины головы в рассуждении ног неправильно...

– А пальцы простёртой руки весьма расширены, душа моя...

– Ты думаешь, душенька, пальцы должны быть совокуплены вместе? Ни за что я не соглашусь с тобою – такая рука ничего бы не выражала и ничего бы не значила...

– А платье императора, сударь мой, непременно должно быть более в складках! Иначе всякий зритель его за простую рубаху принять сможет...

– Императрица! – Разнеслось в мастерской. – Сюда идёт императрица!

Портретолитейный дом мгновенно опустел. Дарья Дмитриевны резво нырнула в свой чулан, Фон-Визин остался у окна и склонился в придворном поклоне.

У ворот портретолитейного дома императрицу встречали Фальконет и мадемуазель Колло.

Екатерина, увидев Фон-Визина, даже обрадовалась.

– А, Денис Иванович, и ты здесь! Вот и славно... Слово литератора немало важно будет... Тесным кругом лучше всего об искусстве рассуждать... Я вот для совета ещё Ивана Перфильича взяла... – Кивнула она в сторону Елагина, не отходившего от неё ни на шаг. – Остальную свиту свою я на Невском берегу оставила. Свежий ветер для мозгов большую пользу имеет. Здесь моим фрейлинам в фижмах не разойтись, а мне монумент внимательно осмотреть надобно...

Фальконет и Мари Анн застыли в почтительном ожидании.

Императрица, молча, несколько раз обошла Большую модель кругом. Вгляделась внимательно в лицо Петра, вздохнула, смахнув платочком невидимую слезу. Повернулась к Фальконету и сказала вполне искренне.

– И как Вы можете полагаться на мой вкус? Я и рисовать-то не умею... Ваша статуя, быть может, первая хорошая, которую я в жизни видела...

Едва она опустилась в подставленное кресло, из своего чулана выскочила Дарья Дмитриевна и бросилась прямо в ноги государыне. Екатерина вздрогнула от неожиданности, но мгновенно овладев собой, гневно поморщилась.

– Что такое? Кто позволил?!

Все растерянно молчали. Фон-Визин сразу девушку и не признал, а, признав, растерялся от неожиданности. Он был поражён её смелостью и страшно испугался за неё. Мадемуазель Колло, слабо вскрикнув, зажала рот рукой.

– Встань, девушка, встань! – Махнула рукой императрица. – Не гоже барышне по грязному полу елозить!

Дарья Дмитриевна не подняла головы, сказала дрожащим голосом.

– Не смею, Ваше Величество...

Екатерина повернулась к Фон-Визину, стоявшему ближе других.

– Подними-ка её, Денис Иваныч... – Сказала она строго.–

Чего остолбенел?

Фон-Визин подал Дарье Дмитриевне руку. Под взглядом императрицы он не смел произнести ни одного слова.

Императрица была рассержена, но и заинтригована.

– Ну-ка, взгляни на меня... – Дарья Дмитриевна подняла голову и прямо посмотрела в лицо государыне. – А... Я тебя знаю – ты Петра Иваныча Мелиссино племянница... Что-то в голове у меня вертится... Это не про тебя ли шум по городу идёт, что ты в актёрки собралась?

– Про меня, Ваше Величество... О том и прошение моё...

В полном отчаянии Дарья Дмитриевна протянула императрице свою бумагу.

Государыня бумаги не взяла, а тон её не обещал ничего хорошего.

– А знаешь ли, сударыня, что я запретила народу своими руками мне прошения подавать?

– Знаю, Ваше Величество... – Покорно ответила Дарья Дмитриевна.

– Для этих прошений у меня канцелярия имеется... – Императрица помолчала, потом продолжила медленно и грозно.

– А знаешь ли ты о том, что я велела жестоко наказывать тех, кто посмеет нарушить сей запрет? Вот Денис Иваныч собственноручно указ этот переписывал, когда ещё у Елагина служил... Как там, Денис Иваныч? «... челобитчики будут наказаны...». Продолжай-ка, запомятовала я... Неужто

не помнишь?

Фон-Визин не посмел перечить государыне, хрипло продолжил «... Наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск»...

Тихо ахнула мадемуазель Колло – про жестокое распоряжение императрицы она не знала.

А Дарья Дмитриевна вдруг осмелела. Она совсем перестала бояться.

– Я это знаю, Ваше Величество...

Екатерина с интересом посмотрела на неё.

– Ну, матушка, заладила – «знаю да знаю»... Забери-ка бумажку свою, да объясни в несколько слов, чего тебе от меня надобно?

– Ваше Величество... Я прошу Вашего позволения в придворный театр поступить... Я театр больше жизни люблю...

– Да ты в уме ли, девица? Дворянке – в театр? На казённое жалование?

Вот тут Дарья Дмитриевна и заплакала.

– Перестань-ка реветь! – Поморщилась государыня. – Я сама слёз даром не лью и другим того делать не разрешаю... А Петра Иваныча я понимаю... Говорят, он тебя под замок закрыл... Я бы амбарный повесила, да потяжелее... Поди-ка сюда, Денис Иваныч... Ты ведь с этой девицей давно знаком?

Фон-Визин ответил с надеждой.

– С детства, Ваше Величество...

– А что скажешь про умение её на сцене представлять?

– Талант поразительный, Ваше Величество... – Оживился Фон-Визин. – Коли будет на придворной сцене представлять, много славы Русскому театру принесёт...

Екатерина насмешливо прервала его.

– Ишь ты, хватил, батюшка... Прямо-таки славы... – И повернулась к Елагину. – А ты что скажешь, Иван Перфильевич? Какова актёрка-то?

Елагин закивал головой.

– Я всегда с удовольствием лицезрел девушку эту на сцене... Весьма хороша...

Екатерина задумалась.

– Может и так... Я тебя, Дарья Дмитриевна, хорошо запомнила по представлениям пьес моих на сцене Эрмитажа нашего... Ты мне нравилась всегда, врать не буду... Да только не резон это – благородной девушке на жалованье в придворный театр идти...

Дарья Дмитриевна попыталась снова опуститься на колени.

– Дозвольте, Ваше Величество!

Императрица расхохоталась.

– Держи её, Денис Иваныч, а то она себе все коленки отобьёт... – Она подумала несколько, потом, посерьёзнев, вдруг велела. – Ты, я смотрю, девушка смелая. Да настырная... А я устала нынче... Вот и развлеки государыню свою. Спой-ка нам что-нибудь, или станцуй...

Дарья Дмитриевна растерялась.

– Как... Прямо здесь?

– А почему бы и не здесь? Ты ведь актёркой хочешь стать, потому в любом месте и в любое время представлять должна уметь... А здесь, чем хуже, чем в балагане под Качелями?

Дарья Дмитриевна поняла, что от неё требуется. Поняла, что, быть может, это выступление для неё – последний шанс. Именно в такие мгновения человек взрослеет, и за эти несколько минут у ног императрицы Дарья Дмитриевна преобразилась. Прощай милое счастливое детство и удовольствия беспечного отрочества! Она сама выбрала своё будущее, никто из близких её понять не мог, поддержки ждать было неоткуда, она была одна-одинёшенька на этом пути... Дарья Дмитриевна выпрямилась, слёзы на её глазах высохли, и она спросила твёрдо, глядя прямо в глаза государыне.

– Что Вы услышать желаете, Ваше Величество?

Екатерина удобно расположилась в кресле.

– Да, пожалуй, весёлое что-нибудь... Погода нынче вона какая прекрасная...

– Только... Здесь нет музыкантов, Ваше Величество...

– Нашла об чём горевать! Для меня музыка, что есть, что нет – всё одно... Я из музыки различаю только лай своих девяти собак – каждую по голосу признаю... Начинай, не томи...

И Дарья Дмитриевна великолепно исполнила дивертисмент. Зрителей было немного – сама императрица, Елагин с Фон-Визиным, да Фальконет с мадемуазель Колло. Но был

ещё один свидетель представления, которого никто не замечал. Его никто не видел, но ему всё было отлично видно и слышно. Это был шевалье де Ласкари, которого хорошо закрывал от прочих пышный хвост Фальконетова коня. Поначалу всего представления, когда только Дарья Дмитриевна упала перед императрицей на колени, он крепко испугался за неё, потом даже позлорадствовал её унижению. Но девушка очень старалась понравиться государыне. Она забыла о страшных угрозах и показала Екатерине во всём блеске – исполнила великолепно и какую-то песенку из водевиля, и какой-то старинный танец... А потом, совершенно осмелев, присев перед императрицей, еле сдерживая прерывистое после танца дыхание, спросила.

– Позвольте ли, Ваше Величество, пригласить в помощь Дениса Иваныча? Мы много с ним репетировали разные сцены из его знаменитого « Бригадира »... Я слышала Вашему Величеству эта пьеса понравилась...

Екатерина кивнула, соглашаясь. Денис Иваныч тут же выступил вперёд, и они с Дарьей Дмитриевной так разыграли диалог Советницы с Сыном Бригадира, что не только государыня громко смеяться изволила, но даже Ласкари давился от смеха, прячась за лошадиным хвостом.

– Ну, представлением твоим я весьма довольна. – Сказала, наконец, императрица Дарье Дмитриевне и как-то сразу стала строгой и серьёзной. – Видать, любовь твоя к театру и, впрямь, нешуточная, коли даже каторги не испугалась, и

унижение стерпеть готова... Это я в тебе уважаю... Хорошо, девушка, будь по-твоему. Будешь ты в театрах наших служить! Только не в Петербурге, а в Москве, чтобы дядюшку поменьше срамить... Ты, Иван Перфильевич, жалованье ей не поскупись определить, не след дворянке голодать... За этим сам проследи. И платье театральное тоже за мой счёт будет. А если замуж выйдешь за достойного дворянина, то и наследство своё получишь... Ну, а коли не получится актёрки из тебя или какой грех случится, не дай Бог, – мы тебя тотчас домой вернём...

Дарья Дмитриевна только и воскликнула в изнеможении.
– Ваше Величество! Благодарю Вас, Ваше Величество!
Екатерина строго погрозила ей пальцем.

– Не вздумай опять на пол грохнуться! Ещё Пётр Великий не разрешал подданным своим в грязь шлёпаться. После него много воды утекло, а рабская привычка сия в нашем народе крепко засела... Ступай домой, пока дядюшка не хватился тебя, и жди моих распоряжений... С Петром Ивановичем я сама разберусь. Ему нынче назад в армию пора. Турки об нём, я чай, совсем затосковали... Проводи-ка девушку, Денис Иванович, а то она от радости, неровён час, под карету угодит...

Молодые люди, приложившись к руке государыни, ушли.

– Как Вам понравился сей спектакль, мадемуазель Колло?
– С интересом повернулась к Мари Анн императрица.
Мадемуазель Колло ответила искренне и честно.

– Мне было очень страшно, Ваше Величество...

– Да неужели я так страшна, мадемуазель Колло? – Екатерине не понравились эти слова, она решила смягчить впечатление. – Ну, признаюсь, есть у меня такой грех – не могу видеть голого энтузиазма, чтобы не полить его холодной водой...

Она встала, подошла к всаднику, возвышавшемуся в полном забвении посреди мастерской, дотронулась рукой до холодного гипсового копыта его лошади.

– Есть ли у Вас ко мне ещё дела, профессор Фальконет?

– Есть, Ваше Величество... – заспешил ваятель. – Господин Ласкари прекратил службу свою в кадетском корпусе. Это до меня не касается, и я в это не вмешиваюсь...

Ласкари осторожно выглянул из-за Модели, напрягся, боясь пропустить, хоть одно слово. Императрица сама стояла, как изваяние, лицо её снова стало непроницаемым.

– Если Ваше Величество позволите, желаете, прикажете... – Фальконет торопился, боясь, что она не дослушает, уйдёт. – Я хотел бы, чтобы он продолжал помогать мне, особенно при отливке... Я говорил с ним... Если он получит приличное чину и обязанностям жалование, то он останется и будет продолжать службу с прежним усердием...

Екатерина пожала плечами, ответила холодно и отчуждённо.

– Ласкари на днях просил отставки и хотел ехать на воды... Так что и не знаю, как это совместить с желанием

остаться при Вашей работе... – Она решительно перевела разговор. – Итак, Большой моделью я довольна. Думайте теперь об организации литейного производства. Поручаю Вас целиком Конторе строений и её директору. Ну, ну, профессор Фальконет... – Заметила она его расстроенный вид. – Заключите перемирие с Вашими врагами, как я с султаном... Побеждайте все препятствия и не тужите ни о чём... Прощайте!

Все вышли, провожая императрицу, в мастерской остался один Ласкари.

Как он ненавидел сейчас эту немецкую Фике, эту русскую императрицу Екатерину! Русский двор был полон иностранцев, куда ни пойдёшь – то немцы, то шведы, то французы... И даже греки. Тот же Мелиссино... Батюшка Петра Ивановича, между прочим, родом с того же прекрасного острова Кефалония, откуда когда-то пришлось бежать Ласкари, скрываясь от полиции... Вообще-то тогда он был не шевалье де Ласкари, подполковник и директор Шляхетного Кадетского корпуса в самом Санкт-Петербурге, а был он всего-навсего какой-то безродный грек Марин Карбури... Ну, так про то и речь... Русская императрица месяца, недели не может обойтись без иностранцев, а как воспользуется их талантами и умениями, так и выгонит прочь... И Ласкари ей более не нужен, и сам Фальконет давно надоел...

– Но моя песенка не спета ещё, Ваше Величество! – Сказал неожиданно вслух шевалье. – Где, где они?

Ласкари вбежал в кабинет Фальконета и стал лихорадочно искать что-то на его столе. Очень скоро нашёл, удовлетворённо развернул свёрнутые рулоном бумаги. Это были чертежи механики, изобретённой Андреем, безродным мастером, о котором сейчас шевалье начисто забыл. Это были его чертежи, шевалье де Ласкари! Его! И механика была изобретена им! Никто не посмеет сказать, что кто-то другой придумал машину по перевозке камня! И Марин Карбури тут же решил: он напишет книгу об этом своём подвиге... И назовёт её... Вот как – «Трактат о Камне»... И в этой книге будут напечатаны все эти великолепные чертежи, выполненные лучшими гравёрами Конторы строений... И гравюры... Где эти гравюры? Вчера поздно вечером архитектор Фельтен принёс их Фальконету. Художники засиделись за полночь, им всегда было, о чём поговорить. Поэтому только ранним утром сегодняшнего дня Ласкари удалось, наконец, внимательно рассмотреть работы Фельтена. Гравюры так прекрасны, так точно передают всю необычную атмосферу эпопеи по перетаскиванию скалы... Опальный шевалье торопливо рылся в бумагах Фальконета.

– Вот они... – Он аккуратно сложил бумаги в огромную папку. – Вся Европа признает талант, Ласкари, Ваше Величество, и Вам станет стыдно, что Вы изгнали меня из своей страны...

Столица опять бурлила. Газеты описывали детали и тон-

кости литейного процесса, об отливке монумента судачили на всех городских рынках, хулители и доброжелатели Фальконета обсуждали в гостиных правильность его действий... Литейный дом, по нелепому распоряжению Бецкого, был выстроен в центре города, у стен самого Сената, рядом с местом, где должна была быть установлена готовая статуя. Расплавленный металл посреди людской толпы вызывал большую тревогу у городских властей и самих горожан.

В самом Литейном доме к отливке статуи всё было готово. Посреди мастерской возвышалось некое фантастическое чудовище, похожее то ли на осьминога, то ли на сказочного змея о нескольких головах. Это была восковая форма, заключённая в опоку, от которой шли металлические трубы к сводчатой печи, в которой плавился металл. Часть этих труб была для бронзы, часть – для выхода воздуха...

Фальконет стоял возле литейной печи, закрыв лицо ладонью от огня. Последние дни он стоял так часами – глаза его были красны, брови и ресницы опалены. Рядом с ним неотлучно находились Емельян Хайлов и Андрей.

– Я так надеюсь на тебя, Емельян... – Голос ваятеля дрожал. – Я так верю тебе...

Хайлов ласково успокоил его, видимо, не в первый раз.

– Не извольте волноваться, профессор Фальконет... Бронза вот-вот будет готова... А с таким надёжным помощником, как Андрей, ничего дурного произойти просто не может...

Андрей литейным делом не владел, но из желания помочь

Фальконету и давнему своему другу Емельяну Хайлову, а всего более из-за горячего желания быть участником такого важного и необычного дела, он из Литейного дома тоже почти не выходил.

Наконец, городским властям поступило сообщение от Фальконета, что сегодня в любой час может начаться отливка статуи. В кабинет руководителя Адмиралтейств-коллегии адмирала Мордвинова прибыл офицер с письмом от фельдмаршала князя Александра Голицына. Именно ему доверила императрица свою столицу, отправившись в Москву для встречи командующего русской армией генерала-фельдмаршала графа Румянцева, возвращавшегося с войсками с победоносной войны с Турцией.

Мордвинов зачитал послание собравшимся офицерам и завершил его словами:

– Итак, сего числа в лаборатории, стоящей на площади при берега Невы между Адмиралтейством и Сенатом, начнётся литьё монумента. Коллегия наша должна взять надлежащие меры к предосторожности от пожарного случая и для сохранения целостности Адмиралтейства.

Было от чего беспокоиться! Здесь стояли на стапелях корабли, было много леса и всякого горючего материала. Началась страшная суета. Вывозили весь порох, что был в Адмиралтействе, всё лишнее, что могло воспламениться при случайном пожаре. Для наблюдения за площадью расставлялись по дворам солдаты, забивались окна в ближайших магазинах.

нах, приготавливались бочки с водой, вёдра и багры...

В литейном доме наступил критический момент. Огонь пылал всё сильнее и жарче, литьё гудело в печи. Но как всегда бывает в таких случаях, бдительность руководителей плавки притупилась от напряжения: их не оказалось в мастерской в самый ответственный момент. Дежурный рабочий, оставленный в литейном доме следить за топкой, заснул от усталости. Другие помощники, по неопытности посчитали, что огонь в печи стал слишком слаб и разожгли его чересчур сильно... Хайлов во время вбежал в мастерскую, когда литьё стало бурлить в трубах, растолкал спящего, что-то закричал ему – от рёва kloкочущего литья ничего не было слышно... Тот, вскочив, упал перед вбежавшим Фальконетом на колени. Скульптор отмахнулся, с ужасом глядя на раскалённую печь. Но сдерживать раскалённый металл было уже невозможно, и он закрыл лицо руками. Трубы начали заполняться бронзой, стекая по ним в форму. Поначалу казалось, что всё идёт неплохо, но вдруг одна из труб, расплавившись от чрезмерного жара, лопнула и раскалённая бронза хлынула в мастерскую... Мгновенно вспыхнул сильный пожар. Фальконет, совсем растерялся, схватившись за голову, в отчаянии он выскочил на улицу. В мастерской остались только Андрей и Хайлов. Емельян остервенело тушил пожар, и, к счастью, огонь быстро сдался – горели только опилки и часть деревянной опалубки. Андрей, обжигая руки и лицо, заделал, чем попало расплавленную трубу, и заставил

бронзу опять течь в форму... Фальконет остыл на улице, и, опомнившись, быстро вернулся – ему было страшно стыдно. Мастерскую всю затянуло дымом. Хайлов натужно кашлял, что-то крича ваятелю и выталкивая его обратно на улицу. Андрея нигде не было видно. Спустя четверть часа, когда дым рассеялся, Фальконет нашёл его. Он лежал на ещё тлеющих опилках на полу и был без сознания. Хайлов вынес его на воздух, опустил на землю. Андрей не дышал. Фальконет неутешно заплакал...

Дашенька пережила смерть Андрея, своего бесценного друга (теперь она иначе и не называла его) очень тяжело. Родных у Андрея не было, и они с тётушкой Марией Петровной, которая вызвала её из Москвы, тихо похоронили его в Лавре совсем неподалёку от Дашенькиных родителей. Без Андрея дом совсем осиротел, стал тихим и пустынным. Хозяйство так быстро стало приходить в упадок, что Мария Петровна до приезда мужа из армии выписала управляющего из имения своих родителей.

Дашенька пробыла в родном доме недолго, надо было возвращаться в Москву. Она служила в одном из лучших Московских театров, московские театралы Дашеньку полюбили, она быстро завоевала их уважение как едва ли не лучшая актриса на московской сцене. Государыня пристально следила за её успехами, о том многие гости из Петербурга ей передавали...

Через муки творчества, унижения и прямые оскорбления, через удачи и потери Фальконет подошёл к концу своего деяния. Готовый монумент стоял в мастерской, чеканщикам предстояла долгая работа по шлифовке швов и неровностей бронзы... Давно покинула Россию его любимая ученица. Несколько лет назад она стала его невесткой, вышла замуж за его непутёвого сына, и теперь мучилась с ним в Париже, имея на руках крошечную дочурку, внучку Фальконета... На душе было тяжело. Он был подавлен: в его мастерской погиб молодой, талантливый человек... Была испорчена плавка – головы Петра и его коня пришлось отливать заново. Бецкой в Сенате требовал вычесть из гонорара ваятеля деньги, потраченные на эту повторную плавку... Императрица, до слёз напуганная бунтом Пугачёва, совсем забыла о монументе, и даже не сообразовала взглянуть на него...

Ваятеля давно и настойчиво звали в Голландию. Он быстро собрался – в отличие от Ласкари, богатства в России Фальконет не нашёл. Перед отъездом он пришёл проститься к Фон-Визину, с которым подружился в последние годы. Денис Иванович только что вернулся из Франции, и ваятелю не терпелось узнать новости – его молодой друг должен был повидаться в Париже и с Мари Анн, и с его внучкой. Они обнялись при встрече, долго говорили о разном. Фон-Визину нечем было порадовать Фальконета: его невестке приходилось несладко, но кое-какие любопытные новости он всё-

таки привёз.

– Знаете ли... У меня ведь Вам подарок есть...

– Подарок? Я давно забыл, что это такое...

Фон-Визин протянул ему большой фолиант.

Фальконет с удивлением взял в руки книгу. Граф Марин Карбури... Бог мой! – Воскликнул он, раскрыв страницы. – Ведь это наш шевадьё! «Трактат о камне»... «Я нашёл»... «Я придумал»... «Я перевёз»... И почти что – «я изваял»... Оказывается, не быть монументу, если бы не советы его... Бог мой, сколько людей пытаются приписать себе чужие достижения... Даже Ласкари... Про Бецкого я и не говорю... – Он вздохнул и, поблагодарив Фон-Визина, добавил. – Впрочем, всё это уже не имеет никакого значения... Среди всего, что заставляли меня претерпеть, я работал как художник, который ставит достоинства порученной ему работы выше человеческих фантазий...

Минуло ещё долгих четыре года, пока императрица, не приняла решение открыть, наконец, монумент. Тому было много причин – Екатерина, желавшая, чтобы все народы на земле, а пуще всего свой собственный, считали её преемницей Петра Великого, решила отметить столетнюю годовщину его воцарения открытием монумента, который так долго ждал решения своей участи. И государыня распорядилась готовиться к празднику. Величайшее повеление выполнялось с превеликим усердием, и не напрасно.

Такого торжества в Петербурге ещё не бывало.

Утро выдалось не по-летнему прохладным и ветреным. Небо, закрытое тучами, вот-вот снова должно было пролиться дождём: ливень, шедший всю ночь, повсюду в городе оставил огромные лужи и непролазную грязь. Сильные порывы северного ветра готовы были сорвать огромные полотняные щиты с нарисованными на них гористыми странами: этими щитами закрыли от зрителей монумент, установленный за несколько месяцев до праздника.

Но неприветливая погода не испугала жителей города. Едва хмурый рассвет накрыл ближайшие к площади улицы, толпы людей потянулись к Неве. Пешком, на повозках, в экипажах и каретах празднично одетый люд торопился туда, где должно было состояться торжество. Сюда тянуло всех – и дворовых, и крестьян, и рабочих людей, и знатных горожан. Все с нетерпением поглядывали на небольшое двухэтажное здание Сената. Его вытянутый балкон был украшен разноцветными флагами, хлеставшими полотнищами под ударами сильного ветра. Именно с этого балкона императрица должна была руководить праздничным действием.

Но центром движения был наплавной мост через Неву. По нему с Васильевского острова ехали и шли люди, закрываясь от холодного ветра, готового сорвать не только флаги и знамёна, украшавшие мост, но, казалось, и самих горожан.

На Неве у моста качались на волнах многочисленные императорские яхты, различные суда, большие и маленькие, то-

же украшенные флагами, заполненные множеством людей, ожидающих появления императрицы.

И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, порывистый ветер, разогнав плотные тучи, явил городу голубое летнее небо и тёплое солнце и покинул праздничный город, который тут же стал тёплым и приветливым.

Площадь вокруг монумента стали заполнять войска – всего до пятнадцати тысяч человек.

Великое множество народа, заполнившее специально построенные галереи, дети и взрослые, расположившиеся на крышах всех соседних зданий, огромные толпы на противоположном берегу Васильевского острова – все хранили торжественное молчание.

Императрица прибыла по воде. Выйдя на берег, она в сопровождении своей свиты торжественно проследовала до Сената и, скрывшись в его распахнутых дверях, вскоре появилась на балконе. Широким взмахом белого шёлкового платка она дала знак, и в небо взлетела сигнальная ракета.

И тут же огромные, с «гористыми странами» щиты, закрывавшие монумент, стали опускаться в стороны, открывая зрителям столь долго ожидаемое зрелище.

Войска салютовали бронзовому Петру, на Неве в его честь подняли флаги на кораблях, началась пальба с крепости и судов, смешиваясь с барабанным боем и военной музыкой. И всё это покрывали ликующие крики горожан.

Мимо балкона Сената пошли парадом войска. Впереди

Преображенского полка выступал Григорий Александрович Потёмкин. Он гордо сидел на коне и смотрел своим единственным глазом прямо в лицо императрице. Едва заметным движением он дал команду лошади, и та, гарцуя, пошла под балконом, красиво выкидывая ноги. И вдруг, когда государыня довольно улыбнулась своему любимцу, от переднего копыта его коня отлетел вверх ком грязи. Сделав вираж над головой полковника, падая вниз, он зацепился за его треуголку и завис над его лицом. Положение было угрожающим. Ком грязи медленно сползал вниз. Потёмкин боялся шевельнуться, но всё было напрасно. Грязь полностью залепила ему лицо, только единственный его глаз сверкал бешеным огнём. Екатерина не могла удержаться от смеха. Потёмкин гневно стрельнул на неё горящим глазом и, пришпорив коня, умчался с площади.

Как только войска проследовали вдоль Сената, отдавая честь императрице, народ хлынул к монументу. Теснота была немислимая. Взвизгивали дамы, сердито бубнили, ссорясь, мужчины, мужики теснили господ, все дружно месили грязь, которая комьями повисала на обуви и платьях.

Время от времени на край толпы выбирался какой-нибудь изрядно помятый зритель: то сквозь мужские бока и спины протискивалась девица, фижмы платья которой были сломаны и торчали спереди и сзади, вместо того, чтобы располагаться по бокам; то на свет Божий выбирался мужик с босыми ногами, до колен залепленными грязью... Затоптанный

мужской парик, чей-то ридикюль, обрывки лент, цветов и перьев от шляпок и ещё многое другое оставила на раскисшей от дождей земле толпа, хлынувшая к памятнику...

А со стороны старой Исаакиевской церкви, сквозь ряды стоявших там карет, пытаясь не запачкаться об их колёса, пробиралась молодая изящная женщина. Подойдя поближе к монументу, она остановилась, не решаясь идти дальше в толпу и ступить в грязное месиво, что начиналось впереди.

Это была актриса императорских театров Дарья Дмитриевна Корсакова.

В то же время, протискиваясь через лес чьих-то ног, сопровождаемый дамским визгом и чертыханьем мужиков, из толпы на четвереньках выполз грузный мужчина. Его новый дорогой камзол был невероятно грязен, остатки пышных кружев на груди и манжетах представляли весьма жалкое зрелище. Подмышкой он держал скомканный и спутанный парик неведомого цвета. Лицо его тоже было в грязных разводах, а глаза несчастны. Отдуваясь, он сел прямо в грязь и, подняв голову, встретился взглядом с Дарьей Дмитриевной, которая с удивлением и ужасом смотрела на него.

– Денис Иваныч!

– Дарья Дмитриевна! Дашенька! Бог мой, стыд-то какой!...

Фон-Визин тяжело поднялся, попытался было почиститься, да только и махнул грязной рукой.

– Хороша наша деревня, да улица грязна... – Вяло пошу-

тил он. – Вы какими судьбами в Петербурге?

Дарья Дмитриевна была очень рада встрече. Только утром прибыла она из Москвы, очень устала, но была несказанно рада встрече и с тётушкой, и с кузеном. Все эти годы мечтала Дашенька помириться с дядюшкой, который её ни знать, ни видеть не хотел... Но если признаться честно, то гнев его давно прошёл. За годы, проведённые на войне, он научился ценить людей, долго не мог смириться со смертью своего воспитанника, и потому теперь любовь близких людей была для него особенно ценна. К тому же государыня при каждой встрече обещала помирить его с племянницей, которую очень хвалили все знатоки театра.

– Я записку Вам отправила с нарочным. – Сказала Дашенька, ласково глядя на Дениса Иваныча. – Разве Вам никто не передал, что меня императрица специально вызвала... Она хочет, чтобы я во всех праздничных спектаклях участвовала... И в «Бригадире» Вашем тоже... Я Вам в записке написала, где нынче остановилась, я у дядюшки не могу, Вы знаете... А в театре мне сказывали, что Вы завтра непременно на репетиции будете... Мне много чего Вам сказать надобно...

Фон-Визин Дашеньке необычайно обрадовался. Он её всегда любил, а заполучить на первое представление своей пьесы такую актрису, было вообще страшным везением. Наконец-то разрешено было поставить на придворной сцене «Бригадира», во всю шли репетиции, Иван Афанасьевич

Дмитревской, руководивший постановкой, только что не ночевал в театре. Денису Иванычу очень хотелось тут же обсудить, обговорить с Дарьей Дмитриевной все подробности, но он прекрасно понимал, каким пугалом был сейчас перед ней, да и время поджимало – ему нужно было торопиться...

– Дашенька, душа моя, Дарья Дмитриевна, – только и взмолился он. – Должен я извиниться и откланяться. Поверите ли – у меня сегодня аудиенция в Царском селе вечером, по моей же просьбе, а когда теперь эту грязь смою – не ведаю... – Он было наклонился, чтобы ручку поцеловать своей любимице, да вовремя спохватился. – Не пережить мне того позора, что перед Вами в таком виде стою...

Дарья Дмитриевна засмеялась, достала кружевной платок, вытерла его лицо.

– Грязь – не сало, высохла и отстала... Так у нас говорят? Платок возьмите, я ещё один дам... Я видела Вашего Ваньку... Он здесь недалеко, сразу за церковью стоит...

Фон-Визин, прощаясь, ещё раз извинился.

– Простите нелепость встречи нашей, Дарья Дмитриевна. Рад несказанно, что Вы в Петербурге нынче. Обо всём переговорим непременно... Домой ко мне во всякое время приходите, жене моей радость большую доставите... Слава Богу, нынче она дома осталась, отродясь толпы не любит...

Фон-Визин, хромая, побрёл разыскивать своего Ваньку, с трудом протискиваясь между каретами. Дарья Дмитриевна проводила его улыбкой, и решила всё-таки подойти к мо-

нументу поближе – слишком тесно её судьба была связана с Петром Великим, который возвышался теперь над площадью...

С наступлением темноты в городе вспыхнули сотни огней, освещались дворцы и набережные, немногочисленные мосты и суда на реке. Монумент был весь залит светом.

Праздник удался на славу.

Только к ночи длинный- длинный императорский поезд подтянулся к Царскому селу. Застоявшиеся лошади бежали прытко, кареты ярко освещались выносными фонарями, но день был трудным и долгим, и многие из вельмож, сопровождавших императрицу, крепко спали, спрятавшись за плотными занавесками своих экипажей. Даже те офицеры, которые должны были эскортировать государыню, потихоньку дремали в седле. Дремала и сама императрица, положив усталую голову на плечо Сашеньки Ланского. Но едва проехали заставу, задул снова северный ветер, да такой сильный, что затрещали, забились флаги, украшавшие кареты. Екатерина пристраивала голову на плече у Сашеньки то так, то этак, и, в конце концов, села, взявшись за неё руками.

– Всё болит головушка? Никак не проходит? – Участливо спросил Ланской.

– Болит, чтоб её! – Потёрла она свои виски. – И всё сильнее...

– Может, остановиться? Призвать лейб-медика?

Екатерина только руку сумела поднять.

– Едем, едем быстрее... Мне бы только до постели добраться... Никому никогда не говори, Сашенька, про пароксизмы мои... Не хочу, чтоб мои люди меня жалели... Это, друг мой, Сашенька, только тебе дозволено... Ты и жалеешь...

– А я и жалею! Ох, как жалею...

Ланской был искренен – он очень её жалел.

А в Царскосельском дворце в ожидании императрицы который час томился Фон-Визин. Он сидел то в кресле, то на канапе, то на стуле – время шло медленно. Чтобы не было слишком скучно, он стал пристально рассматривать стены в комнате, украшенные сибирской лазурью, потом перевёл взгляд на пол из красного дерева и перламутра, в котором, казалось, отражались его зелёный бархатный кафтан, белые штаны, застёгнутые у колен серебряными пряжками, и новые модные кружева жабо выше подбородка. На этом полу хорошо смотрелись и его новые башмаки, с пряжками, осыпанными стразами. В этом господине, тщательно одетым по последней моде, трудно было узнать Дениса Иваныча, сидевшего днём в грязи посреди Петровской площади.

Постепенно комната стала заполняться посетителями. Разговаривали тихо, но до Фон-Визина долетали отдельные фразы.

– Кажется, уже совсем близко от Царского...

– Говорят, у государыни опять случились пароксизмы...

– Стало быть, нынче никого принимать не будут...

Фон-Визин разочарованно прислушивался к разговорам.

– Государыня приехали, но принимать никого не будут! –

Объявил флигель-адъютант.

Придворные потянулись к дверям, последним был разочарованный Фон-Визин.

– Государыня! Государыня!

Не все успели выйти, замерли в поклоне вдоль стен.

Екатерина, бледная, скрипя зубами от боли, прошла быстро, никого, казалось, не замечая. Ланской – рядом с ней, нога в ногу, позади – озабоченный лейб-медик. Но, проходя мимо Фон-Визина, склонившегося в придворном поклоне, императрица на секунду замедлила шаг.

– Ты, Денис Иваныч, не уходи, коли пришёл... Пройди в кабинет, да подожди ещё несколько... Остальные – в другой раз... Простите, мои дорогие...

Фон-Визин прошёл в царский кабинет весь из китайского лака и приготовился ждать.

Он старался не смотреть в приоткрытую дверь спальни, за которой была тихая суета, возня, звяканье металлических инструментов, чей-то шёпот. Это длилось довольно долго, наконец, Фон-Визин услышал слегка изменённый голос императрицы.

– Ты ждёшь, Денис Иваныч? Считаю, что дождался... Я тотчас встану, полегчало мне... Всё. Спасибо... Уведи всех, Мария Саввишна, а я к Денису Иванычу выйду... Ну, не ши-

пи, не шипи, я недолго... Ты спать ложись, не жди меня.

Прошло ещё несколько времени, и Екатерина появилась в кабинете, прижимая к себе руку, согнутую в локте.

– Ну, вот, совсем хорошо – последнюю немецкую кровь выпустила... – она посмотрела на себя в зеркало и, слегка кокетничая, поморщилась. – О, Господи... Рожа моя, рожа! На что ты похожа?.. Ты-то чего перепуганный, а, Денис Иванович? Я здесь сяду, и ты садись, в ногах правды нет. Вот так. День нынче, хоть и праздничный, да больно шумный. Мону-мент Петру Великому на Сенатской площади открыть – не на качелях там покататься... Но уж больно нынче ветер си-лён... Я ветер завсегда головой чувствую...

Фон-Визин с готовностью поддакнул.

– Особливо, если норд дует...

– Верно... – Серьёзно согласилась императрица. – В заты-лок словно кто гвозди вбивает, и в ухо так и стреляет, так и стреляет...

– В правое... И мушки этикие перед глазами так и мель-кают, так и мелькают...

– Чёрные... – Вздохнула государыня и тут же спохвати-лась. – А ты, Денис Иванович, откуда так хорошо про парок-сизмы мои знаешь?

Фон-Визин тяжело вздохнул.

– С самых детских лет я стражду сильной головной болью. Она так возросла с годами, что составляет теперь всё несча-стье жизни моей...

Екатерина сочувственно взглянула на него.

– Вот оно что... Значит, и в нашей волости лихие болезни... Что же, так и будем скрипеть на пару... Но коли сейчас говорить могу, значит отлегло... Меня вот что интересует, как понравились тебе торжества наши? Где твоё место было, когда монумент взорам нашим открылся?

Фон-Визин с годами приобрёл немалый опыт придворной жизни. Молодое задорное легкомыслие сменилось действиями разумного, зрелого человека. Много лет прослужив под началом такого блестящего дипломата, как Никита Иванович Панин, он и сам обучился тонкостям общения с разными людьми, а характер императрицы изучил досконально. И потому отвечал ей, не торопясь, вдумчиво, внимательно следя за выражением её лица, освещённого неярким светом свечей в жирандоле, стоящем в углу кабинета. Но всё-таки сейчас он не мог сдержаться и ответил, внутренне улыбаясь, иронизируя над самим собой.

– С моего места, Ваше Величество, у меня большой обзор был. Я всё в малейших подробностях лицезрел. – И, помолчав немного, добавил совсем серьёзно. – И точно могу сказать: событие сие не только в памяти свидетелей до конца жизни останется, но и государыне нашей и всей России славу принесёт...

Екатерина удовлетворённо кивнула.

– А что тебе более всего понравилось? Прямо говори, не таись...

– Более всего понравился мне монумент Фальконетов...
– Государыня нахмурилась, и Фон-Визин тот же час спохватился. – И, безусловно, надпись на монументе лапидарная: «Петру Первому Екатерина Вторая»... Что может быть лучше?

Императрица отвернулась, чтобы скрыть от него своё удовольствие.

– Не буду сей комплимент за лесть почитать, коли меня признанный литератор за остроумие хвалит...

Фон-Визин понял, что угодил, и решил воспользоваться моментом.

– Жаль, что в столь знаменательный час не было с нами Фальконета... Вот радость была бы... – Он не сводил с императрицы глаз и зорко следил за её реакцией. – Я думаю, он крепко обрадуется, когда получит медаль Вашу.

Екатерина рассеянно взглянула на него.

– Медаль? О какой медали ты говоришь, Денис Иваныч?

Денис Иваныч решил не отступать.

– Да той медали, что Вашим Величеством утверждена, и коей все участники сего исторического события награждены.

Государыня не выдержала и расхохоталась.

– Хитёр, Денис Иваныч, ничего не скажешь, хитёр... Не даром в Коллегии Иностранных дел так долго служишь... Ну, да будь по-твоему: мы отправим в Париж две медали: и золотую, и серебряную... Ты про Фальконета только

Иван Иванычу Бецкому не напоминай: ещё один удар, не дай Бог, хватит... Совсем старым генерал стал, у молодых людей спрашивает, помнят ли они Петра Великого... – Она прерывисто вздохнула. – Старые дураки глупее молодых... Если правду сказать, я так и не поняла, чего они с Фальконетом двенадцать лет за моей спиной грызлись... Я вроде третьей-судьи промеж ними была, только и повторяла: « Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела»... – Она перестала улыбаться и сказала очень серьёзно. – А тебе я вот что скажу: я поручение дала доверенным лицам своим, чтобы сыскали мне в Италии архитекторов даровитых... И наперёд велела, чтобы люди были честные и рассудительные, и по земле ходили, а не по воздуху, как Фальконет... Ну, и Бог с ним, с Фальконетом-то... Теперь давай о твоём деле поговорим. Час поздний. Зачем пришёл?

Фон-Визин вскочил и склонился в поклоне, протягивая ей заветный листок, который прятал за своей спиной.

– Я с прошением, Ваше Величество...

Императрица приняла из его рук бумагу, подошла к жирандоли, внимательно прочла её при мерцающем свете свечей.

– Да никак ты увольняться от службы просишь, Денис Иваныч?

Фон-Визин покорно склонил голову.

– Замучили меня пароксизмы мои. Нет более сил достой-

но обязанности свои нести...

Екатерина тяжело вздохнула.

– Я тебя, Денис Иванович, более других понять могу – голова болит, какая уж тут государственная служба. Отпускаю я тебя с благодарностью за долгую безупречную деятельность твою на благо государства нашего... И отпущу не просто так, позже получишь мои распоряжения, постараюсь тебя не обидеть... А пока вот что.... Ты, Денис Иванович, на диване-то не шибко залёживайся... Пока торжества готовились, я много про монумент Петров думала. Я тебе одно поручение дам... Почему ты всё комедии пишешь? Они, конечно, хороши, и шуму много наделали, но почему бы тебе и трагедию не написать?

Фон-Визин даже отшатнулся.

– Трагедию? Об чём, Ваше Величество?

– Да хоть о Гром-камне... Как нашли его, как на Сенатскую площадь доставляли... И название для этой трагедии есть... Помнишь ли надпись, что была выбита на памятной медали, коей награждены были все участники того события?

– Помню, Ваше Величество... «Дерзновению подобно»...

– Вот то-то и оно... «Дерзновению подобно»... Вспомни, как всё было-то... Гром-камень на виду у всей Европы тащили... – Она удовлетворённо покачала головой. – Какова работа была! Мне мои математики потом посчитали: более чем на две трети, мы древних римлян перещеголяли... Ты героев трагедии той всех лично знаешь. Помнишь ли шева-

лье де Ласкари?

Денис Иваныч про себя усмехнулся, а вслух сказал.

– Как не помнить! Вся Европа знает его шаровую машину по перетаскиванию Гром-камня...

Императрица весело расхохоталась. Видать головная боль, и в самом деле, её отпустила.

– Ошибается Европа, Денис Иваныч! Люди мне донесли, что устройство той машины нашему шевалье кузнец из Конной Лахты за стакан водки презентовал! Ну, так сейчас не про то речь... Этот Ласкари во Франции графом Карбури сделался... Кто его в графы произвёл – темна вода на болотцах... А был он всего-то ничего – мой «засланный казачок» к Фальконету. Из плута скроен, мошенником подшит...

Фон-Визин опешил, не веря своим ушам.

– Виноват, Ваше Величество... Неужто...

Екатерина хохотала, радуясь произведённому эффекту.

– Понял наконец? Так чем же история сия – не сюжет для трагедии русской? Надо так написать, чтоб не хуже, чем у Шекспера было... У нас теперь никто трагедий не пишет, после Ломоносова да Сумарокова все трагедии кончились... – Она перестала смеяться и сказала очень серьёзно. – Так вот... Отдохнёшь от дел дипломатических и начнёшь дела литературные, и мне доложишь, как писать надумал. Отечеству нашему литераторы нужны, не менее, чем дипломаты.

Она подала Денису Иванычу руку для поцелуя и сказала на прощанье.

– Я, Денис Иванович, каюсь, твоего «Недоросля» так и не прочла... Я его Григорию Александровичу на суд отдам: как князь Потёмкин скажет, так и судьба твоей пьесы будет...

Напросившись на аудиенцию к всемогущему фавориту, в назначенное время Фон-Визин направился к нему читать своего «Недоросля».

Впрочем, напрашиваться долго не пришлось. Потёмкин старых знакомых не забывал, а Фон-Визина выделал особо: ценил его талант и остроумие, а самое главное – было у них общим далёкое детство, учёба в гимназии при Московском университете, поездка в Петербург в числе пяти лучших учеников и в сопровождении любимого директора гимназии Ивана Ивановича Мелиссино... Правда, несколько позже был Денис Иванович переведён в Университет на философский факультет с золотой медалью, а Григория Александровича перед тем отчислили из гимназии за непослушание и нехождение в классы... Потёмкин часто о том вспоминал и очень хохотал при этом. В общем, он весьма благодушеествовал к Фон-Визину, если не сказать просто – любил его, как старого товарища. Денис Иванович мало в том сомневался, так как однажды, совсем нечаянно, в вечерних сумерках Царскосельского парка наткнулся на царственную пару, которая, не спеша, прогуливалась по аллее и вела негромкую беседу. Фон-Визин струсил от неожиданности и, насколько позволяла его грузная фигура, резво сиганул в колючий барбарисо-

вый куст. И хотя с перепугу он мало прислушивался к беседе императрицы с фаворитом, но, услышав собственное имя, напрягся, мгновенно превратившись в слух и внимание.

– Сто лет, как тебя не видела, папа... Сделай, чтоб один был после представления комедии, чтобы я придти могла... Вчера свидетелься хотела, так чёрт Фон-Визина к тебе принёс... – Говорила императрица, ласково прижимаясь к плечу друга.

Потёмкин громко расхохотался.

– Так я его с детства люблю. Ты и сама его к себе часто зовёшь...

– Это правда... Он меня знатно забавит... Только ты его любишь, а я – тебя.

Они прошли. Денис Иваныч, расцарапав себе физиономию, выбрался из колючего куста в полной растерянности – не знал радоваться ему или огорчаться...

Приёмная князя Потёмкина в Таврическом дворце была забита до отказа. Фон-Визин утомился раскланиваться со множеством весьма высокопоставленных особ, увешанных звёздами и орденами. Он скромно встал в углу и приготовился терпеливо ждать. Несмотря на огромное стечение народа, здесь царило глубокое молчание: все знали, что светлейший ещё изволит почивать. Пока Денис Иваныч разглядывал просителей, противу себя в таком же отдалённом углу, заметил он маленькую фигурку бедно одетого человека. Каким-то образом тот сумел проникнуть сюда, прятал-

ся за колонной, прижимая ногой небольшую котомку, набитую, бог знает чем. Человечек этот был дьячком, с остренькой жиденькой бородёнкой, поредевшей, видимо, от долгих лет нелёгкой жизни. Фон-Визин пожалел его, хотел было расспросить у прислуги, кто таков, но распахнулась настежь дверь спальни, и на пороге появился сам Потёмкин, в шлафроке и туфлях на босу ногу. Он пристально оглядел приёмную и, не здороваясь ни с кем, зычно позвал своего камердинера. В мгновение ока приёмная пришла в движение: посетители опрометью бросились на поиски этого камердинера, опережая в резвости друг друга. Тут только Потёмкин заметил Фон-Визина, одиноко стоявшего на прежнем месте, и поманил его мощной рукой с вечно обгрызенными ногтями. Денис Иваныч поспешил за ним в опочивальню. Следом за ним с кофейником и чашками на серебряном подносе осторожно проскользнул и камердинер. Светлейший, указав, куда поставить поднос, тут же отправил его прочь.

– Здравствуй, Денис Иваныч, рад тебя видеть. – Повернулся он к Фон-Визину. – Садись вот тут рядом, давай кофею попьём.

Фон-Визин поблагодарил и отказался, сославшись на головную боль.

– Государыня поведала мне о пароксизмах твоих. Погляди-ка на меня... Я хоть и старше тебя годами, а жизнь веду, куда более шумную... В войсках сижу по полгода, ночами не сплю, и полведра пива зараз выпиваю. В парной могу сутки

просидеть, женщин люблю – на всё силушки хватает... Отчего ты-то такой хилый? От того, видать, что всё пиесы пишешь...

Фон-Визин подхватил, усмехаясь.

– Точно так, Григорий Александрович... Лекарь мой мне предписал не токмо кофею не пить, но и пиес не писать, ибо все медики утверждают, что литераторы более всех должны апоплексии опасаться. Бедная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть – вот чем пиит от всех прочих тварей отличается.

– Ну, ну... Поживёшь ещё...

Они поговорили ещё о том-о сём как старые знакомцы. Григорий Александрович был известный меломан, содержал прекрасный роговой оркестр, а во время дружеских обедов у него непременно пели оперные арии известные певицы. А нынче задумал он настоящий оркестр собрать из разных инструментов, и пригласить капельмейстера из Австрии, про которого много говорят сейчас знающие люди. Потёмкин всё вспоминал, вспоминал его фамилию, да так и не вспомнил.

– Ну, который у епископа Зальцбургского капельмейстером служил...

– Кавалера Моцарта, что ли?

Потёмкин радостно закивал головой.

– Его... Музыка-то у него хорошая, только сомневаюсь, справится ли с оркестром... Как думаешь?

Фон-Визин пожал плечами.

– Этого я знать не могу, но у людей сведущих справиться можно...

Князь, наконец, отодвинул чашку.

– Вот и разузнай, что он за птица... Я тогда человека в Австрию пошлю для переговоров... Ну, вот... Кофей выпит...

Он вытянулся на постели, почесал голые ступни одну о другую. Достал из кармана атласного шлафрока большую морковку и с хрустом вонзил в неё зубы.

– Морковку тоже не хочешь?

Фон-Визин отрицательно покачал головой. Эту страсть светлейшего к моркови знали все придворные. Из карманов его дорогих камзолов с бриллиантовыми пуговицами почти всегда торчали очищенные хвостики этих даров Земли...

– Тогда – к делу... Там вот на столе твой «Недоросль» лежит... Матушка нынче к театру совсем охладела, всё камнями да гравюрами занимается. Сашенька Ланской шибко их любит... Садись-ка поудобней, да читай свою пьесу.

– Мне везде удобно, Григорий Александрович... Только прежде, чем я читать начну, не могу ли я Вас просить принять человека одного?

Потёмкин удивлённо уставился на него.

– Какого это человека?

Фон-Визин пояснил извиняющимся тоном.

– Что за человек – не ведаю, только, похоже, он в Вашей приёмной с раннего утра дожидается. Умаялся весь, с дороги видно... Дьячок какой-то...

Потёмкин пожал плечами.

– Велик труд! Примем твоего дьячка. Я добрый нынче...

Но едва дёрнул он за сонетку, как в спальню вбежал тот самый дьячок и с размаху шлёпнулся у постели к самым бо-
сым ногам князя. Тот от неожиданности даже сел в кровати.

– Ты как посмел?! Кто таков?

Дьячок неожиданно тонким визгливым голосом завопил.

– Смилуйся, Ваша светлость! Гришенька, ненаглядный мой!

Он крепко обхватил ноги светлейшего, да так, что тот и пошевелиться не мог.

– Пусти, дурак!

Дьячок не переставал вопить.

– Не вели казнить, вели слово молвить...

– Совсем спятил! Я тебе кто – царь Иван Васильевич?

– Ой, прости, Гришенька, сокол ясный... С перепугу все слова забыл, кои тебе сказать хотел...

Потёмкин, наконец, освободился от цепких рук дьячка, встал и потянулся к сонетке.

– Какой я тебе Гришенька? Ну, Денис Иваныч, сосватал ты мне гостя...

Дьячок сел на пол и заплакал.

– Не признаёшь ты меня, Гришенька... Вспомни-ка, князюшка, свою родимую сторонушку, село своё милое... Может, и меня тогда вспомнишь, дьячка церковного, что тебя мальчика крохотного грамоте учил...

Светлейший ахнул и шлёпнулся опять на постель.

– Ну, глянь-ка на меня! Быть того не может! Да как же тебя звали-то? Тимофей! Тимофей Краснопевцев! – Он об­лапил его своими ручищами, поднял с пола, посадил в крес­ло. – Так знай же, Денис Иваныч, человек этот – первый мой учитель, коего по сю пору с благодарностию вспоминаю... Единственный в нашем селе грамоте разумел, и меня, маль­ца, выучил... Лет этак в пять я мог уж и подпись свою в кон­це бумаги изобразить... Рассказывай, зачем пришёл?

Дьячок перестал плакать, успокоился. Фон-Визин с ин­тересом наблюдал за этой сценой.

– Да вот, батюшка, пятьдесят лет без малого Господу Бо­гу служил... Помнишь, быть может, какой у меня бас был? В соседней деревне слышно было, когда я на клиросе стоял, не зря фамилию Краснопевцева дали... А теперь вот выгна­ли: дряхлый стал, глух и глуп, говорят. Выгнали меня, а я-то без дела сидеть не умею. Давно слышали, что ты, Гришенька, важным человеком стал при государыне императрице, вот я и собрался враз к тебе... Авось пристроишь в должность ка­кую? Очень хотелось бы мне ещё России послужить. На печ­ку-то влезть никогда не поздно...

Потёмкин и Фон-Визин, переглянулись, сдерживая смех.

– Видал, Денис Иваныч? А ты в отставку так рано запро­сился... Так-то... Нашим дворянам не грех у простого наро­да уму-разуму поучиться...

– Сделайте милость, Григорий Александрович, – попро-

сил Денис Иванович, – пристройте старика куда-нибудь!

Потёмкин задумался.

– Так куда ж пристроить-то? Разве что в соборные дьячки?

Дьячок неожиданно звонко присвистнул.

– Э, нет, Ваша светлость... Ты теперь на мой голос не надейся, нынче я петь уже того – ау! Да и видеть стал совсем плохо...

– Слушай, старик... Проходил ли ты сейчас через Исаакиевскую площадь?

– А как иначе-то в город с Васильевского острова попасть? Проходил...

– Монумент Петру Великому видал? – Серьёзно спросил светлейший.

Дьячок закивал.

– Видал, видал... Ох, хорош монумент...

Потёмкин хитро прищурился.

– А когда мимо проходил, не видал ли подле него какого злоумышленника?

Дьячок задумался, поскрёб в затылке.

– Да нет, батюшка... Всё спокойно было...

– Вот и ладно... Знай теперь – это и будет твоё самое важное дело: монумент охранять, чтобы всё вокруг него в порядке было.

Дьячок обрадовано вскочил с места.

– Каждый день, батюшка?

– Каждый божий день. А коли заметишь какую неисправность, немедля докладывай мне через дежурного адъютанта моего.

Дьячок бросился на колени, опять обхватил ноги светлейшего.

– Благодарствую, батюшка! Господь твои добрые дела не забудет!

Потёмкин недовольно расцепил его руки.

– Ну, хорош в ногах-то валяться! Дальше слушай... Жалованье твоё будет из моих доходов по смотрительскому рангу, кроме того, за мой счёт будет тебе и стол, и квартира. Я сегодня же распоряджусь, чтобы после не забыть... Вот Денис Иваныч напомнит, коли из головы вылетит... А как в платье смотрителя оденешься, так и на пост ступай. После караульную тебе сделают, чтоб было, где укрыться от дождя...

Дьячок, которого он поставил подле себя на ноги, закивал.

– Вот уважил старика, вот спасибо-то...

Потёмкин, приобняв его за плечи, повлёк дьячка к дверям.

– А теперь ступай... Дела у нас с Денисом Иванычем... Мешок свой забери, последние пожитки потеряешь...

Дьячок спохватился.

– Так то не пожитки, батюшка, пожитки все на мне... То я тебе морковочки да репки принес прямо с огорода своего... Помню, что ты с измальства морковку любил...

– Ну, спасибо, старик, уважил. Мешок на кухню отдай...

Растрогал ты меня, так и заплакать недолго...

Единственный глаз светлейшего, и впрямь, повлажнел.

– Ступай! Свидимся ещё...

Дьячок ушёл, кланяясь до земли. Потёмкин промокнул глаз и вдруг вспомнил.

– Слушай, Денис Иванович... Говорила мне государыня, что поручение тебе дала: трагедию о монументе написать... Что скажешь?

– Что Вы, Григорий Александрович! Запомнила императрица – то не обо мне была речь... Разве я на Шекспера похож?

Потёмкин лукаво взглянул на него, погрозил пальцем.

– Нимало... На память-то императрица не жалуется, но я с тобой согласен, взгляд у тебя совсем не тот, чтоб трагедии писать... О том ей и доложу.

Фон-Визин перекрестился, вздохнув с облегчением.

– Премного буду благодарен... Прямо гора с плеч...

– Жаль только, что финал для той трагедии, который сама жизнь написала, отличный финал, право слово, пропадёт втуне... Знаешь ли, Пётр Иванович Мелиссино из Греции вернулся?

– Я его видел давеча мельком, не разговаривали ещё...

Завтра на обед приглашён...

– Ну, так он тебе подробности расскажет, а я пока только в общих словах поднесу... Был наш Мелиссино на острове Кефалония, решил посетить родину батюшки своего... И

нежданно-негаданно нашёл он там следы одного общего вашего знакомого...

– Неужто Ласкари? – Поразился Фон-Визин.

– Его самого... Только там он известен под другим именем – графа Карбури... Я в подробностях его происхождения от матушки знаю, сам-то его всего несколько раз видел... Так вот, этот ваш граф Карбури во Франции недолго продержался, французы таких выскочек не любят... Уехал он на свою Кефалонию, там скупил на деньги в России приобретённые, огромные плантации сахарного тростника... Но вскорости убили его свои же работники, живодёром был, говорят, страшным, да и корыстью своей всех обездолил. Вот такие, брат, известия... Ну, а теперь – читай своего «Недоросля». Не томи!

Фон-Визин открыл свою тетрадь.

А на Петровской площади взлетал на крутую скалу бронзовый конь Фальконета.

И маленькая фигурка старого дьячка в смотрительской одежде мелькала где-то у его подножия.